

**Костромской край и сопредельные территории
в древности, Средневековье и в Новое время
(к 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова)**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ УЧАСТНИКОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ОГБУК «КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

КОО ВОО «РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

ОГБУ «НАСЛЕДИЕ»

**КОСТРОМСКОЙ КРАЙ
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ДРЕВНОСТИ,
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В НОВОЕ ВРЕМЯ**

К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова

КОСТРОМА
2017

ББК 63.3(2...)
УДК 94”+/18”:908

Печатается по решению Ученого совета Костромского музея-заповедника

Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время.
К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова: сб. науч. тр. / Под. ред. И. С. Наградова
и В. Л. Щербакова. – Кострома: Линия График Кострома, 2017. - 208 с.

Редакционная коллегия: Лазарев А.Н., Наградов И.С. (отв. ред.), Рассадин В.Н.,
Рябинцев Р.В., Щербаков В.Л. (науч. ред.)

В сборник вошли научные труды участников межрегиональной научной конференции «Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время», приуроченной к 135-летию со дня рождения известного краеведа и организатора краеведческих исследований Василия Ивановича Смирнова (1882-1941) (Кострома, 6 декабря 2017 г.). Авторы статей раскрывают различные стороны жизни костромского края и сопредельных территорий (Ивановской обл., Нижегородской обл.), а так же удаленных, но тесно связанных экономическим и культурным взаимодействием регионов (Пермский край, Владимирская область, Республика Карелия). Статьи распределены по четырем разделам. В первый из них «История научной и организационной деятельности В.И. Смирнова» вошли статьи, посвященные деятельности одного из учредителей и председателей Костромского научного общества по изучению местного края В.И. Смирнова. Второй раздел состоит из статей, посвященных сюжетам древней и средневековой истории. Третий раздел «История Костромского края и сопредельных территорий в Новое время в свете вещественных, письменных и устных источников» подобрал в себя статьи, посвященные событиям и явлениям XVIII – XX вв. Четвёртый раздел «Опыт краеведческих исследований и изучения истории образования» дает возможность познакомиться с работами по истории образования и современными просветительскими и образовательными практиками.

Широкие временные границы исследований от Юрского периода до XX в. делают сборник интересным для специалистов в области истории, археологии, этнографии и краеведения.

ББК 63.3(2...)
УДК 94»+/18»:908

© ОГБУК «Костромской музей-заповедник», 2017
© ОГБУ «Наследие», 2017
© КОО ВОО «Русское географическое общество», 2017
© Издательский Дом
«Линия График Кострома», 2017
© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.И. СМИРНОВА

АРИСТОВ А.А., КУЗНЕЦОВА А.С.

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ КНОИМК
ИЗ СОБРАНИЯ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА 9

ГАНЦОВСКАЯ Н.С.

ПО ЗАМЫСЛАМ В.И. СМИРНОВА:
В.Я. ШИШКОВ И ЭТНОЯЗЫКОВОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ 17

ЕДОШИНА И.А.

В.И. СМИРНОВ В ТЮРЕМНЫХ ПИСЬМАХ К ЖЕНЕ
(К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ) 22

КАТКОВА С.С.

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ КНО.
ЗАРИСОВКИ ПРАЗДНИЧНЫХ ДУГ НА КОСТРОМСКОМ БАЗАРЕ.
К ВОПРОСУ О КОСТРОМСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ РОСПИСИ 28

ПИЛЯК С.А.

ИССЛЕДОВАНИЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА СМИРНОВА. ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО 35

ЦВЕТКОВ С.В.

КОЛЛЕКЦИЯ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ СТАНОК В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СОБРАНИИ
КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА (ИССЛЕДОВАНИЯ В.И. СМИРНОВА) 38

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В СВЕТЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ, ПИСЬМЕННЫХ И УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

АНЦИФЕРОВ А. Л., МИТРОФАНОВ Р. В., ЕФИМОВ Н. А., МАКСИМЕНКО Х. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ ЮРСКОГО ПЕРИОДА НА ТЕРРИТОРИИ
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ ФАЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА
ОБНАЖЕНИЙ РЕКИ УНЖИ 42

НИКИТИНА Т. Б., АКИЛБАЕВ А. В., ШАБАЛИНА Н. Ю.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА «КУЗИНСКИЕ ХУТОРА»
В ШАРЬИНСКОМ РАЙОНЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ 47

КУЗНЕЦОВА В. Н.

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ЗООМОРФНЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ КОСТРОМСКИХ КУРГАНОВ..... 51

САТУРИН А. А., ЩЕРБАКОВ В.Л.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ
НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕТОПИСНОГО Г. УНЖИ В 2017 ГОДУ 58

ЧЕТВЕРТАКОВ Е. В.

РЫБОЛОВСТВО В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ВЕТЛУГЕ ПО МАТЕРИАЛАМ
СЕЛИЩА ДМИТРИЕВСКОЕ 2 64

ШАЛАХОВ Е. Г. О НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДКАХ ПРЕДМЕТОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ВЕТЛУГИ И ВОЛГИ	68
ГОРОХОВА А. В., ЛАЗАРЕВ А. С., БУШУЕВ И. А. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГОСТИНОГО ДВОРА (КРАСНЫХ РЯДОВ) В Г. КОСТРОМЕ 2013-2016 ГГ.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	71
ЛАЗАРЕВ А. С. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ГОСТИНОМ ДВОРЕ (КРАСНЫХ РЯДАХ) В Г. КОСТРОМЕ В 2013-2016 ГГ. (РАСКОПЫ «МЕЛОЧНЫЕ РЯДЫ I» И «МЕЛОЧНЫЕ РЯДЫ II»)	80
КУЗЬМИЧЕВ И. А. КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЕЙ Г. ГАЛИЧА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.	86
МОНЯКОВА О. А. РОЛЬ ЯРМАРОК В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ В XVI-XVIII ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КОВРОВСКОЙ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЯРМАРКИ)	89
ПАНЧЕНКО Г. В. ВАРВАРИНСКИЙ И НИКОЛЬСКИЙ ХРАМЫ Г. ПЛЁСА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	94

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ В СВЕТЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ, ПИСЬМЕННЫХ И УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

ЗЕНКОВА О. Б., КОПЫТКОВ В. В. ИОАНН АНТИПИН. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЛЕГЕНДЫ	100
БУШУЕВ И. А. ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОСТИНОГО ДВОРА Г. КОСТРОМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ (КОН. XVIII – XIX ВВ.)	112
ГОРОХОВА О. В. НОВОЕ О ВЯЗЕМСКОМ	120
АНЦИФЕРОВ А. Л., БАУКИНА Е. В. ПО СТРАНИЦАМ РУКОПИСИ СВЯЩЕННИКА А. ГОРСКОГО: ХРОНОЛОГИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СОБЫТИЙ В КОСТРОМЕ И ЕЁ ОКРЕСТНОСТЯХ В 1880-1888 ГГ.	122
СЛАВНИТСКИЙ Н. Р. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРУЖОК В КОСТРОМЕ В КОНЦЕ 1880-Х ГГ. (ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ)	126
МОСКАЛЁВА Л. В. ЛОКАЛЬНЫЕ ТИПЫ КОСТРОМСКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.	130
МИТРОВ А. Г. ЛИСТОВКИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1905 – 1907 ГГ. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗА КАЗАКА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ	137

СУЛОЕВ И. Н. ВНЕПАРТИЙНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905-1907 ГГ.	141
ПАВЛОВА М. А. СУДЬБА Н. И. ЛАДЫЖЕНСКОГО – ПЕРВОГО ХРАНИТЕЛЯ СОБРАНИЯ Г. А. ЛАДЫЖЕНСКОГО	144
МИХАЙЛОВ С. С. АССИРИЙЦЫ – ВЫХОДЦЫ ИЗ СЕЛА СЕВИНЕ В ГОРОДАХ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ В 1920-1930-Х ГГ.	148
СЛЕПЦОВА И. С. ТРИ ПРАЗДНИКА. СТРАТЕГИИ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ	153
ЧЕСНОКОВА Е. Г. ТРАДИЦИОННЫЙ СЕЛЬСКИЙ ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТРОМСКОЙ И ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)	160

РАЗДЕЛ 4. ОПЫТ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

ПАНИНА Н. В. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ. (ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	164
КАЛИНИНА Е. А., СУДАКОВА О. В. ДИНАСТИЯ ВОСКРЕСЕНСКИХ, УРОЖЕНЦЕВ КОСТРОМЫ, НА СЛУЖБЕ В ДИРЕКЦИИ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	169
ПУШКОВ В. П. КОСТРОМИЧИ – ПЕРВОКУРСНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1917/18 АКАДЕМИЧЕСКОГО ГОДА	174
САМОДЕЛОВА Е. А. О ВЛИЯНИИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ НА ОПЫТ СОЗДАНИЯ Е. В. ЧЕСТНЯКОВЫМ ДЕТСКОГО САДА В Д. ШАБЛОВО КОЛОГРИВСКОГО УЕЗДА	179
ВОЛКОВА Е. Ю. ИСТОРИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ УСТНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ ЖИТЕЛЕЙ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ, ЧЬЕ ДЕТСТВО ВЫПАЛО НА ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	185
СОЛОВЬЁВА Л. В. АНДРЕЙ СИЛЬВЕСТРОВИЧ МОРОЗОВ И ЕГО ДЕТИЩЕ: К 100-ЛЕТИЮ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ	190
СИЗОВА О.Н., РАССАДИН В.Н., БУШУЕВ И.А. РАСКРАСКА «КРАСОЧНАЯ КОСТРОМА» КАК СРЕДСТВО ДЛЯ ЗНАКОМСТВА С ИСТОРИЕЙ И КУЛЬТУРОЙ РОДНОГО КРАЯ И РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У ДЕТЕЙ 5-8 ЛЕТ	197

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
генерального директора
Костромского музея-заповедника
Н.В. ПАВЛИЧКОВОЙ

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

С изучения истории родного края начинается знакомство каждого человека с историей страны. Прогулки по историческим местам родного города, посещение музеев, изучение учебных курсов краеведения с детских лет оставляют в сознании человека глубокий след, формируют его представление о принадлежности к большой общности – народу.

Необходимо, чтобы формирование этого представления протекало в русле научного дискурса, и было свободно от квазинаучных теорий и вымышленных фактов. Задача ученых и музейных работников состоит в том, что бы донести до широких кругов педагогической общественности новейшие данные в области археологии, истории, этнографии и лингвистики.

Настоящий сборник, являясь результатом научной конференции «Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время», будет направлен в просветительские учреждения и учебные заведения для того, чтобы стать основой при изучении истории и культуры костромского края и сопредельных территорий.

Желаю всем участникам конференции творческих успехов и больших перспектив в реализации их исследований!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
председателя Костромского
областного отделения
Русского географического общества
Р.В. РЯБИНЦЕВА

Дорогие друзья! Уважаемые исследователи!

Костромское областное отделение Русского географического общества видит своей целью поддержку научных исследований, направленных на изучение истории, этнографии, географии, природы и культуры Костромской области. В связи с этим Отделение приняло предложение инициаторов конференции выступить соорганизатором конференции «Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и Новое время».

Надеюсь, что настоящая конференция послужит расширению достоверных научных сведений о костромском крае, будет способствовать росту интереса жителей к истории, культуре и природе родной земли.

Надеюсь на продолжение подобных научных собраний под эгидой Костромского музея-заповедника, ОГБУ «Наследие» и КОО ВОО «Русское географическое общество» в будущем.

Желаю участникам конференции успешного завершения всех начатых исследовательских проектов и новых оригинальных идей!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
директора ОГБУ «НАСЛЕДИЕ»
С.Н. РЕВИЧЕВА

Василий Иванович Смирнов – выдающийся отечественный археолог и этнограф, труды которого легли в основу множества историко-краеведческих работ, сохраняющих актуальность и до на наших дней. Современные ученые, разрабатывая вопросы исторического прошлого Костромской земли и занимаясь изучением духовной и бытовой культуры её населения, неизменно опираются на материалы, опубликованные Костромским научным обществом по изучению местного края, деятельность которого не была бы столь результативна без организационного и научного участия его секретаря, а в дальнейшем и председателя В. И. Смирнова.

Настоящая конференция, посвященная 135-летию со дня рождения В. И. Смирнова – важный и необходимый шаг на пути открытия новых научно-исследовательских потенциалов в современной российской исторической науке, краеведении, археологии, этнографии и филологии. Обмен мнениями ученых из разных регионов, работающих в сферах охраны памятников истории и культуры, археологии, высшего образования, музейного и архивного дела, нацеленный на постановку актуальных научных проблем и выработку новых методологических подходов, позволяет с оптимизмом оценивать перспективы дальнейших историко-краеведческих исследований как в Костромской области, так и за её пределами.

РАЗДЕЛ 1.
История научной
и организационной
деятельности В. И. Смирнова

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
КНОИМК ИЗ СОБРАНИЯ КОСТРОМСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Аристов А. А., Кузнецова А.С.

ОГБУК КГИАХМЗ, г. Кострома

Ведущую роль в формировании археологической коллекции Костромского музея в 20-е годы XX века сыграло Костромское научное общество по изучению местного края (далее КНОИМК). В результате исследовательской деятельности КНОИМК, продолжавшейся вплоть до его ликвидации в 1929 году, фонд музея пополнился многочисленными предметами из разведок, раскопок и сборов, проводимых на памятниках археологии Костромской губернии членами общества при участии сотрудников Костромского музея. Значительная часть археологических коллекций, поступивших в этот период в музей, получена в ходе систематических работ под руководством В.И. Смирнова – одного из членов-учредителей КНОИМК, возглавлявшего его археологическое направление. Этнологической станцией общества, в составе которой действовала археологическая экспедиция, были исследованы области в районе Костромской низины, озёр Галичского, Чухломского, Половчиновского, в Костроме и др., открыты новые древние поселения и стоянки и изучены ранее известные.

Несмотря на то, что часть поступивших в музей предметов была утрачена в последовавшие после прекращения деятельности КНОИМК годы, большинство коллекций, собранных обществом, сохранилось до сегодняшнего дня. В настоящее время археологические материалы КНОИМК в собрании музея насчитывают более 40000 предметов.

Описанные ниже коллекции представлены в хронологическом порядке получения их обществом на исследуемых памятниках, датировка приведена на основании учетной документации и типологической принадлежности содержащихся в коллекциях предметов.

КМЗ КОК-15424/1-89. Коллекция кремня из сборов на озере Волоцком. 1918 г.¹ Изделия из кремня представлены рядом нуклеидных осколков неправильной формы, фрагментом обработанного камня со следами шлифования, негеометрическими микролитами (микроотщепы), сколами первичной обработки, отщепами различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм, резцами на отщепах раз-

1 КМЗ КОК-15424.

личных (подтреугольной, треугольной, четырёхугольной) форм, срединными проколками на треугольных по форме отщепках (рис. 1: 1).

КМЗ КОК-15420/1-808. Коллекция каменных орудий со стоянки у деревни Огадино. 1918, 1921, 1924, 1925 гг.² (мезолит, неолит) Изделия из камня представлены кремневыми листовидными и ромбовидными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью, наконечниками дротиков, негеометрическими микролитами (микроотщепы, листовидными микропластины), отщепками различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм; сланцевыми наконечниками стрел с двусторонней обработкой ретушью (рис. 1: 2).

КМЗ КОК-15447/1-210. Коллекция кремневых орудий из сборов у Ипатьевского монастыря. 1918-1921 гг.³ (мезолит, неолит) Изделия из кремня представлены скребками на отщепках с обработкой ретушью, долотом подпрямоугольной формы, пластинами подпрямоугольной формы, микролитами (микроотщепы, микропластины) (рис. 1-3).

КМЗ КОК-15296/1-65. Коллекция предметов из раскопок на Минском городище. 1919 г.⁴ (р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и средние ямки, четырёхугольные) вдавлениями, фрагменты сосудов без орнаментации (рис. 1: 4).

КМЗ КОК-15391/1-1631. Керамика и каменные орудия из раскопок и разведок В.И. Смирнова у села Туровское. 1921-1927 гг.⁵ (неолит, эпоха бронзы, р.ж.в.)

2 КМЗ КОК-15420.

3 КМЗ КОК-15447.

4 КМЗ КОК-15296.

5 КМЗ КОК-15391.

Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с ямочно-ребенчатым орнаментом, фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с отпечатками зубчатого штампа, расположенными в разных направлениях и образующими разнообразные узоры (зигзаг, ромбические фигуры и др.), фрагменты сосудов с различными (крупные ямки, овальные, четырёхугольные) вдавлениями. Венчики сосудов орнаментированы ребенкой. Изделия из камня представлены рядом кремневых нуклеидных осколков неправильной формы, отщепками различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм, листовидными и ромбовидными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью, тёслами подтрапециевидной формы, скребками на отщепках с обработкой ретушью, продолговатым полированным предметом, округлым в сечении, с четырьмя равноширокими поперечными канавками по окружности с одного из концов; сланцевой плоской подвеской подпрямоугольной формы с отверстием в верхней части (рис. 1: 5).

КМЗ КОК-15421/1-811. Коллекция предметов со стоянки у деревни Святое (Некрасово). 1924-1925 гг., 1925-1927 гг.⁶ (мезолит, неолит, эпоха бронзы) Изделия из кремня представлены рядом кремневых нуклеидных осколков неправильной формы, отщепками различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм, листовидными и ромбовидными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью, листовидными наконечниками дротиков, наконечниками копий, ядрами для пращи (?) шарообразной формы, микролитами (микропласти-

6 КМЗ КОК-15421.

ны) с обработкой ретушью, сверлёными топорами-молотками фатьяновского типа (рис. 1: 6).

КМЗ КОК-15444/1-128. Коллекция предметов из сборов со стоянки у кирпичного завода близ деревни Овинцы. 1924-1927 гг.⁷ (неолит, эпоха бронзы) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и мелкие ямки, четырёхугольные) вдавлениями, фрагменты сосудов с линейным орнаментом. Венчики сосудов орнаментированы гребёнкой. Изделия из камня представлены кремневыми отщепами различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм, сверлёными топорами-молотками фатьяновского типа (рис. 1: 7).

КМЗ КОК-15309/1-5213 Коллекция керамики из раскопок стоянки Борань. 1925 г.⁸ (неолит, эпоха бронзы, р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов со сплошным ямочным орнаментом, фрагменты сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом. Венчики сосудов орнаментированы гребёнкой (рис. 1: 8).

КМЗ КОК-15311/1-583. Коллекция кремневых орудий из раскопок на стоянке Борань. 1925 г.⁹ (неолит, эпоха бронзы) Изделия из кремня представлены отщепами различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм, листовидными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью, скребками на пластинах и отщепах с обработкой ретушью, долотами, шлифованными топориками;

фрагментами камней со следами обработки (шлифовка, полировка); сланцевый шлифованный топорик с проточенной поперечной канавкой (рис. 1: 8).

КМЗ КОК-15385/1-10. Коллекция керамики из разведок близ деревни Говядиново Костромского района. 1925 г.¹⁰ (эпоха бронзы) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с отпечатками зубчатого штампа, образующими различные (двойную ромбическую сетку, наклонные отпечатки и пр.) орнаменты, фрагменты сосудов с мелкими ямчатыми вдавлениями, фрагменты керамики с нарезным узором, фрагменты керамики с ногтевидными вдавлениями, образующими зигзаги (рис. 1: 9).

КМЗ КОК-15384/1-773. Коллекция предметов из раскопок В.И. Смирнова близ деревни Говядиново. 1925 г.¹¹ (эпоха бронзы) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и мелкие ямки, овальные, треугольные, четырёхугольные, линзовидные, каплевидные, ногтевидные) вдавлениями. Фрагменты сосудов с жемчужным орнаментом, фрагменты сосудов отпечатками зубчатого штампа, расположенными в разных направлениях, фрагменты сосудов с беспорядочным нарезным узором. Венчики сосудов орнаментированы гребёнкой. Изделия из кремня представлены кремневыми отщепами различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм (рис. 1: 9).

КМЗ КОК-15407/1-1337. Коллекция предметов из раскопок на холме Ватажка. 1925 г.¹² (р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосу-

7 КМЗ КОК-15444.

8 КМЗ КОК-15309.

9 КМЗ КОК-15311.

10 КМЗ КОК-15385.

11 КМЗ КОК-15384.

12 КМЗ КОК-15407.

дов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и мелкие ямки, овальные, треугольные, четырехугольные) вдавлениями, фрагменты сосудов с зубчатым штампом, фрагменты сосудов с шнуровым орнаментом в виде горизонтальных и вертикальных полос, фрагменты сосудов с беспорядочным нарезным узором. Венчики сосудов орнаментированы гребёнкой (рис. 1: 10).

КМЗ КОК-15412/1-602. Коллекция керамики и камня со стоянки у озера Стойка близ села Саметь. 1925 г.¹³ (неолит, эпоха бронзы) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные ямки, овальные, четырехугольные) вдавлениями. Фрагменты сосудов с зубчатым штампом (крупный, редкий), фрагменты сосудов с линейным орнаментом. Венчики сосудов орнаментированы гребёнкой. Фрагмент глиняного пряслица. Изделия из камня представлены рядом кремневых нуклеидных осколков неправильной формы, отщепами различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм; диоритовый шлифованный пест, округлый в сечении (рис. 1: 11).

КМЗ КОК-15310/1-11123. Коллекция предметов со стоянки Борань. 11926 г.¹⁴ (неолит, эпохи бронзы, р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с наклонными линиями зубчатого штампа, фрагменты сосудов с рамчатым штампом; развал «открытой» чаши с округлым дном, орнаментирован хаотично направленными отпечатками зубчатого штампа. Изделия из кремня представлены отщепами

13 КМЗ КОК-15412.

14 КМЗ КОК-15310.

различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм, срединными проколками на треугольных по форме отщепах, листовидными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью, пластинами подпрямоугольной формы, скребками на отщепах с обработкой ретушью (рис. 1: 8).

КМЗ КОК-15400/1-4239. Коллекция археологических предметов из раскопок Федоровского поселения. 1926 г.¹⁵ (мезолит, неолит, эпохи бронзы, р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с ямочным орнаментом, фрагменты сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и мелкие ямки, овальные, четырехугольные, ногтевидные и др.) вдавлениями, фрагменты сосудов с линейным и волнистым орнаментом, фрагменты сосудов с нарезным орнаментом, фрагменты сосудов с разнонаправленными отпечатками зубчатого штампа. Венчики сосудов орнаментированы гребёнкой. Фрагмент глиняного грузила биконической формы, глиняное грузило округлой формы. Изделия из камня представлены рядом кремневых нуклеидных осколков неправильной формы, кремневыми отщепами различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм, ножевидными пластинами, листовидными и ромбовидными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью и с частичной обработкой пера ретушью, тёслами подтрапециевидной формы, в том числе шлифованными; уплощённым сланцевым камнем со следами сверления с обеих сторон; фрагментами камней со следами обработки (шлифовка, полиров-

15 КМЗ КОК-15400.

ка); каменным грузилом бочонковидной формы. Фрагментированное янтарное изделие овальной формы со следами обработки (рис.1: 12).

КМЗ КОК-15406/1-1513. Коллекция предметов из раскопок холма Ватажка на берегу озера Борисово близ впадения в него реки Якша. 1926 г.¹⁶ (р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и мелкие ямки, овальные, четырехугольные, треугольные, линзовидные, парные и др.) вдавлениями, фрагменты сосудов с разнонаправленными отпечатками зубчатого и рамчатого штампов (рис.1: 10).

КМЗ КОК-15417/1-20. Материалы из раскопок стоянки близ деревни Говядиново Костромского района. 1926 г.¹⁷ (эпоха бронзы) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с ямочным орнаментом, фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и мелкие ямки, овальные, четырехугольные, луночные) вдавлениями, фрагменты сосудов с разнонаправленными и образующими разнообразными узорами (зигзаг и др.) отпечатками зубчатого штампа, фрагменты сосудов с беспорядочным нарезным узором. Венчики сосудов орнаментированы гребёной. Зубчатый орнамент, сделанный из человеческой лопатки. Фрагментированные необработанные кости (рис.1: 9).

КМЗ КОК-15312/1-9582. Коллекция предметов из раскопок со стоянки Борань. 1927 г.¹⁸ (неолит, эпоха бронзы, р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с ямочным ор-

наментом, фрагменты сосудов с гребенчатым орнаментом, фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (мелкие ямки, овальные, ногтевидные) вдавлениями, фрагменты сосудов с шнуровым орнаментом в виде косых линий, фрагменты сосудов с беспорядочным нарезным узором. Изделия из камня представлены кремневыми отщепами различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм, срединными проколками на треугольных по форме отщепах, листовидными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью, пластинами подпрямоугольной формы, скребками на отщепах с обработкой ретушью; зубчатый орнамент из сланца (рис.1: 8).

КМЗ КОК-15405/1-6134. Коллекция предметов из раскопок холма Ватажка на берегу озера Борисово близ впадения в него реки Якша. 1927 г.¹⁹ (р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (мелкие и крупные ямки, овальные, ногтевидные, луночные, линзовидные, каплевидные, парные) вдавлениями, фрагменты сосудов с разнонаправленными отпечатками зубчатого штампа, фрагменты сосудов с беспорядочным нарезным узором (рис.1: 10).

КМЗ КОК-15410/1-17. Коллекция предметов из разведок у села Пустынь Костромского уезда. 1927 г.²⁰ Керамический комплекс включает в себя раструбовидный венчик без орнамента. Изделия из кремня представлены осколками каменной неправильной формы, отщепом подпрямоугольной формы. Фрагментиро-

16 КМЗ КОК-15406.

17 КМЗ КОК-15417.

18 КМЗ КОК-15312.

19 КМЗ КОК-15405.

20 КМЗ КОК-15410.

ванная необработанная кость животного (рис.1: 13).

КМЗ КОК-15411/1-11. Коллекция предметов из разведок на берегу реки Воржи. 1927 г.²¹ Керамический комплекс включает в себя фрагмент сосуда с линейным орнаментом, неорнаментированные фрагменты сосудов. Изделия из кремня представлены отщепами различных (четырёхугольной, подтреугольной, неправильной) форм (рис.1: 14).

КМЗ КОК-15415/1-219. Материалы из раскопок на стоянке «Пески» на берегу Галичского озера близ села Умиление. 1927 г.²² (неолит, эпоха бронзы, р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты керамики с разнонаправленными отпечатками зубчатого и рамчатого штампов, фрагменты сосудов с различными (крупные ямки, овальные, линзовидные) вдавлениями (рис.1: 15).

КМЗ КОК-15416/1-83. Коллекция предметов со стоянки Пески на берегу Галичского озера близ села Умиление. Подъёмный материал. 1927 г.²³ (мезолит, неолит, эпоха бронзы, р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и мелкие ямки, овальные, каплевидные, ногтевидные) вдавлениями, фрагменты сосудов с разнонаправленными отпечатками зубчатого штампа, в том числе образующими узоры в виде ромбических сеток. Изделия из камня представлены кремневыми отщепами различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм, пластинами, в том числе с обработкой ретушью, рубилами на крупных отщепах овальной формы; сланцевыми полированными тёслами трапециевидной формы, полированными топорами (рис.1: 15).

21 КМЗ КОК-15411

22 КМЗ КОК-15415.

23 КМЗ КОК-15416.

КМЗ КОК-15414/1-69. Коллекция предметов из раскопок гривы «Борань». 1927 г.²⁴ (неолит, эпоха бронзы, р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (мелкие и крупные ямки, линзовидные, парные) вдавлениями, фрагменты сосудов с беспорядочным нарезным узором. Изделия из кремня представлены отщепами различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм (рис.1: 8).

КМЗ КОК-15425/1-307. Коллекция предметов из сборов близ села Шунга. 1919, 1920, 1923, 1924, 1926 гг.²⁵ (неолит, эпоха бронзы, р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и мелкие ямки, овальные, четырёхугольные, треугольные, луночные каплевидные, ногтевидные) вдавлениями, фрагменты сосудов с разнонаправленными отпечатками зубчатого штампа, образующими разнообразные узоры (зигзаг и др.), фрагменты сосудов с беспорядочным нарезным узором; бочонковидное грузило, орнаментированное овальными вдавлениями. Изделия из камня представлены кремневыми отщепами неправильной формы, скребками на отщепах с обработкой ретушью, долотами, листовидными, ромбовидными, треугольными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью, целыми и фрагментированными сверлёными топорами-молотками фатьяновского типа, полированными топорами; сланцевыми полированными тёслами трапециевидной формы, долотами; фрагментами камней со следами обработки (шлифовка, полировка) (рис.1: 16).

КМЗ КОК-15426/1-19. Коллекция керамики и кремня со стоянки на берегу озера

24 КМЗ КОК-15414.

25 КМЗ КОК-15425.

*Каменик. 1927 г.*²⁶ (неолит) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с разнонаправленными отпечатками зубчатого штампа. Изделия из камня представлены рядом кремневых нуклевидных осколков неправильной формы, листовидными и ромбовидными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью, скребками на отщепках с обработкой ретушью, долотами подпрямоугольной формы; сланцевыми нуклевидными осколками неправильной формы (рис. 1: 17).

*КМЗ КОК-15428/1-172. Коллекция керамики и кремня со стоянки близ деревни Поповка Буйского района. 1927 г.*²⁷ (мезолит, неолит) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с ямочным орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные ямки, линзовидные, парные) вдавлениями, фрагменты сосудов с разнонаправленными отпечатками зубчатого штампа. Изделия из камня представлены рядом кремневых нуклевидных осколков неправильной формы, ножевидными пластинами, листовидными и ромбовидными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью, скребками на отщепках и пластинах с обработкой ретушью, долотами подпрямоугольной формы; сланцевыми нуклевидными осколками неправильной формы (рис. 1: 18).

*КМЗ КОК-15439/1-249. Коллекция со стоянки Станок. 1927 г.*²⁸ (неолит, эпохи бронзы, р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и мелкие ямки, овальные) вдавлениями, фрагменты сосудов с разнонаправленными отпечатками зубчатого штампа, образу-

щими разнообразными узорами (зигзаг и др.). Венчики сосудов орнаментированы гребённой. Изделия из кремня представлены рядом кремневых нуклевидных осколков неправильной формы, отщепками различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм. Фрагмент кальцинированного костяного изделия с отверстием (рис. 1: 19).

*КМЗ КОК-15441/1-35. Коллекция керамики и кремня, собранная у бань в селе Мисково на берегах рек Мезы и Глушицы. 1927 г.*²⁹ Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с ямочным орнаментом, фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с нарезным узором в виде горизонтальной ёлочка. Изделия из кремня представлены отщепками различных (четырёхугольной, подтреугольной, неправильной) форм, ромбовидным наконечником с двусторонней обработкой ретушью (рис. 1: 20).

*КМЗ КОК-14285/1-824. Коллекция археологических предметов из раскопок стоянки Станок. 1928 г.*³⁰ (неолит, эпохи бронзы, р.ж.в.) Изделия из камня представлены рядом кремневых нуклевидных осколков неправильной формы, отщепками различных (четырёхугольной, подтреугольной, овальной, неправильной) форм, листовидными наконечниками стрел, в том числе с двусторонней обработкой ретушью, наконечниками дротиков, скребками на отщепках с обработкой ретушью, шлифованными топориками; фрагментами песчаника со следами обработки (шлифовка) (рис. 1: 19).

*КМЗ КОК-15413/1-2436. Материалы из раскопок стоянки Пески (Умиление) на берегу Галичского озера. 1928 г.*³¹ (неолит, эпоха бронзы, р.ж.в.) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с

26 КМЗ КОК-15426.

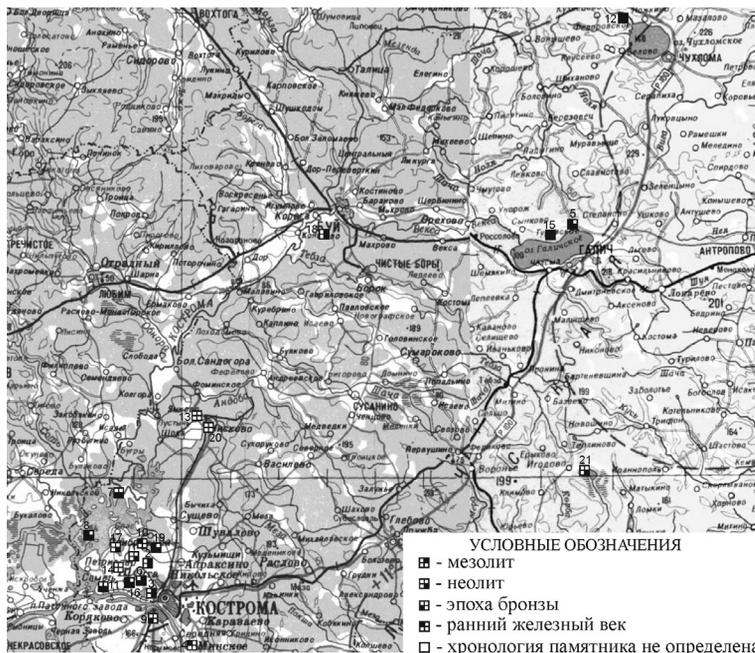
27 КМЗ КОК-15428.

28 КМЗ КОК-15439.

29 КМЗ КОК-15441.

30 КМЗ КОК-14285.

31 КМЗ КОК-15413

Исследованные КНОИМК памятники археологии, коллекции которых представлены в собрании Костромского музея-заповедника.

сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, фрагменты сосудов с различными (крупные и мелкие ямки, четырёхугольные, ногтевидные, овальные, луночные) вдавлениями, фрагменты с беспорядочно расположенным шнуровым орнаментом, фрагменты сосудов с разнонаправленными отпечатками зубчатого штампа, фрагменты сосудов с беспорядочным нарезным узором (рис. 1: 15).

КМЗ КОК-15446/1-73. Коллекция каменных орудий со стоянки у озера Половчиновское Галичского уезда. 1928 г.³² (неолит) Изделия из кремня представлены листовидными и ромбовидными наконечниками стрел с двусторонней обработкой ретушью, скребками на отщепах с обработкой ретушью, тѣслами подтрапециевидной формы, в том числе шлифованными, долотами подпрямоугольной формы, шлифованными топориками, комбинированным орудием на прямоугольном по форме крупном отщепе, обработанным ретушью (рис. 1: 21).

32 КМЗ КОК-15446.

КМЗ КОК-15448/1-75. Коллекция предметов со стоянки близ д. Говядиново. 1928 г.³³ (эпоха бронзы) Керамический комплекс включает в себя фрагменты сосудов с сетчатым орнаментом, фрагменты сосудов с волнистым орнаментом, фрагменты сосудов без орнаментации. Целые и фрагментированные необработанные кости животного (рис. 1: 9).

КМЗ КОК-15380. Топор-молоток каменный фатьяновский. Из разведок близ деревни Говядиново Костромского района. 1925 г.³⁴

КМЗ КОК-15381. Каменный фатьяновский топор-молоток. Из разведок близ деревни Говядиново Костромского района. 1925 г.³⁵

КМЗ КОК-15382. Топор кремневый клиновидный. Из разведок близ деревни Говядиново Костромского района. 1925 г.³⁶

КМЗ КОК-15450. Нуклеус кремневый. «Бугорки» на реке Шокше Костромского уезда. 1926 г.³⁷

Благодаря археологической деятельности КНОИМК был выявлен, передан в музей и большей частью сохранён внушительный комплекс предметов древности различных эпох. В первую очередь, это артефакты каменной индустрии (изделия из кремня, сланца и др. пород), керамические изделия (развалы сосудов, фрагменты сосудов, грузила и др.), изделия, янтаря, кости. Эти материалы по-прежнему являют собой ценный источник для исследовательской и выставочной деятельности.

33 КМЗ КОК-15448.

34 КМЗ КОК-15380.

35 КМЗ КОК-15381.

36 КМЗ КОК-15382.

37 КМЗ КОК-15450.

ПО ЗАМЫСЛАМ В.И. СМИРНОВА: В.Я. ШИШКОВ И ЭТНОЯЗЫКОВОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

Ганцовская Н.С.

Костромской государственный университет

16 апреля 1912 года был официально утверждён устав Костромского общества по изучению местного края (КНОИМК), где ставились задачи изучения Костромского края «в естественно-историческом, историко-археологическом, этнографическом, культурном и прочих отношениях...»¹. В.И. Смирнов, один из учредителей КНОИМК, впоследствии ставший его председателем, а также руководителем краеведческого музея и этнологической станции, в том же году в местной газете («Наша костромская жизнь» (№ 90, 25 апреля) писал следующее о костромском крае: «наш край весьма слабо исследован не только в смысле учёных изысканий, но и в деле простого собирания природных произведений края <...> и спасения их от уничтожения. К сожалению, недостаточно изучены география края, недра земли, растительность, животный мир, само население, его быт и т.д. Потребность в изучении природы и жизни края давно назрела»²). В.И. Смирнов призывал изучать особенности местного края как собственными силами жителей костромского края, «подмастерьев науки, заброшенных

в разные глухие углы» и «отравленных» краеведением»³, так и силами столичных исследователей и писателей.

Одним из таких редких и ценных столичных исследователей этнокультурных особенностей Костромского края, в том числе и в области языка, оказался Вячеслав Яковлевич Шишков, который в 1924 году по приглашению В.И. Смирнова приехал в Кострому, чтобы ознакомиться с жизнью и бытом населения северо-западной части Костромской губернии. Вот как сам он написал об этом. «Прошлым летом 1924 года я направился с котомкой в Костромскую губернию. По совету заведующего Костромским музеем В.И. Смирнова, я решил подняться вверх по Костроме-реке, перебраться в Галич и Солигалич, Чухлому и далее захватить Кологривский уезд и весь приунженский край. Но намеченный маршрут удалось выполнить только отчасти: я успел ознакомиться с краем лишь в пределах между городами Костромой и Буюем»⁴. Его произведение «Приволжский край», написанное в форме на-

1 Устав КНОИМК. Кострома, 1913. С. 3.

2 Шипилов А.Д. Русская провинциальная историография XIX – нач. XX вв. Костромская школа. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. С. 375.

3 Смирнов В.И. Речь, посвящённая 15-летию образования КНОИМК // ГАКО. Ф.Р 550. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

4 Шишков В.Я. Приволжский край // Костромская земля. Краеведческий альманах. Приложение к серии «Костромская библиотека». Вып. 6. Кострома, 2007. С. 498.

учно-художественных очерков (к сожалению сейчас это уже редкий жанр, его высоко ценил выдающийся лингвист нашего времени А.С. Герд), является бесценным источником сведений о народно-разговорном языке ближней части Костромского Заволжья. Оно представляет собой пронумерованные главы, имеющие географические заголовки и в виде подзаголовков перечень затронутых в них тем. Заголовки таковы. *I. ПОД КОСТРОМОЙ. Каменный век, электрификация и патока. II. РАЙОН ХМЕЛЕВОДСТВА. На пароходе – Осколки войны – Деревенская грязь – Разговор за чаем о поэте Некрасове, мужичьих пожарах и колоколе – Смерть солдатки – Ликвидация неграмотности – Тяга к «культурному цеху» – «Религия подгадила» и внутри главы: Цифры – Голод – Пастуший рожок – На хмельниках – Пасека – В чайной – Стенная газета – Комсомольцы – Благочестивая бабка, шутник-хозяин и красавица Груняха – Картинная галерея. III. ДЕРЕВНЯ ОВСЯНКИНА. Ванька – В науку – Омоложение деревни – Смычка – Боязливые бабы – «А у меня вырывают» – Заволжские старцы – Мужиковское искусство – С балкона – Евгеника – Бывшая аристократка. IV. СЕЛО ПАВЛОВСКОЕ. Мельничные черти – Семейство сельского священника – Воспоминания отца Ивана о Е.И. Якушкине – Самогон – Поповичи – Строгая власть.*

Безусловно, поездка писателя органически вписывалась в новый проект этнографической экспедиции, принятый на декабрьском заседании 1923 г. Костромской губернской конференции по настоянию В.И. Смирнова, где предполагалось совместное обследование Костромского и Буйского уездов в бассейне реки Костромы местными силами и столичными исследователями и деятелями культуры. Знаток истории русского народа и его

быта, любитель народного слова, прекрасный стилист и вместе с тем неравнодушный гражданин, писатель В.Я. Шишков как никто подходил для этой миссии: она совпадала с его собственными замыслами погружения в толщу современной жизни одного из уголков России в переломный момент её развития. Повредив ногу в Буйском уезде вблизи села Павловского, Вячеслав Яковлевич уже не смог продолжить поездку, и семьдесят три страницы его нарратива посвящены описанию традиционного бытового уклада жизни населения и намечающихся перемен только Костромского и Буйского уездов. И всё это даётся через призму языкового, явно доброжелательного авторского отношения к людям и событиям, не лишённого доброй иронии. И это наряду с писательским мастерством помогает читателю воспринять те содержательные моменты произведения, которые их ближе всего интересуют. Так, на наш взгляд, на фоне больших художественных достоинств очерков на первый план выходит мастерское воспроизведение живого народного языка тех мест, где побывал автор. Причём диалектные особенности края органически выглядят не только в речи персонажей, но и умело вписываются в авторскую речь. В.Я. Шишков, пользуясь всеми красками живого русского языка, совершенно свободно общается с крестьянами и людьми иных социальных групп Костромского Заволжья, не выглядит среди них чужаком и достигает с ними полного взаимопонимания. Это лучший способ употребления национального языка, когда читатель органически включается в число собеседников писателя. В этом-то гибком владении русским литературным языком и заключается подлинная культура речи.

Мы считаем долгом поблагодарить А.В. Соловьёву, организатора выпусков

краеведческого альманаха «Костромская земля», за возможность ознакомиться в наше время с этим печатным раритетом. Очерки В.Я. Шишкова «Приволжский край» внесены в качестве перепечатки из журнала «Ржаная Русь» в рубрику «Писатели о костромском крае» этого альманаха⁵. Я с удовольствием не в первый раз обращаюсь к исследованию диалектизмов костромского края в этом произведении⁶).

На основании очерков В.Я. Шишкова мы готовим словарь диалектных слов и устойчивых оборотов костромских и буйских говоров, которые наряду с материалами этих мест Н.Н. Виноградова начала XX в.⁷ и Ф.И.

Покровского конца XIX по буйским говорам⁸ дополняют копилку диалектной лексики Костромского и Буйского уездов и войдут в число источников создающегося Костромского областного словаря.

Для образца приводим начало наших материалов для словаря диалектизмов очерков В. Шишкова, где лексика подана (пока) без алфавитного порядка и разбиения на тематические группы. Сюда включаются, помимо нарицательной лексики, и имена собственные в виде топонимов и личных имён людей как необходимые атрибуты географии края. Заголовочное слово иллюстрируется только авторским текстом.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ, ТОПОНИМОВ, ЛИЧНЫХ НАЗВАНИЙ И УСТОЙЧИВЫХ ОБОРОТОВ КОСТРОМСКОГО И БУЙСКОГО УЕЗДОВ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (СОСТАВЛЕНА ПО КНИГЕ ОЧЕРКОВ В.Я. ШИШКОВА «ПРИВОЛЖСКИЙ КРАЙ»)

Грива. *На песчаной, намытой гриве – деревня.*

Озерко. *Это озерко, возле которого мы стоим, – говорит археолог, – называется» Мерь. Тут жили когда-то меряне. Когда же пришли и осели здесь славянские племена, они, в противовес этому озеру, называли вон то озеро – «Святым».*

5 Шишков В.Я. Приволжский край // Костромская земля. Краеведческий альманах. Приложение к серии «Костромская библиотека». Вып. 6. Кострома, 2007. С. 498–572.

6 Ганцовская Н.С. Творчество писателей, связанных с костромским краем, как источник изучения живой народной речи (А.Н. Островский и В.Я. Шишков) // Вестник Костромского государственного университета. 2007. Т. 13, № S2. С. 108–112.

7 Виноградов Н. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. СПб.: Типография Императорской акад. наук, 1904; Виноградов Н. Народная свадьба в Костромском уезде. (Отдельный оттиск из VIII вып. Трудов Костромского научного об-ва по изучению местного края). Кострома: Электронпечатня М.Ф. Риттер, 1917.

Мерьский стан. *От устья Костромы до села Мисскова, куда вы собираетесь, вверх по реке Костроме, был рассеян так называемый «Мерьский стан». Этих станов рассеяно по губернии много.*

Судиславль, Горесловка, Гридины, Китоврасово, Шеломец, Здемирово. *Такие названия в крае, как Судиславль, Горесловка, Гридины, Китоврасово, Шеломец, Здемирово – дышат глубокой стариной.*

Ушкуйник. *В седые времена приходили сюда и новгородцы, сначала в качестве ушкуйников, а позднее с торговыми целями.*

Черемиса луговая. *...Интересный... документ, как заволжские старцы в древности утесняли черемис. Луговая чере-*

8 Покровский Ф.И. О народных говорах северо-западной части Костромской губернии. (Из отчёта о командировке от ИРГО в 1896 г.) // Живая старина. – СПб.: Тип. С. Н. Худякова, 1897. Вып. 3–4. С. 462–469.

миса жаловалась царю на игумена Унженского монастыря Пафнутия и старца Варлаама...

Черемисские ясачные ухозя.

Ясачные дворы. И от тех-де старцев многие ясачные дворы запустили и врознь разошлись. 502.

Братия. И ныне-де те старцы Варлаам с братией и со крестьяны ...

Бровка. Промеряйте шагами от бровки холма...

Нечистик. ...Это самое электричество не от бога, а от нечистика.

◇ **Как у журавля на кочке** ...и земли-то у нас как у журавля на кочке, пахотной-то: у нас главное – луга и картошка.

Тепра. М.И. Стругов из деревни **Тепры** катит.

◇ **Лови-бери-подхватывай.** ...Ежели управитель не брюхом, а головой думает. Всё идёт как по маслу: лови-бери-подхватывай.

Ситник. Старик-крестьянин...чавкая ситник с чаем..

◇ **Береговая работа.** ...Пошли пильщиков искать и прочих людей для береговой работы.

Ваканция. ...Лёгкой вакансии дожидаются.

Село Шуньга.

Деревня Суховерхово. Охотник из неё убил парня–коробейника.

Болона. ...Старик лапти плёл – высокий, благообразный, с болоной на лбу.

Спас-Вежи. Вот мы проплывали возле села **Спас-Вежи**...

Отсель. Отсель вёрст пятнадцать.

Топить. Там Волга сильнее топит местность.

По край. Там бани по край села.

◇ **Куричьы голяшки.** ...Стоят на сваях, как на куричьих голяшках.

Житница. И житницы так же самое.

Сеновалище. У другого сеновалище, как колчег в потоке во всемирном

Колчег. См. выше.

Страсть. Страсть смотреть, какая огромщина.

Огромщина.

◇ **Запись образовать.** Вы тоже вот все в книжку запись образуете, вы не стихотворцы?

Дадим историко-филологический комментарий некоторым составляющим этих словарных материалов.

Грива. На песчаной, намытой гриве – деревня. Здесь мы видим не обычное значение этого слова, наиболее частотное в русском языке – ‘высокий лес, растущий полосой’ (см. обзор значений этого слова в русских говорах в сводном Словаре русских народных говоров (СРНГ), где, кстати, ни одно из 19 значений слова в русских говорах целиком не соответствует значению слова в шишковском контексте¹. В этой безлесной приволжской местности (предположительно вблизи с. Яковлевское), это слово обозначает ‘песчаную возвышенность, намытую рекой, между двумя небольшими водными бассейнами в виде озерков, достаточно большую, чтобы на ней разместилась деревня’. Дальнейший контекст это разъясняет. Именно сюда писатель вместе с В.И. Смирновым, которого В.Я. Шишков называет археологом, и компанией молодёжи направляются «ковырять» песок, чтобы найти культурный слой: «На песчаной, намытой гриве – деревня. – Это озерко, возле которого мы стоим, – говорит археолог, – называется “Мерь”. Тут жили когда-то меряне, когда же пришли и осели здесь славянские племена, они, в противовес этому озеру, назвали вон то озеро – “Святым”»².

1 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Т. 1–49. Л./СПб., 1965–2016. Т. 7. С. 143.

2 Шишков В.Я. Приволжский край // Костромская земля. Краеведческий альманах. Приложение к серии «Костромская библиотека». Вып. 6. Кострома, 2007. С. 500.

Такие названия, как **Мерьский стан, Судиславль, Горесловка, Гридины, Китоврасово, Шеломец, Здемирово, ушкуйник, Черемиса луговая, Черемисские ясачные ухозя, ясачные дворы, братия** дышат стариной, взяты из документов и показывают глубокую осведомлённость писателя в историческом прошлом края и знании источников его изучения. Есть тут этнонимы, этнографизмы и лексика с древнерусскими корнями и в древнерусской форме, нарицательная и топонимическая. Все они представляют с лингвистической и исторической точки зрения большой интерес и требуют особого обсуждения, но пока что остановимся на характеристике слова **ушкуйник**, сохранившем долгую жизнь в русских говорах.

Название лица **ушкуйник**, первоначально этноним новгородца, мотивировано словом **ушкуй**, обозначающим вид лодки, узкой, долблёной, на которой по рекам в севернорусских краях, Костроме, Вятке, появились первые славянские насельники из Новгорода. Само слово ушкуй, по всей вероятности вепское³, у Шишкова легло в основу уже претерпевшего ещё «в седые времена» различные семантические сдвиги характеризующего наименования не просто новгородского пришельца, прибывшего в костромские края на лодке-ушкуне в основном с целью грабить местное население, но и «торгового гостя». Подобное значение слова приводит и Даль: «*Великаго Новаграда разбойницы, 70 ушкуев, пришедше, взяша Кострому градъ разбоем. Летпс. Ушкуйник м. речной разбойник; новгородские ушкуйники, шайка удальцов пускались открыто на грабёж, и привозили домой, как товар*»⁴.

3 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и предисл. О.Н. Трубачёва. М., 1973. Т. 4. С. 180.

4 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского словаря: в 4 т. М., 1866. Т. 4. С. 529.

В приведённом нами небольшом словарном этюде можно найти лексику разных тематических групп: географические названия, мифологемы, название крестьянских построек, пищи, медицинские термины, отвлечённые понятия (*грива, озерко, бровка, нечистик, ситник, ваканция, болона, топить, житница, сеновалище, колчег, громадина*), нередко этнографизмов, и неизменяемые слова (*отсель, по край, страсть*), общерусские или имеющие локальную севернорусскую окраску.

Устойчивые обороты в языке крестьян не только украшают их речь и способствуют её выразительности, но и являются ценным источником этнолингвистических наблюдений: **◇ как у журавля на кочке; ◇ лови-бери-подхватывай; ◇ береговая работа; ◇ куричьи голяшки; ◇ запись образовать**. Фразеологизмы **◇ как у журавля на кочке** и **◇ куричьи голяшки** характеризуют реалии только того затопляемого края, где жил легендарный дед Мазай, где почти нет пахотной земли и где сараи и бани приходится строить на сваях, подобным «куричьим голяшкам». Если первый фразеологизм целиком составлен из общерусских слов, то второй – только из диалектных.

Некогда по следам шунгенских наблюдений Н.Н. Виноградова в конце 1990-х годов из КГУ им. Н.А. Некрасов была направлена группа студентов, которые частично подтвердили, частично дополнили изыскания выдающего костромского этнолингвиста начала прошлого столетия, не поздно организовать подобную или ещё более расширенную поездку и по следам путешествия В.Я. Шишкова как знак памяти организаторской деятельности В.И. Смирнова и подвижничеству В.Я. Шишкова.

В.И. СМИРНОВ В ТЮРЕМНЫХ ПИСЬМАХ К ЖЕНЕ (К ПРОБЛЕМЕ ОНТОЛОГИИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ)

Едошина И.А.

Костромской государственный университет.

Основная часть творческой жизни краеведа В.И. Смирнова (1882-1941) пришлась на время красного террора и становления большевистской власти, потому начну с размышлений о причинах 1917 года.

Сто лет назад началось разрушение Государства Российского, задуманное как полное, как основательное. Конечно, проще всего всю вину возложить на известных людей, захвативших власть. Но это та простота, что хуже воровства. Причины произошедшей катастрофы гораздо глубже. Историософия 1917 года базируется, с моей точки зрения, на событиях конца XVI столетия, когда прервалась наследуемая по родству власть и когда царем стал Борис Годунов, добившийся личными качествами высочайшего положения в государстве. Восходя к роду Мурзы Чета, Борис не стал бороться с православием, но стремился вписаться в его пределы, наследуя таким образом и своему далекому предку. Потому в его жизни появился основанный по легенде Мурзой Четом Ипатьевский монастырь, расцветший при Годунове. Мудрость Бориса заключалась, как мне думается, в том, что он стремился к органическому, а не революционному развитию государства, которое обрело государственные очертания с принятием христианства. Борис Годунов был одним

из мудрых правителей на Руси, одним из первых, говоря современным языком, политтехнологов, что в немалой степени способствовало его приходу во власть. Став царем не по наследованию, он перед смертью передал правление (вот парадокс!) малолетнему сыну, который вскоре был убит, а трон оказался пустым.

Россия погрузилась в Смуту, в острейшую борьбу между боярскими родами за власть, усложненную польским вторжением (кстати, не без помощи все тех же бояр). Пришедшие в итоге к власти Романовы были тесно связаны с поляками¹, а Борис Годунов остался для них непререкаемым авторитетом. Они «присвоили» себе Ипатьевский монастырь, сделав его «колыбелью» Дома Романовых. Но была еще одна существенная подробность: Борис Годунов был для них авторитетом в значимости личностного начала. Это ярко проявилось уже во втором Романове – Алексее Михайловиче, результатом деятельности которого стал Раскол православного сознания, закрепленный его сыном Петром Первым в расколе со-

¹ Подробнее см.: Едошина И.А. Кто и почему позвал на царствие Романовых (к вопросу о легитимности прихода династии к власти в контексте культурных традиций России) // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: материалы конференции, г. Кострома, 25-26 марта 2010 г. Кострома, 2010. С. 239-245.

знания общественного. Вот этим общественным расколом он «оплодотворил» двух императриц, добросовестно раскол выносившим и возрадившим. В результате высшее и образованное общество (в отличие от народа) заговорило на иностранных языках, плохо владея русским, стало носить иностранную одежду (в отличие от народа). Высшее и образованное общество свои идеалы черпало в Европе, старательно переносило их в Россию. Сначала в сугубо частном плане – усадьбы, придворный театр, образование. Затем явились декабристы, потом началось хождение в народ с целью его «просвещения», потом – народовольцы с бомбами. Быть приверженцем русских традиционных ценностей означало быть ретроградом не только в умах так называемой «прогрессивной» части общества, но и в умах власть предержащих, а также людей богатых и образованных. Отдельные негативные стороны русской жизни преподносились в искусстве и печати как существенные, что рождало волны критики в адрес правительства и государственного устройства в целом.

К сожалению, загнанная в департамент Церковь все более и более утрачивала доверие в обществе. Островки веры типа Оптиной пустыни проблемы не решали. Победившее когда-то в споре заволжских старцев с Иосифом Волоцким московское благочестие свелось в итоге к формальной стороне, а слово священника никто не слушал и не слышал. Да, честно сказать, и само священство было нездорово, о чем свидетельствуют вышедшие из ее среды революционеры-демократы типа Чернышевского или Добролюбова.

Вот и герой нашей конференции – Василий Иванович Смирнов, – как раз происходил из церковного рода. Его отец, Иван Сергеевич Смирнов, был сыном дья-

кона, а женившись на дочери настоятеля храма во имя Живоначальной Троицы в селе Большая Брембола Владимирской губернии, стал священником. Но, как пишет Л.С. Кितिцына, «своей службой Иван Сергеевич тяготился и никому из детей не советовал идти по его пути. В последние годы жизни он сильно пил»². Тем не менее, его сын, В.И. Смирнов, окончил сначала духовное училище, потом семинарию и наконец – Московскую духовную академию в Сергиевом Посаде. Попутно замечу, что о духовном образовании в России менее всего надо судить по идеологически ангажированным текстам типа «Очерков бursы» Помяловского. Духовное образование давало обширные знания в области всех наук, древних и новых языков, а также богословия³. Так что В.И. Смирнов получил очень хорошее образование, позволившее ему позднее заниматься научной деятельностью.

Однако В.И. Смирнов целиком принадлежал «прогрессивным» устремлениям своего времени, потому будучи студентом Духовной академии, принимал участие в революционном движении, был арестован и посажен в тюрьму, но в итоге отпущен «по недостатку улик». Вот такое было правосудие в дореволюционной России. Он окончил Духовную академию и получил место преподавателя в Костромской духовной семинарии. Затем стал преподавать в мужской классической гимназии. Везде сохранял верность «прогрессивным» идеалам, отстаивал права учеников, которые впоследствии учиняли

2 Кितिцына Л.С. Материалы к биографии В.И. Смирнова (1882-1941) // В.И. Смирнов. Народ в тюрьме (1930-1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова (1882-1941). Сергиев Посад, 2011. С. 101-102.

3 Об этом см., например: Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (до 1917 г.) СПб., 2010. 256 с.

в гимназии митинги и протесты. Думал ли он о последствиях всех этих протестов? Понимал ли, к чему они ведут? Скорее всего, будущее рисовалось в романтическом ореоле какой-то неведомой, но непременно лучшей жизни. Мало кто понимал, к чему приведут все эти прекраснородушные мечтания.

Как бы то ни было, но события 1917 года В.И. Смирнов воспринял радостно, с воодушевлением занявшись своим ставшим к этому времени любимым делом – краеведением. Еще в 1912 году он принял активное участие в создании «Общества по изучению местного края», в котором он стал секретарем, а с 1919 по 1929 годы – председателем, но уже Костромского научного общества. О его обширной и весьма плодотворной деятельности на этом посту хорошо известно.

В 1929-1930-е годы большевики начали повсеместную расправу с краеведением. Оно и понятно, ведь изучение местного края неизбежно погружало в историю жизни прошлой, которая вовсе не была такой неприглядной, какой ее рисовала большевистская идеология. После смерти первой жены Смирнов женился на дворянке Л.С. Кितिцыной. Большевики называли дворян «бывшими» людьми, которые подлежали преследованию и уничтожению. Да и его прошлое не могло вызвать симпатии у новой власти. Поначалу его спасали революционные убеждения и арест в дореволюционной России. Думаю, постепенно В.И. Смирнов прозревал, чему в немалой степени способствовало как раз краеведение. Приведу эпизод из его записной книжки, запись относится к 1928 году, сделана во время буйской экспедиции. Вот он оказывается в бывшей усадьбе Бочатино, когда-то принадлежавшей родственникам его жены: «Я не люблю смотреть на разрушающиеся

здания, и вид этого хорошего образчика русского ампира с разрушающейся крышей, отваливающейся штукатуркой, с выбитыми окошками, выдранными скобами дверей и шпингалетами окон, был прямо удручающий. В дверях вырваны все замки, в красивых печах выломаны металлические вьюшки. В гостиной второго этажа – разбитый ампира-стиля большой орган палисандрового дерева, валяются его большие валы, сломанный диван, части разбитой хрустальной вазы. Всюду в комнатах хлам, обломки, всевозможный мусор»⁴. Этот, казалось бы, совершенно частный эпизод странным образом оказывается символом всей России, разграбленной, повергнутой в прах, сквозь который угадываются иные очертания, иная жизнь. Смирнов зачарованно вглядывается в утраченное величие. И неизбежно возникает не заданный здесь, но явно прочитываемый как следствие вопрос: зачем? Он еще не знает, что совсем скоро и его жизнь будет разрушена столь же беспощадно, как эта дворянская усадьба.

У замечательного русского поэта Федора Тютчева есть строки: «Оратор римский говорил / Средь бурь гражданских и тревоги: / «Я поздно встал – и на дороге / Застигнут ночью Рима был!» Здесь в образной форме дан эпизод встречи частной жизни с историей государства. Когда жизнь государства развивается в устойчивых формах, то его история существует сама по себе, где-то, не в частной жизни. Человек о ней знает из новостей, каких-то постановлений, которые, конечно, влияют на его частную жизнь, но не вторгаются в нее напрямую. Закрыл за собой

⁴ Смирнов В.И. От Молвитина до Буя // Смирнова Т.В. Цветок клюквы и веточка карликовой березы. Судьбы краеведов. Сергиев Посад, 2016. С. 274.

дверь – и недоступен миру. Иное, когда в частную жизнь государственные катаклизмы («ночь Рима») врываются в частное пространство, сминая, перемалывая и уничтожая его. Так наступают сумерки истории, где человек обречен на страдания. Василию Смирнову придется узнать об этом почти в 50 лет. Он будет арестован, приговорен к ссылке в Архангельск. Жизнь сузится до сугубо бытового, непривычного бытия сначала заключенного, а потом осужденного и ссыльного.

В предлагаемых государством обстоятельствах частная жизнь оказывается единственно возможной формой человеческого существования. И здесь Смирнову повезло: они с женой искренне любили друг друга, оба с увлечением занимались краеведением. Потому, как замечает дочь В.И. Смирнова, Т.В. Смирнова, «союз их выдержал все испытания: и глумление над их любимым краеведением, и изгнание из Костромы, и арест Василия Ивановича Смирнова, и ссылку его в Архангельск. Они писали друг другу письма каждый день все время, пока находились в разлуке»⁵. Я остановлюсь только на его письмах из тюрьмы.

Первые письма В.И. Смирнова из тюрьмы к жене полны внутреннего спокойствия, он уверен, что его должны отпустить, ведь он ни в чем не замешан. Потому убежден: «Недоразумение, надеюсь, скоро разъяснится»⁶. Основное содержание первых писем В.И. Смирнова из тюрьмы касается бытовых подробностей: еды и одежды. Он заботится о жизни своих близких на воле, убеждает их, что у него все хорошо. Его волнуют обстоятельства их жизни, потому дает много-

численные советы. Вот характерный пример. «Попроси нашего столяра теперь же исправить подоконники в вашей комнате, а, может быть, разрешат хозяева и в других. Не торгуйся – я с ним сделаюсь, когда выйду»⁷. Что стоит за этими словами? Наивность? непонимание? Думаю, нет, не это. Скорее, абсолютное доверие к власти, причем доверие искреннее. Вся история с его отстранением от должности в Костроме, дикими обвинениями, переездом в Иваново, где он продолжил заниматься все тем же краеведением, представлялась ему каким-то недоразумением. В этом же ряду, видимо, стоял и арест.

Подобным настроением проникнуты сентябрьские письма, но к ноябрю интонации меняются: Смирнов ждет приговора. Помимо всяких подробностей, связанных с оставшимися от экспедиций материалами, завершёнными, но не напечатанными статьями, надобностью продажи книг и вещей вдруг возникает совершенно новый мотив: «Меня могут направить в такую дыру, где для тебя не может найтись никакой работы. В таком случае, не будет ли целесообразнее тебе не связывать пока свою судьбу с моей?..»⁸. Сколько скрытой любви и нежности, сколько самой искренней заботы стоит за этим вопросом! Он не может написать прямо, что ей лучше оставить его, осужденного, чтобы самой не попасть в кровавое месиво бесконечного красного террора, не может не только потому, что письма перлюстрируются, но еще оттого, что искренне и глубоко любит свою жену, называя ее «милая», «дорогая», «родная», «Лидуня», а позднее – «ненаглядная»,

5 Смирнова Т.В. Цветок клюквы и веточка карликовой березы. Судьбы краеведов. Сергиев Посад, 2016. С. 71.

6 Там же. С. 12.

7 Там же. С. 13.

8 Там же. С. 28.

«милая моя деточка». Да, «целесообразнее» расстаться, но сердце его изнемогает от боли при одной мысли о расставании, и эту боль чувствует та, кому он пишет. Они не расстанутся.

В конце этого же письма Смирнов замечает: «Очень тебе благодарен, что послала отчет в Академию. Хорошо, если бы ты собралась послать статью “Обреченные дни”. Хочется числиться в сущих людях»⁹. Как настоящий исследователь Смирнов не может бездельничать, хотя бы через свои написанные еще до ареста работы он стремится участвовать в научной жизни. Несколько неожиданным здесь оказывается словосочетание «числиться в сущих людях», что сразу вызывает в памяти песнопение Страстной недели: «Не рыдай мене, Мати, во гробе сущу». Не знаю, имел ли в виду автор письма эту строку из песнопения, но необычная форма словно возвращает к его далеким церковным истокам. Помимо желания самого Смирнова¹⁰, словно всплывая из глубин подсознания.

Заклученного Смирнова перемещают из одной тюрьмы в другую по причине их переполненности. Подробности своей тюремной жизни он описывает не в перлюстрируемых письмах, а в дневниковых записях, которые именуется «Народ в тюрьме» и дает подзаголовок «Письмо В.И. Смирнова жене Л.С. Кितिцыной, написанное в тюрьме и ссылках (1930-1931)». Из этого условного письма мы узнаем, какие ему подводили «фугасы» (определение самого Смирнова): меньшевизм, связь с церковно-монархической партией, даже уча-

стие в краже «годуновской плащаницы»¹¹. Нелепость всех этих обвинений поражает автора, которому тюрьма вообще напоминает трюм длинного путешествия. Он слышит голоса знакомых людей, кашель брата, оркестровую музыку, пение и танцы. Но это, скорее, призрак трюма, как и его насельники, хотя и обладающие пока еще живой плотью – ведь рядом те, кто уже именуется смертниками.

Камеры переполнены. Вот жанровая картинка «народа в тюрьме»: «В камере 40 человек. На нарах лежат человек к человеку. Некоторые ищут вшей. В углу шпана играет в карты. Священник отворотился к окну. Это он молча молится. На полу еще теснее, нежели на нарах. У двери – с одной стороны главный инженер Красного Перекопа, с другой – агроном, и у параша бывший товарищ министра народного просвещения Рачинский. Читает английскую книжку. Над дверями громкоговоритель ревет какие-то музыкальные номера»¹². В этой зарисовке Смирнова рождается образ России «в разрезе», рассеченной и одновременно сплюснутой по общественным стратам России. С одной стороны, страшная в своей бесчеловечности картинка, с другой – ее умелое, вполне художественно завершённое описание. Вне всяких сомнений, В.И. Смирнов обладал писательским даром, который (вот парадокс!) получил свое развитие в неволе. На свободе-то он занимался исследовательской деятельностью, благодаря которой научился подмечать факты, видеть их своеобычие. «Жадно впитываю в себя подробности

9 Там же.

10 См. его признание о неучастии в пении Пасхи среди ученого народа. - В.И. Смирнов. Народ в тюрьме (1930-1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова (1882-1941). Сергиев Посад, 2011. С. 31.

11 Там же. С. 11.

12 Там же. С. 15.

тюремных картин, их тон и краски. Меня и здесь, даже во время “конвейера” охватывает тихий восторг, который испытывает краевед, когда он видит свой край, ко всему прислушивается, стараясь сохранить свои впечатления в душе, в своей памяти»¹³.

Описание Смирновым одного «трудового дня» очень напоминает «один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына: то же стремление заполучить хотя бы немного из того, что фактически запрещено – свежего воздуха, белого хлеба, просто движения. Свои письма Смирнов именуется письмами из мертвого дома¹⁴. Для этого дома он обнаруживает в русском языке множество слов: «тюрьма, темница, застенок, подвал, предварилка, пересыльная, концлагерь, каторга и т.д. Узилище, съезжая, холодная, домзак, изолятор, исправдом, арестроты...»¹⁵. Смирнов мешает старые именованья с вновь появившимися при большевиках новообразованиями. В результате тюрьма оказывается константой русской жизни, схваченной еще в пословице: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». Русская народная традиционная эсхатология странным образом нашла отражение в большевистском новоязе. Авторское же многоочие в конце выглядит в этом контексте весьма красноречиво. Времена еще не завершились, они распахнуты в будущее. Вся эта «человеческая мешанина» в тюрьме нужна для создания другого, нового мира, что возможно при одном условии: «самое дорогое, самое ценное – человеческая свобода (подчеркнуто Смирновым. – И.Е.),

13 Там же. С. 20.

14 Там же. С. 19.

15 Там же. С. 21.

– должна быть добыта»¹⁶. Такова большевистская философия, в которой нет места ничему человеческому.

Письма Смирнова к жене – это форма сущего (вопреки всему) человека. И он пишет ей: «Будем смотреть на всю эту историю, как на случайное, не такое уж большое несчастье, потому что главное осталось с нами. И еще больше я тебя люблю, жалею и стремлюсь всеми силами души видеть тебя, быть с тобой. Это рано или поздно будет. Целую тебя, мою милую: будь здорова и спокойна»¹⁷. Заключение рождает в Смирнове философское отношение к жизни, ее перипетиям, потому что, как однажды написал Владимир Соловьев, «неподвижно лишь солнце любви» («Бедный друг! истомил тебя путь»). Эта истина открылась Смирнову в неволе, наполнив его тюремное существование смыслом.

Как большая река Волга, этот «русский Нил» (В.В. Розанов), начинается с небольшого, едва заметного истока на Валдайской возвышенности, так и события большой истории зарождаются в событиях частных жизней. «Встреча» частной жизни с историей государства, как правило, полна драматизма, но только частная жизнь может противопоставить государственной идеологеме живое чувство бытия – даже в неволе, даже вдали от любимого и близкого человека. Таково одно из проявлений онтологизма частной жизни.

16 Там же. С. 22.

17 Смирнова Т.В. Цветок клюквы и веточка карликовой березы. Судьбы краеведов. Сергиев Посад, 2016. С. 43.

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ КНО

Зарисовки праздничных дуг на костромском базаре.

К вопросу о костромской крестьянской росписи.

С.С.КАТКОВА

ОГБУК КГИАХМЗ, г. Кострома.

В составе Костромского научного общества по изучению местного края существенная роль отводилась исследованиям по этнографии. Материальная и духовная культура губернии изучались всесторонне: экспедиции, выезды, анкетирование. Результат: дневники, записи особенностей говоров, пословиц, поговорок, сказок и обрядовых песен; приобретения, находки и дары предметов быта, зарисовки во время экспедиций и на костромском базаре. Вот далеко не полный перечень того, что отложилось в фондах музея, архива, что удалось систематизировать и издать. Объем выполненных этнографами исследований поражает масштабом, и это в непростое время, почти при полном отсутствии финансирования, возможности поездок в районы для обследования области. Они находили возможность привлекать в помощь молодых добровольных помощников из уездных отделений КНО, широко практикуя опросы через рассылку анкет.

Базар был настоящей находкой для этнографов. На Сенной площади в Костроме по базарным дням собиралось множество подвод, приезжали из ближних и дальних волостей. Для крестьянина выезд в город – это событие, которое приурочивали к

тому времени, когда успевали справиться страду: посевная, сенокос, жатва, уборка урожая. Между циклами этих работ выдавалось несколько дней передышки, и на них ориентировались, собираясь в город за покупками. Впустую лошадь не гоняли и, как правило, старались что-то захватить на продажу. С собой хозяин брал кого-нибудь из ребят подростков, чтобы стоял у коновязи и за лошадкой присматривал. У коновязей в ряд стояли крестьянские лошади и отдельно тяжеловозы ломовых извозчиков.

Выезд на базар обставлялся как праздничный. На лошадь одевали лучшую сбрую, праздничную, выездную дугу. Сам хозяин одевался в лучшую одежду, ведь в люди выходил. Поэтому и на полушубке была праздничная опояска (нарядный пояс с кистями). Все должно свидетельствовать о «справности» хозяйства, в котором и хозяин домовитый работающий, жена – умелая мастерица. Добрая слава не помеха, глядишь, и к дочке зашлют богатых сватов из другого села.

Сотрудники этнологической станции были умелыми рисовальщиками. Они часто на базаре делали зарисовки. Их зарисовки – бесценный материал для изучения материальной культуры нашего

региона. Зарисовки И. Калиткина изданы в альбоме «Орнамент костромского полушубка»¹. Другие зарисовки ещё ждут своего исследователя.

Этнологическая станция КНО в 1926 году – это всего два научных сотрудника: Л.С.Китицина и Е.М.Полянская и 4 практиканта: П.Н.Третьяков, С.Н.Рейпольский, В.Ф.Риттер, Ф.И.Молчанов. В работе станции принимали участие сотрудники музея².

В планах станции на каждый год были определены различные темы и каждая закреплялась за кем-то из сотрудников. Так, конская упряжь, костромские хомуты, дуги стали темой исследования Е.М.Полянской. В отчет по теме включались приобретения отдельных предметов, инструментов, их описания, рассказы, зарисовки.

Из Отчета за 1926 год узнаем, что на костромском базаре делали зарисовки: Н. Калиткин – хомуты (4 №№), Е. М. Полянская – хомуты, подгарники (41 №№), дуги (12 №№). В экспедициях зарисовки наличников, сельскохозяйственных орудий и крестьянской живописи делал Г. П. Слободской (8 №№), Ф. И. Молчанов зарисовывал дуги в экспедиции и на костромском базаре. (10 №№).

Н. П. Беляева сделала в этнологической экспедиции 1925 года целый альбом (20 №№) фотографий. Фотоаппарат был не лучший помощник, управляться с ним могли не все, а на расходные материалы нужны были деньги, что при полном безденежье усложняло дело. Так что зарисовки были наиболее продуктивным видом сбора сведений, особенно для росписей, где так важен цвет, где описать

все невозможно, нужна наглядность. Сопровождение зарисовок рассказом или краткими сведениями о бытовании предмета, времени и месте исполнения или приобретения давали возможность выявить ареал бытования, иногда получить сведения о мастерах росписи.

Занимаясь исследованием костромской росписи в интерьерах изб, я просматривала весь комплекс, хранящихся в музее зарисовок этнологической станции. Для меня особый интерес представляли зарисовки с росписью: шкафы, ставни и дуги. Дуги зарисовывали на костромском базаре в 1926 году. Это одна из самых значительных коллекций зарисовок выездных, расписных дуг³.

Как делали зарисовки на базаре, можно только предполагать, так как в коллекции нет черновиков. Возможно, это были карандашные наброски с метками о цвете или с частичной раскраской цветными карандашами. Может быть удавалось снять кальку с отдельных мотивов. Ясно, что весь черновой материал затем обрабатывался. В коллекцию поступал рисунок, готовый стать экспонатом выставки или быть воспроизведенным в альбоме.

Все зарисовки одинаково оформлены, на хорошей бумаге с сопровождающими надписями. Предварительно сделан карандашный рисунок и по нему акварельная роспись. Изображается только половина дуги. Дуга имеет симметричное строение и соответственно декор другой стороны повторялся. Нет рисунка оборотной стороны, так как она часто просто окрашивалась в цвет фона росписи или повторяла рисунок лицевой стороны, но в упрощенном варианте.

1 Калиткин Н.А. Орнамент костромского полушубка.// Труды КНО. Вып.38. Кострома, 1924.

2 Отчет о деятельности Костромского Научного Общества по изучению местного края за 1926 г. Кострома, 1927.

3 Зарисовки дуг. КМЗ КОК 10945,10947,10951-10958,10960-10964, 27996, 27998,27999, 28001-28003.

Даты на листах свидетельствуют, что в основном зарисовки сделаны или ранней весной (до посевной) или поздней осенью (после уборочной).

Сотрудники этнологической станции выбирали для зарисовок самые нарядные и разные по мотивам и стилю исполнения росписи на дугах. Наиболее ранние росписи датированы 1853, 1860, 1866, 1874, 1883 годом, последние – 1916. Ранние часто совмещают резьбу и роспись. Очевидно, изначально декор на дугах был только резным, с раскраской или позолотой, но позднее в дополнение к резьбе стали заказывать модную роспись цветами.

Именно такие дополнения встречались мне на прялках. Старую, с геометрической резьбой прялку или донце обновляли росписью. Мастер в таком случае старался сохранить красоту резного декора, располагая цветы в свободных от резьбы частях, иногда раскрашивая резьбу в тот или иной цвет, который и становился определяющим в колорите росписи. Так что дата на дуге – это дата росписи.

Коллекция зарисовок праздничных дуг была для меня особенно интересна, так как разную утварь в крестьянском хозяйстве часто расписывали те же мастера, что писали весь «снаряд в избе»⁴.

Ф.И.Смирнов – мастер альфрейной росписи из д. Телешово Буйского района, состарившись, не имея сил и здоровья ходить в Питер на заработки, расписывал разные предметы, которые приносили ему заказчики на дом: прялки, ковши, дуги. Сам мастерил и расписывал прялки. На буйском базаре их называли «телеш-

4 Каткова С.С. Народные монументальные росписи Костромской области.// Искусство современной росписи по дереву и бересте Севера, Урала, Сибири. Сб. науч. трудов НИИХП. Москва, 1985. С.95–105.

хи». Расписные дуги были выездными. На дугах он изображал вензеля и цветы⁵.

Дуги гнули из тальника и вяза, покупали на базаре или заказывали мастеру, который умел их делать. Если оглобли мог сделать любой крестьянин, то гнуть дугу, полозья саней могли только мастера, обладающие набором инструментов и знанием секретов (технологии) их изготовления. В повседневной работе обычно использовали простые некрашенные, легкие дуги, и только по праздникам, да на масленичное катание лошадь украшали нарядной упряжью те, у кого были средства на ее приобретение или свой талант.

У моего деда (в Шуйском уезде Владимирской губернии) была не только праздничная упряжь, но и выездной конь. Все хозяйственные работы выполняла тягловая лошадка. Ей могли управлять даже дети, а к коню подходить боялись, такой он был норовистый и слушался только хозяина. Так что праздничная упряжь была для него.

Каждый хозяин дуги выбирал для росписи мастера по возможности своего кошелька. Самые дорогие дуги были с позолотой фона (обычно имитация: покрытие олифой по оловянной или серебряной подкладке). Это было признаком зажиточности семьи.

*Ко мне сваты приезжали
с позолоченой дугой,
пока пудрилась, румянилась
уехали к другой.*

Среди имеющихся в собрании музея зарисовок дуг можно выделить подписные и датированные. Есть с легендами от хозяев: где купили дугу, кто писал цветы, порой помнили имя и место, где жил или откуда приходил мастер.

5 Там же. С.99–100.

Дер. Бурово Бычих. вол.
38 лет. Делал на дому
мастер из Андреев. вол.
Костр. у.

29/3 26г.

Е. Полянская

КМЗ КОК 10945 Дуга. Резьба раскрашена. д. Бурово Бычихинской волости. Красил на дому мастер из Андреевской волости Костромского уезда. Рис. Е. Полянская.

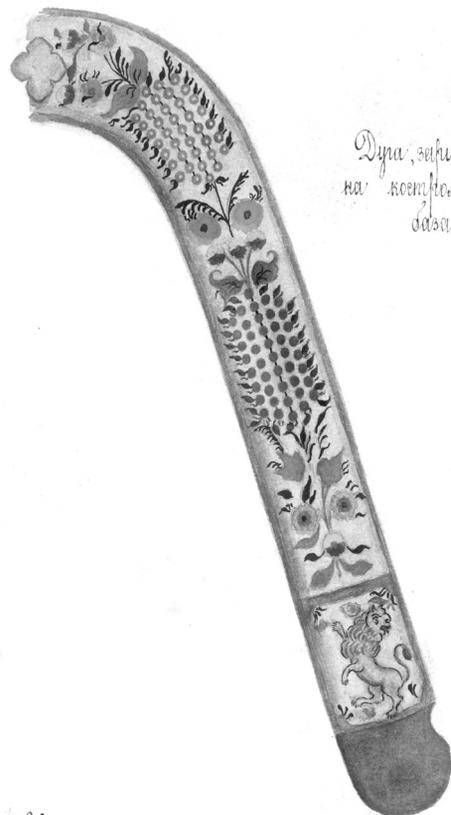
Надписи о заказчике, месте проживания, дата и подпись мастера, как правило, были на верхнем торце дуги. Случалось, что новый хозяин закрашивал старое имя.

Малярный промысел в Костромской губернии был одним из самых распространенных. Статистика конца XIX века свидетельствует, что в ряде уездов это был основной промысел. В селениях вокруг с. Молвитино маляров было настолько много, что даже далеко за пределами губернии костромских маляров называли молвитинскими, их ценили за хорошее качество работы.

Мальчиков рано отдавали в обучение к мастеру маляру. Они ходили с ним в артели на заработки. Сначала выполняли подсобные работы, постепенно осваивая ремесло, терли сухие пигменты на кра-

скотерке или курантом, учились варить олифу, готовить краску, вести подготовку стены или столярной основы (тесовые перегородки, голбечные заборки, вязаные двери), то есть шпаклевать и готовить шпаклевку, красить полы, стены. Лишь самые талантливые осваивали мастерство уборщика, способного наводить узоры, орнаменты, делать трафареты и с их помощью расписывать потолки, помогать художникам при письме плафонов в дворцах и комнатах⁶.

Из среды таких талантливых мастеров-уборщиков часто выходили мастера, расписывавшие крестьянские избы и утварь. Конечно, они не повторяли приемы альфрейной росписи, работая маслом по

Дуга, расписанная
на конторном
давке.

24 5 26г.

Е.П.
Полянская

КМЗ КОК 10947 Дуга. Роспись.
Рис. Е. Полянская

⁶ Соловьев А.Н. Питерщики-галичане. Галич, 1923.

КМЗ КОК 10951 Дуга. Резьба, роспись. 1853г.
д. Пищальниково. кр. Сергеева.
Рис. Е. Полянская

дереву, но их навыки и мастерство всегда видны в работе. Только по старости или болезни, потеряв возможность участвовать в артельном труде, мастера оставались дома и брали заказы на роспись на дому или же уходили в ближний отход. В таком случае работать приходилось одному или с помощью мальчика-ученика из односельчан. Чаще мастер приглашал себе в помощники кого-то из той местности, где находил несколько заказов⁷. Некоторые из этих помощников, слегка научившись, после ухода мастера домой, брали заказы у односельчан, и по-своему вели роспись.

⁷ Каткова С.С. Самородки художники и живописцы. // «Странцы времен». № 4. Кострома. 2010. С. 24–33.

В экспедиции 1971 года по Сусанинскому и Буйскому районам мне удалось встретить и записать рассказ маляра Гущина Николая Ивановича (род. в 1896 г.) д. Буяково Сусанинский район.

«В деревне было много маляров. В ближний отход ходили на Вологодчину. Там много наших маляров работало. Кудрявцев Федор, Граверов Иван Арсентьевич из д. Монакосова (уже умерли).

Один маляр нанимал 2-3 помощника и ездил в Сибирь. Я начал наниматься с 13 лет (с 1909 г. – СК). Ездил на Алтай: Барнаул, Бийск, Кузнецк. С мастером Гаврилой Михайловичем из Конюхова уехал на Алтай и там был 6 лет, 4 года дома не бывавши. Мастер был запянциковский.

И по Андреевщине (с. Андреевское соседнее с Буяково – СК) были мастера, хозяева (подрядчики. – СК) тоже туда (на

КМЗ КОК 10956. Дуга. Роспись. д. Захарово
кр. И.С. Груздева. Рис. Е. Слободская. 1925 г

Алтай) ездили.» В каждом доме работали по 3–4 дня. Дома железом крыли и красили. Народ там богатый, хлеборобы. Много скотины, до 20 лошадей. Земли там много, но селения редки. Туда и украинцы приезжали.

Летом в домах делали малярную работу, расписывали цветы, львы, птичек ставили. В избах расписывали опечье, двери, наличники. Ставили цветы в вазонах. Цветы разные, красные, синие с белыми оживками, корешки черные. Белые оживки наносили кончиком кисти, обмакнутой в белила. Львов писали на опечках и на дверях. Сначала большой цвет нарисуеть, а потом внизу львов и птичек ставили. Фон росписи определял хозяин. Больше красили по белому фону. (На Алтае жило много украинцев). Зимой красили дуги. На дугах рисовали цветы, на резной красили разными красками. Расписывали дуги по 50 копеек, за 1 рубль посложнее. Дуги гнули из тальника, наверное, там же резали узоры.»

Технология малярной работы: «За красишь краской на малярном клею, послабее столярного сваришь в горячей воде (на водяной бане – СК) и добавишь в краску мумию. Покрывали лаком, по нему рисовали. Больше лаком не покрывали. Цветы писали масляной краской. Белила были сухие. Большинство красок покупали сухие. Была краскотерка, ей пользовались больше летом, когда дома красили. Курантом тоже пользовались. Олифу варили сами. Масло было льняное и конопляное, его больше. Добавляли сиккатив, чтобы быстрее сохло. Шпаклевали только трещины и сучки. Всю доску не шпаклевали. Красили два раза. Рисунки покрывали лаком.»⁸

⁸ В Сибирь, на Урал и Алтай шли отходники «изо всех трех малярных уездов губернии (Буйский, Галичский, Солигаличский). Отход составлял 8% общего числа отходников костромичей; число взятых

В старой инвентарной книге бытового отдела музея есть записи о приобретенных дугах. В 1925 году была приобретена дуга 1862 года из д.Солониново. Сколько она стоила? Неизвестно. А за дугу 1848 года из той же деревни заплатили 6 рублей. Дугу из д. Аферово купили уже за 1575 рублей. (Деньги стремительно обесценивались).

На дуге 1862 года мастер оставил свои инициалы И.Е.П. Расшифровать их невозможно.

Авторы описи указывают тип дуг: «харьковская», «казанская», судя по их изображениям, это большие дуги, на лицевой стороне которых есть резной декор. Резьба окантовкой идет по краям дуги, где-то на высоте в 1/3 снизу, два-три горизонтальных резных валика, а над ними, вверху, вертикальные желобки, такие же – снизу. Сверху этих желобков высокий треугольный холмик, исчерченный диагональными порезками, образующими ромбики. Центр дуги отмечен сложной резной композицией из встречных S-образных завитков. На некоторых дугах из треугольного холма поднимается извивающийся побег лозы с гроздьями винограда. Существует мнение, что треугольный холм – символ Земли, а побег – это плоды ее. Тогда завиток в центре – что-то из небесных тел. В центр этой резной композиции ввертывали кольцо, на которое вешался колокольчик (зга).

Роспись на бытовых предметах из дерева получила широкое распространение с конца XVII века и до начала XX. В XVIII веке символике придавали особое значение. В помещичьих усадьбах символы и эмблемы находились на многих вещах, так что в программу росписи вензеля вхо-

паспортов в год доходило до 60000». // Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии. Кострома. 1927. С. 130.

дили неслучайно. В усадебных домах и церквях заказчики в программу росписи включали символику масонства⁹.

Влияние профессионального искусства городских мастеров на народное нельзя недооценивать. Тем более, что так тесно переплетались в творчестве мастеров росписи отходничество, работа комнатными живописцами и перенос отдельных мотивов в крестьянскую роспись. Даже популярные в профессиональной художественной среде букеты с розами и тюльпанами (букет Ленотра) в старообрядчестве имели свое толкование: роза – цвет чистоты, синие цветки – семя кротости, стебель – корень послушания, листья – терпение, яблоко – плод добрых дел; птицы вкушают от добрых дел. Наставлением на путь истинный, на преодоление греха в поведении звучит рекомендация из книги «Лекарство душевное». *«Возьми корень послушания и листовие терпения, цвет чистоты, плод добрых дел и изотри их в котле безмолвия...вкушай лжицей покаяния и будешь совершенно здрав»*¹⁰.

Крестьянское искусство всегда содержательно. Там, где беглый взгляд видит лишь орнамент, повторяющийся мотив, скрывается глубокое содержание, связанное с осмыслением окружающего мира. Мать – Земля, символы Неба, Солнца, воды как податели Жизни складываются в цельную картину мироздания. Христианскую веру олицетворяли: лев, царь зверей, – символ Христа; виноградная лоза, как и в иконостасе, имела значение, связанное с причастием (вино-кровь Христа). Древо жизни связывалось с райским деревом, а птица на его вершине говорила о его священности.

Сюжетно крестьянская роспись на разных предметах многие лета практически не менялась: цветы в вазоне, львы, птички. Их же видим на дугах, только меньшее пространство определяет масштаб образов, но при этом сохраняются стилистические особенности, приемы искусства крестьянских росписей костромского края.

9 Каткова С.С. Усадебная церковь Никола-Бережки. // Каткова С.С. Века и судьбы. Сб. статей. Кострома. 2001. С. 202–210.

10 Иткина Р.И. Русский рисованный лубок. М., 1992.

ИССЛЕДОВАНИЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА СМИРНОВА: ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО

Пиляк С. А.

*Областное государственное бюджетное учреждение культуры
«Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник
«Костромская слобода», г. Кострома*

Среди значительных местных ученых Костромского края особое место занимает плеяда деятелей Костромского научного общества по изучению местного края. Огромный, до сих пор не в полном объеме проанализированный и опубликованный массив данных охватывает практически все аспекты культуры и быта костромичей, давая срез первой трети XX века. Деятельность исследователей заложила основы музейного собрания Костромской области, в том числе и сформированного позднее музея народной архитектуры и быта. Именно исследования рубежа XIX–XX веков позволили собрать богатую коллекцию памятников деревянного зодчества, не имеющую аналогов в Центральной России.

Вклад выдающегося костромского краеведа В.И. Смирнова в исследование народной культуры Костромского края до сих пор не оценен по достоинству. В своих работах исследователь отразил практически полный спектр материального и нематериального культурного наследия народов, населяющих Костромской край. Ученым зафиксирован и проанализирован большой объем материалов, в первую очередь, отразивших наиболее яркие черты, определяющие своеобразие на-

родной культуры региона. Как известно, «особой неповторимостью мастерства, отражающей региональные строительные традиции и эстетические идеалы, отличается деревянное зодчество»¹.

Именно наиболее заметные особенности народной архитектуры, интересные исследователям в том числе и сейчас, отмечены Василием Смирновым в качестве своеобразных культурных феноменов, отражающих природу Костромского края и эстетику народа. Среди публикаций исследователя по теме народной архитектуры² наибольшую известность имеют статья «Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде Костромской губернии» в Трудах Костромского

1 Пруцын О. И. Архитектурно-историческая среда. М., 1990. С. 202.

2 ГАКО. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 18. Статья краеведа, председателя Костромского научного общества по изучению местного края В.И.Смирнова «Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде Костромской губернии» (отдельный оттиск из «Трудов Костромского научного Общества по изучению местного края», вып. III. Кострома, 1915.); ГАКО. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 24. Статья В. И. Смирнова «Как у вас строятся избы и дворы», опубликованная в газете «Борона» № 30 от 28.03.29; ГАКО. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 27. Статья В. И. Смирнова «Свайные постройки Костромского района» в журнале «Советская этнография», 1940.

научного Общества по изучению местного края, вып. III (1915) и статья «Свайные постройки Костромского района» в журнале «Советская этнография» (1940).

Статья Смирнова про макарьевскую домовую резьбу имеет огромное значение. Автор вводит в научный оборот не только отдельные памятники и их детали, но, по сути, сам феномен костромской корабельной резьбы – северной зоны верхневолжской рези. Вычленяя особые черты резьбы, исследователь, однако, не проводит сравнения с аналогичными памятниками других регионов – сделать анализ такого характера не позволяет скромная фактологическая база. Ученый подчеркивает особую важность изучения костромской домовой резьбы: «в Костромской губернии, как губернии лесной, дерево являлось и до сих пор является наиболее сподручным и доступным материалом для резного искусства. Самые простые инструменты – топор, тесло, терпуг (вроде большого двустороннего подпилка), пила, нож, резец, ножичек обоюдоострый, долото и стамеска в руках деревенского мастера создают нередко изящно исполненные предметы народного искусства. С самобытными и своеобразными сочетаниями форм и деталей. К сожалению, местное деревянное искусство исследовано очень мало, даже в смысле собирания образов и снимков»³.

Особое внимание исследователь уделяет изменениям современных ему решений резного декора домов. «В каждой местности обычно чаще встречается одна форма постройки и свои излюбленные

мотивы украшений. Чем дальше от городских центров, тем устойчивее сохраняется определенный местный тип, особенно, если при этом население не занимается отхожим в городе промыслом. Здесь чаще и больше можно встретить избы, рубленные «по-старине»⁴. Получивший в современном мире название глобализации, процесс утраты культурного своеобразия местных сообществ уже в начале XX века наносил заметные удары.

Ученый также опубликовал большой объем уникальных фотоизображений: «Настоящая небольшая серия картин постройки Макарьевского уезда и резных украшений далеко не исчерпывает всего разнообразия местных мастеров в этом отношении, особенно орнамента. Выбраны прежде всего здесь снимки наиболее типичных изб, на которых при том ясна печать местного народного творчества. Все постройки и резьба, можно думать, сделаны местными мастерами <...> Вся серия снимков, вместе с тем, сделана с домов более или менее старых, начиная с постройки 1813 г. и кончая 1866 г.»⁵.

Смирнова интересует и технология резьбы: «употребляется резьба сквозная долотом, позднее пилой и коловоротом, так сказать ажурный дырчатый орнамент <...> и выпуклая, горельефная резьба, выполненная стамеской и ножом, часто эта резьба в то же время накладная – тонкий резной рисунок прикрепляется к доске, которая служит для рисунка фоном»⁶. Размеры изб, социальное положение домохозяев – все эти вопросы находятся в поле зрения исследователя, относящегося

3 ГАКО. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 18. Статья краеведа, председателя Костромского научного общества по изучению местного края В.И.Смирнова «Крестьянская изба и ее резные украшения в Макарьевском уезде Костромской губернии» (отдельный оттиск из «Трудов Костромского научного Общества по изучению местного края», вып. III. Кострома, 1915.)

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

ся к деревенской архитектуре, в первую очередь, как одной из сторон народной жизни, а не самостоятельной, отчужденной области знаний.

Одним из первых Смирнов затрагивает тему свайной архитектуры Костромской низины. Уже после трудов исследователя и его последователей стало возможным в нескольких фразах описать необычность местной застройки: «как известно, в народном зодчестве «болотистого низменного края», каким является пойма р. Костромы, заливаемая длительными весенними паводками, сложились свои особые вековые традиции, специфичные только для этих мест. И в частности, очень своеобразный обычай возводить многие постройки, в том числе и крупные культовые сооружения, на высоких столбах-сваях; постройки, которые как бы висели в воздухе и образовывали целые деревни, называвшиеся здесь «висячими»⁷. Смирнов становится основоположником изучения местных архитектурных чудес.

В 1926 году В. И. Смирнов в качестве заведующего Костромским музеем возглавил экспедицию по изучению народного деревянного зодчества. Материалы обследования свайных построек Костромского района и церкви Спаса Преображения из села Спас-Вежи, ставшие основой для последующих изысканий архитекторов, реставраторов и этнографов, включают подробное описание распространенных типов хозяйственных и жилых сооружений, вариантов их планировки, строительных приемов. Как отмечает исследователь, «в наиболее затопляемом

районе можно было видеть своеобразные свайные постройки, нигде в других местах не наблюдаемые»⁸. Важная особенность методики Смирнова – скрупулезность, точность в отображении местной специфики и внимание к деталям. Его публикации неразрывно связаны с экспедиционной работой Костромского научного общества, статьи представляют сжатые экспедиционные отчеты и вводят в научный оборот наиболее яркие своеобразные черты костромского зодчества.

Изучая различные аспекты народной культуры, Смирнов не мог обойти вниманием и строительство. Исследователь детально изучает условия возведения построек, природные, экономические и социальные особенности уголков региона. Смирнова интересует и строительная терминология, причем исследователь отмечает различия и между кустами деревень, анализируя возможный характер их появления. В статье «Свайные постройки Костромского района», тем самым, предстает яркая и подробная картина быта, не ограничивающаяся архитектурой свайных строений, а сориентированная на эту тему. Дальнейшие архитектуроведческие исследования И. В. Маковецкого, С. Я. Забелло, Б. В. Гнедовского, К. Г. Тороп, А. В. Ополовникова уже не характеризуются столь широким охватом. Обширный фактологический материал, опубликованный В. Смирновым, стал основой для последующих исследований костромской крестьянской архитектуры.

7 Ополовников А.В. Музеи деревянного зодчества. М., 1968. С. 88-89

8 ГАКО. Ф. р-550. Оп. 1. Д. 27. Статья В. И. Смирнова «Свайные постройки Костромского района» в журнале «Советская этнография», 1940. С. 1

КОЛЛЕКЦИЯ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ СТАНОК В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СОБРАНИИ КОСТРОМСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА (ИССЛЕДОВАНИЯ В.И. СМИРНОВА)

Цветков С.В.

ОГБУК КГИАХМЗ, г. Кострома

Одним из приоритетных направлений деятельности КНОИМК в 1920-е годы становятся археологические исследования. Организаторами археологических раскопок являлись В.И. Смирнов и Л.С. Китицына. Особо тщательно изучению подверглась территория Костромской низины. Эта территория характеризовалась до периода затопления многочисленными реками и озерами, что способствовало ее заселению с древних времен. Начиная с периода мезолита, древние люди осваивали данную местность, занимаясь рыболовством и охотой. За период деятельности КНОИМК здесь был открыт и исследован ряд памятников археологии, таких как стоянка каменного века Станок, стоянки у деревни Оганино (современное название деревни – Аганино), поселение Борань, стоянка у озера Каменник. Уровень исследований памятников был разный: в некоторых местах произведены раскопки, в других – археологические разведки, а где-то ограничили сбором археологического материала (в том числе, найденного местным населением).

Стоянка Станок относится к числу археологических памятников, которые были исследованы членами научного общества наиболее тщательно. На сто-

янке проводились археологические раскопки в течение двух лет подряд: в 1927 и 1928 годах. Станок находится недалеко от Борисова озера Костромского уезда, на р. Борисовка, которая соединяет р. Кострому и озеро. Памятник является многослойным: самые ранние артефакты датируются периодом неолита, а самым поздним археологическим материалом является сетчатая керамика эпохи раннего железного века. Как пишет в отчете о раскопках В. И. Смирнов, «сетчатая культура, налегая сверху на другие культуры, занимает более широкую площадь и в ту, и в другую сторону»¹.

Методика раскопок не являлась совершенной, но стоит отметить, что велось всестороннее изучение как находок, так и слоев в которых они находились. Каждая находка привязывалась к слою и месту, где она была выявлена, сам слой описывался и указывалась его глубина и цвет. Одним из главных минусов раскопок 1920-х гг. было отсутствие фотофиксации слоев и находок, поэтому сегодня иногда сложно сопоставить находки, сделан-

¹ Смирнов В. И. Отчет о раскопках на «Станке» близ озера Борисова Костромского уезда, 1928 г. // Музейный хронограф: сборник статей. Кострома: ДиАр, 2014. С. 50.

ные В. И. Смирновым на стоянке Станок, и предметы, которые хранятся в фонде «Археология» Костромского музея-заповедника.

В своей статье я хотел бы затронуть коллекцию индивидуальных находок, имеющую номер КМЗ КОК-14285, которая включает в себя, в основном, предметы из камня (исключение представляет глиняная антропоморфная фигурка). В музее хранились 883 предмета, найденные В. И. Смирновым при раскопках стоянки Станок. В советское время 59 предметов из данной коллекции подверглись списанию (по причине утери). На сегодняшний день в фонде «Археология» хранится 824 предмета, обнаруженных КНО-ИМК на поселении Станок в 1927-1928 гг.

Рис. 1. Фигурка орнитоморфная кремнёвая (КМЗ КОК-14285/762)

Подавляющее большинство музейных предметов из коллекции сделаны из кремня – 706 штук, что составляет около 86 % от общего количества, также встречаются артефакты из песчаника (39 предметов –

около 5 %) и сланца – 69 штук (8%), кварца (пять предметов), три предмета из кремнево-известковой породы, один предмет сделан из глины.

По своему функциональному назначению предметы коллекции можно условно разделить на несколько больших групп. К самой многочисленной группе следует отнести отщепы из кремня. Их насчитывается 219 штук, что составляет 26 % от всей коллекции. Ко второй группе относятся скребки, которых насчитывается 181 штука, что составляет около 22 % от всей коллекции. Наконечники стрел и дротиков (включая заготовки) составляют немногочисленную группу в количестве 64 экземпляров (около 8 % коллекции). В этой группе целых готовых наконечников насчитывается 47 экземпляров, а условных заготовок наконечников стрел и дротиков – 17 штук. Из целых наконечников большинство листовидные – 38 штук (81 %), пять наконечников имеют форму треугольника (11 %), а еще два – ромбовидную форму.

Среди найденных на стоянке Станок предметов можно выделить 28 целых долот или их фрагментов (что составляет примерно 3% от общего количества находок) и 34 проколки (4 % от всей коллекции), а также 8 ножей (1 %). Условно можно выделить еще одну группу предметов, которые не представляется возможным отнести ни к одной из вышеперечисленных групп. Это, прежде всего, глиняная фигурка антропоморфного существа. На мой взгляд, этот предмет следует связать с религиозными верованиями эпохи неолита на территории Костромского края. Также на общем фоне стандартных для неолита предметов выделяется каменная поделка «уточка» и каменная подвеска.

Упомянутый выше предмет из глины представляет собой стилизованное изо-

бражение головы антропоморфного существа, с выраженным носом и большими вдавленными внутрь глазами, туловище отсутствует.

Исследователь антропоморфных фигурок Е.И. Кашина относит период бытования данного вида находок к IV-первой половине III тыс. до н.э. Область распространения таких изображений – территория Восточной Балтии, Карелии, севера-запада и севера, а также центра европейской части России². Исследовательница ассоциирует большую часть антропоморфных фигурок с культурой ямочно-гребенчатой керамики³. Как отмечает Е.И. Кашина, изучившая около 150 фигурок, среди этих предметов нет двух абсолютно одинаковых, каждый по-своему уникален и обладает своими мелкими особенностями⁴. Большая часть исследователей считает, что антропоморфные фигурки следует считать культовыми предметами, вероятно, связанными с магическими обрядами, культом плодородия и домашнего очага⁵. Таким образом, фигурку антропоморфного существа, найденную на стоянке Станок в ходе раскопок 1927-1928 гг., следует отнести к периоду неолита, а по функциональному назначению она, вероятно, выполняла роль культового предмета.

2 Кашина Е. И. Антропоморфные изображения из глины в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы//Российская археология. 2004. № 4. С. 21.

3 Там же. С. 20.

4 Там же. С. 21.

5 Кашина Е. И. Антропоморфные изображения из глины в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы//Российская археология. 2004. № 4; Лозе И. А. Глиняные фигурки из неолитических стоянок Восточной Прибалтики// Советская этнография. 1970. № 3. С. 48-61; Чемякин Ю. П. Антропоморфные глиняные фигурки Белоярской культуры// Вестник Пермского университета, 2013.

*Рис.2. Орнаментир каменный
(КМЗ КОК-14285/761)*

Еще одной интересной находкой из коллекции «Станок», на мой взгляд, следует считать поделку из кремня желтого цвета (КМЗ КОК-14285/762) (рис. 1). Данный предмет представляет собой орнитоморфную фигурку (скорее всего, уточки). Изображение характеризуется массивным туловищем прямоугольной формы с округлыми краями и с треугольным хвостом, маленькой головкой на удлиненной шее. Данный предмет обработан со всех сторон ретушью. Д.Н. Воробьев считает, что подобные зооморфные поделки из кремня относятся к Волосовской археологической культуре. По его мнению, в этот период возникает усиление почитания животных (птиц, зверей и рыб)⁶. Воробьев считает, что «изначально изготовление зооморфных изображений было связано с промысловыми культу-

6 Воробьев Д. Н. О роли зооморфных образов в культуре населения Верхнего Поволжья в эпохи неолита-энеолита// Вестник ТвГУ. История, 2008. Выпуск 1. С. 144

ми⁷. Прекращение культа животных, по его мнению, связано с появлением на территории Верхнего Поволжья племен фатьяновской культуры⁸. Таким образом, данный предмет можно соотнести с древностями волосовской культуры (III-II тысячелетия до н.э).

Еще одним предметом из данной коллекции, заслуживающим отдельного упоминания, является подвеска из камня (сланца) (КМЗ КОК-14285/7). Она представляет собой полуовальную пластину с отверстием для подвешивания. Скорее всего, часть подвески обломлена, на что указывает неровность одной из сторон. Камень, из которого сделана подвеска, отшлифован, из чего можно сделать вывод, что данный предмет появился не ранее эпохи неолита. К сожалению, наличие лишь одной подвески не позволяет сделать более детальные выводы по вопросу бытования и датировки подобных украшений на территории Костромского края и, в частности, изучаемого памятника «Станок».

Интересным предметом из коллекции поселения Станок является зубчатый штамп для нанесения орнамента на глиняную посуду (КМЗ КОК-14285/761) (рис. 2). Штамп представляет собой пластину из сланца, размером 5х3,9 см, толщиной 0,3 см. Подобные инструменты делали из трубчатой кости или раковины⁹.

Известны также штампы из глины¹⁰. Рассматриваемый предмет, вероятно, относится к периоду неолита.

Таким образом, по результатам изучения коллекции «Станок» (КМЗ КОК-14285) можно сделать следующие выводы:

1) памятник, при раскопках которого получена данная коллекция, является многослойным. На нем встречаются предметы от эпохи неолита до периода раннего железного века;

2) коллекция содержит предметы относящиеся к различным археологическим культурам;

3) наряду с предметами, которые часто встречаются на памятниках каменного века и эпохи бронзы (наконечники стрел и дротиков, каменные ножи, скребки и т.д.), коллекция содержит артефакты, характеризующие мировоззрение древних людей (антропоморфная фигурка и орнитоморфная поделка), их украшения (подвеска из камня) и некоторые эпизоды производственной деятельности (инструмент для нанесения зубчатого штампа на керамике).

4) Многие предметы коллекции «Станок» недостаточно изучены (не определено их функциональное назначение) и требуют дальнейшего изучения и атрибуции.

7 Там же. С. 147.

8 Там же. С. 142-152.

9 Семенов С. А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. Вып. I. М., 1939. С. 38.

10 Там же. С. 41.

РАЗДЕЛ 2. История костромского края и сопредельных территорий в древности и Средневековье в свете вещественных, письменных и устных источников

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ ЮРСКОГО ПЕРИОДА НА ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ ФАЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА ОБНАЖЕНИЙ РЕКИ УНЖИ

Анциферов А. Л., Митрофанов Р. В.

ОГБУК «Музей природы Костромской области», г. Кострома

Ефимов Н. А.

ГБПОУ МО «Геологоразведочный техникум», Московская обл.

Максименко Х. Ю.

ГКУДОКО «ЭБЦ Следово», г. Кострома

На территории Костромской области, в особенности по берегам реки Унжи, широко распространены мезозойские слои горных пород, имеющие возраст 170-70 млн. лет. Многие окаменелости, при этом, являются руководящими, то есть по их наличию устанавливается геологический возраст слоев. Благодаря таким природным памятникам, на основе тех или иных научных подходов, могут стать известны определенные механизмы и обстоятельства многовекового развития природы региона.

Геологические обнажения реки Унжи имеют важное научное значение. Например, обнажение у д. Черменино являет-

ся наиболее полным разрезом нижнего и среднего келловея и рассматривается в качестве опорного¹. Наиболее подробное описание Унженских обнажений дано в работах Д. Н. Киселева, где приводится их детальная палеонтологическая характеристика².

1 Киселев Д.Н. Научные данные о биостратиграфии келловея в опорном разрезе у д. Черменино (р. Унжа, Кологривский район) // Юрская система России: проблемы стратиграфии и палеогеографии. V Всероссийское совещание: научные материалы. Екатеринбург: ООО «Издательский дом «ИздатНаукаСервис», 2013. С. 102-108.

2 Киселев Д.Н. Зональные и подзональные аммонитовые комплексы среднего келловея Центральной России // Проблемы стратиграфии и палеонтологии мезозоя. Научные чтения, посвя-

Целью настоящей работы стало изучение наиболее крупных геологических памятников юрского периода для первичной реконструкции естественно-исторических процессов данного отрезка времени на территории Костромской области.

Исследования проводились на средства Федерального гранта Русского географического общества (РГО), полученные при поддержке Костромского регионального отделения общества.

Методы исследований. Исследования осуществлялись в ходе экспедиций в летние сезоны 2014 и 2015 гг. Для изучения выбраны наиболее крупные и ярко выраженные геологические разрезы по руслу реки Унжи в Макарьевском и Кологривском районах Костромской области.

В ходе полевых исследований производилось описание характера рельефа, петрографическое и стратиграфическое описание геологических разрезов, первичное определение и фиксация образцов, фотосъемка. В камеральных условиях производилось препарирование, окончательное определение, систематизация, группировка данных.

Особенности среды обитания древних организмов и их образа жизни выяснялись методом тафономии и фациального анализа³.

Результаты изучения юрского обнажения в районе г. Макарьев. Исследуемый разрез расположен на северо-за-

падной окраине г. Макарьев, на правом берегу р. Унжи в крутом обрыве первой надпойменной террасы. Коренные слои представлены отложениями келловейского, оксфордского и кимериджского ярусов (рис.1), которые обнажаются южнее и севернее города. Возраст слоев – около 163 млн. лет.

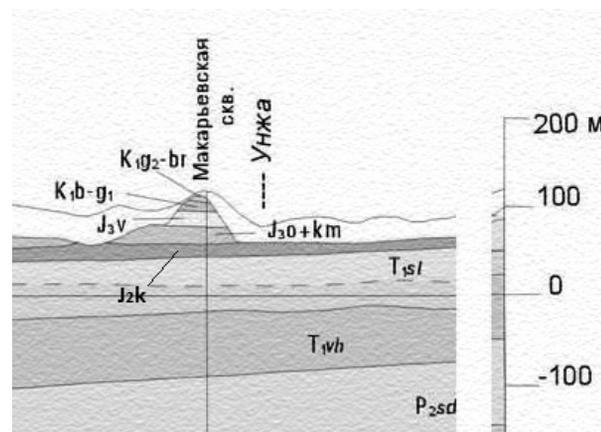

Рис. 1. Поперечный профиль юрских отложений вблизи г. Макарьева (фрагмент геологической карты дочетвертичных отложений Костромской области⁴). Условные обозначения: K1g2·br, K1b·g1 – горизонты нижнего отдела меловой системы; J3V – волжский ярус; J3o+km – оксфордский и кимериджский ярусы объединенные; J2k – келловейский ярус; T1sl – слудкинский горизонт триасовой системы.

Результаты стратиграфического описания «Макарьевского» разреза изображены в виде стратиграфической колонки на рисунке 2.

Большое количество окаменелых останков различных морских животных содержат в себе оксфордские глины.

3 Митрофанов Р.В., Сапоженков А.Ю. Опыт использования методов тафономии в региональных палеоэкологических исследованиях // Молодые ученые – Российскому образованию. Межвузовский сборник научных трудов. Ч. 2. Кострома: КГПУ, 1995. С. 72-74.

4 Геологическая карта дочетвертичных отложений Костромской области / Под. ред. Н.И. Сычкина. 1998.

Глубина разреза, м	Ярус	Состав горных пород	Ископаемая фауна
0	Современные отложения	Покровные суглинки	Отсутствует
1-3	Четвертичные ледниковые отложения. Средний плейстоцен (QII)	Водноледниковые песчаные отложения. Московское оледенение (flgms)	Не обнаружена
3-9	Верхняя юра. Оксфордский и киммериджский ярусы объединенные (J _{3o} +km)	Серые карбонатные глины морского происхождения с включениями пиритовых и фосфоритовых конкреций	Беспозвоночные; Головоногие: <i>Ammonitida</i> (<i>Perisphinctes</i> sp., <i>Cardioceras</i> sp., <i>Dichotomoceras</i> sp.), (<i>Belemnitida</i> : <i>Pachyteuthis</i> sp., <i>Cylindroteuthis</i> sp., <i>Acroteuthis</i> sp., <i>Hibolites</i> sp.); Брюхоногие: <i>Pleurotomaria</i> sp., <i>Cerithium</i> sp., <i>Turboerithium</i> sp., <i>Turritella</i> sp.; Лопатоногие; Двустворчатые: <i>Gryphaea</i> sp., <i>Astarte</i> sp., <i>Cardita</i> sp.; Плеченогие: <i>Rhynchonella</i> sp.; Иглокожие: Echinoidea; Crinoidea; Многощетинковые черви: <i>Serpula</i> sp. Позвоночные: Selachii (находки мелких зубов) Ichthyosauria – единичные (кость из пояса конечностей)
9-10	Оксфордский ярус (J _{3o})	Углистые сланцы	Беспозвоночные; Головоногие: <i>Ammonitida</i> (<i>Amoeboceras</i> sp., <i>Perisphinctes</i> sp.), <i>Belemnitida</i> (<i>Hibolites</i> sp.); Двустворчатые (<i>Astarte</i> sp.); Многощетинковые черви (<i>Serpula</i> sp.)

Рис. 2. Стратиграфическая колонка берегового обнажения вблизи г. Макарьев

Среди фауны беспозвоночных, прежде всего, выделяются разнообразием и хорошей сохранностью спирально закрученные раковины головоногих моллюсков – аммонитов. В больших количествах встречаются ростры внутренних раковин головоногих моллюсков – белемнитов, называемые в народе «чертовыми пальцами». Богаты и разнообразны остальные группы моллюсков юрского моря: двустворчатых, брюхоногих, лопатоногих. Не являются редкостью находки окаменелых останков морских иглокожих (иглы морских ежей и фрагменты морских лилий). Кораллы, напротив, единичны.

Окаменелости морских позвоночных животных встречаются в оксфордских глинах гораздо реже. В слоях данного обнажения найден фрагмент кости из пояса конечностей морской рептилии – ихтиозавра.

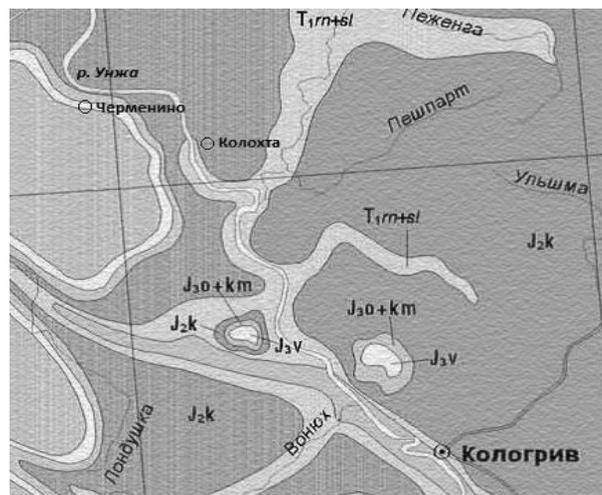

Рис. 3. Карта дочетвертичных отложений Кологривского района (фрагмент геологической карты дочетвертичных отложений Костромской области¹). Условные обозначения: K1g2-br, K1b-g1 – горизонты нижнего отдела меловой системы; J3V – волжский ярус; J3o+km – оксфордский и киммериджский ярусы объединенные; J2k – келловейский ярус; T1sl – слудкинский горизонт триасовой системы.

1 Там же.

Результаты изучения юрских обнажений в Кологривском районе.

Палеонтологические раскопки проводились выше города Кологрива, в окрестностях села Черменино и поселка Колохта (рис. 3).

Отличительной особенностью верховьев реки Унжи является наличие на ее берегах выходов юрских пород особого облика. Это келловейские пески и алевроиты (рис. 4). Окаменелые останки обитателей среднеюрского моря в них не разбросаны хаотично по всей толще, а сконцентрированы в особых конгломератах – фосфоритовых конкрециях. Причина

этого представляла собой не просто мелководное умеренно теплое море, а его прибрежную зону. Ветровые волны почти достигали дна, морская обстановка не была спокойной. Останки погибших организмов не лежали спокойно на дне, постепенно покрываясь илом, как показывала «расшифровка» верхнеюрских глин в Макарьевском районе. Некоторое время твердые останки перекачивались под воздействием подвижной воды, пока не сцеплялись друг с другом в разно-размерные скопления, и в таком виде заносились песком, поскольку ил и глина в этих условиях находились во взвешенном состоянии.

Глубина разреза, м	Ярус	Состав горных пород	Ископаемая фауна
	0	Современные отложения Четвертичные ледниковые отложения. Средний плейстоцен (Q _n)	Покровные суглинки Водноледниковые песчаные отложения
1	Средняя юра. Келловейский ярус (J2K)	Пески и алевроиты морского происхождения с крупными фосфоритовыми конкрециями	Беспозвоночные; Головоногие: Ammonitida (Cadoceras sp., Cardioceras sp., Kosmoceras sp., Keplerites sp.), Belemnitida (Pachyteuthis sp., Cylindroteuthis sp.); Двустворчатые (Astarte sp.)
2			
3			
4			
5			
6			
7			
8			
9			
10			
11			
12			
13			
14			
15			
16			
17			
18			

Рис. 4. Стратиграфическая колонка геологического разреза в районе д. Черменино

такого интересного явления заключается в особенностях морских условий.

С большой вероятностью можно предположить, что исследуемая террито-

рия представляла собой не просто мелководное умеренно теплое море, а его прибрежную зону. Ветровые волны почти достигали дна, морская обстановка не была спокойной. Останки погибших организмов не лежали спокойно на дне, постепенно покрываясь илом, как показывала «расшифровка» верхнеюрских глин в Макарьевском районе. Некоторое время твердые останки перекачивались под воздействием подвижной воды, пока не сцеплялись друг с другом в разно-размерные скопления, и в таком виде заносились песком, поскольку ил и глина в этих условиях находились во взвешенном состоянии.

Следует отметить, что при начальном обследовании геологических объек-

тов верховья Унжи выявлены такие естественные процессы развития реки, которые привели к постепенному перекрытию известных обнажений юрских осадочных слоев оползнями, состоящими из гораздо более поздних пород ледникового времени. Малозатратные работы на позднеюрских береговых обнажениях стали затруднены.

Выводы. Полученные в ходе исследований данные, опирающиеся на характер захоронения ископаемой фауны в юрских отложениях реки Унжи, позволяют сделать вывод об экологических условиях морской среды того времени на данной местности.

1. Глубина моря в этом отрезке времени не превышала 100 м, поскольку глубоководные формы организмов в сланцах не обнаружены.

2. Море было умеренно теплым, так как ископаемая фауна достаточно богата и разнообразна, но теплолюбивые формы (например, кораллы) отсутствуют.

3. Соленость воды, по-видимому, была ниже средней, осадконакопление интенсивное, а придонные слои воды содержали сероводород.

4. Движение водных потоков, вероятно, было слабым, так как раковины аммонитов имеют хорошо сохранившуюся внешность, они практически не окатаны.

Все эти факты свидетельствуют о том, что на данной местности в верхнеюрское время экологическая обстановка несколько отличалась от типично морской и больше соответствовала приустьевой части впадающей в море реки.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА «КУЗИНСКИЕ ХУТОРА» В ШАРЬИНСКОМ РАЙОНЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Никитина Т.Б., Акилбаев А.В.

*Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола*

Шабалина Н.Ю.

Шарьинский краеведческий музей, г. Шарья

В археологическом плане Поветлужье представляет собой насыщенную памятниками территорию, изучение которой началось уже в XIX в. и связано с раскопками В.И. Каменского и других исследователей. В 30-е годы XX в. здесь проводил работы О.Н. Бадер. В дальнейшем (с 50-х годов) раскопки и разведки в Поветлужье проводились Марийской археологиче-

ской экспедицией. Несмотря на это, регион изучен не достаточно хорошо.

Земли Ветлуги и прилегающие к ее устью волжские территории можно назвать центром средневековой марийской культуры. Средневековье представлено в основном древнемарийскими памятниками – городищами и могильниками. Кроме ранее известных могильников (Ве-

селовский и «Черемисское кладбище»), за последние годы Марийской археологической экспедицией открыты: «Кузинские хутора» в Костромской области, Русенихинский в Нижегородской области и Выжумский в Республике Марий Эл. Все эти могильники схожи не только культурной принадлежностью, но и датировкой – IX-начало XII в. Однако имеются некоторые различия в погребальном обряде, показывающие не только процесс становления марийского этноса, но

Рис. 1. Могильник «Кузинские хутора». Жертвенный комплекс. 2017 г.

и сложную этнокультурную ситуацию в регионе в эпоху средневековья.

Наиболее показательным в плане изучения процессов, происходящих в верховьях Ветлуги в период средневековья, является могильник «Кузинские хутора». Этот памятник располагается в 7 км к юго-западу от г. Шарья на коренной террасе левого берега ручья Кузинки, левого притока р. Ветлуги. В 2017 году отрядом Марийской археологической экспедиции, совместно с сотрудником Костромского музея-заповедника, волонтерами из Русского географического общества и при поддержке местной администрации продолжены раскопки могильника. Этот археологический памятник обнаружен еще в 2013 году, когда в музей г. Шарья были переданы отдельные вещи, а уже в 2014 году начаты его раскопки, изучено 88 кв. м., на которых обнаружено 12 погребений. В 2017 г. на площади в 80 кв. м. выявлено 14 объектов: 13 погребений и 1 жертвенный комплекс. Стоит отметить серьезное разрушение памятника кладоискателями и распашкой.

Это единственный древнемарийский могильник, в котором отсутствуют погребения по обряду ингумации. Обряд захоронения представлен 22 погребениями с кремациями, в одном погребении кости не зафиксированы, одно погребение отнесено к кремации условно (обнаружено всего 3 фрагмента костей), одно раз-

рушено. За исключением двух случаев, контуры могильных ям были прослежены под слоем пахоты или под слоем подзола. В пахотном слое обнаружено большое количество украшений: бубенчики и привески, фрагменты цепочек, пронизки, поясные накладки и др. Значительная часть таких находок была сосредоточена около выявленных впоследствии погребальных комплексов. Уместно связывать эти украшения с разрушенными верхними горизонтами погребений. Возможно, некоторое количество неглубоких могил могло

Рис. 2. Фибула из жертвенного комплекса могильника «Кузинские хутора». 2017 г.

быть разрушено. Вряд ли число таких разрушенных погребений может быть большим, поскольку кальцинированные кости в пахоте практически не фиксировались.

Могильные ямы имели прямоугольную с закругленными углами, иногда близкую к овалу, форму. Могилы ориентированы по направлению северо-восток – юго-запад – 15 погребений, северо-запад – юго-восток – четыре погребения, север – юг – одно погребение, три разрушено,

их ориентировку назвать затруднительно. В захоронениях на различной глубине и без системы зафиксированы кальцинированные кости. Заполнение погребений слабогумированное с включениями угля и золы. Общая масса костей в каждом погребении невелика: от 12 до 364 гр.¹. Вещи в погребениях иногда имеют следы воздействия огня.

Чаще всего украшения в могиле расположены хаотично, на разных уровнях, но имеется некоторое количество захоронений, в которых вещи находятся в порядке их прижизненного ношения.

Материалы раскопок 2017 г. подтвердили выводы 2014 г. о датировке памятника и о его двух культурных компонентах, один из которых древнемарийский, что подтверждается наличием таких этномаркеров как височные кольца с отогнутыми концами, головная цепочка (этот тип височных колец и головной убор в целом неоднократно фиксировался в материалах могильников IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья²) и жертвенный комплекс (подробнее он будет рассмотрен ниже), содержащий украшения. Получены и другие предметы, характерные для марийцев IX–XI веков: гривна «глазовского» типа, щитковые «усатые» перстни, граненые дровяные браслеты, подвеска в виде всадницы, грушевидный кошелек из бобрового хвоста. Интерес представляет находка кинжала в ножнах, имеющего

анalogии в других марийских могильниках этого периода³. Имеются и вещи, связанные с торговыми контактами: «усатые» перстни с узким щитком, фибулы, привезенные с западных территорий.

Необходимо отметить, что разнообразие материалов могильника ввиду его двухкомпонентного состава усиливается большим количеством привозных вещей, имеющих аналогии, прежде всего, на

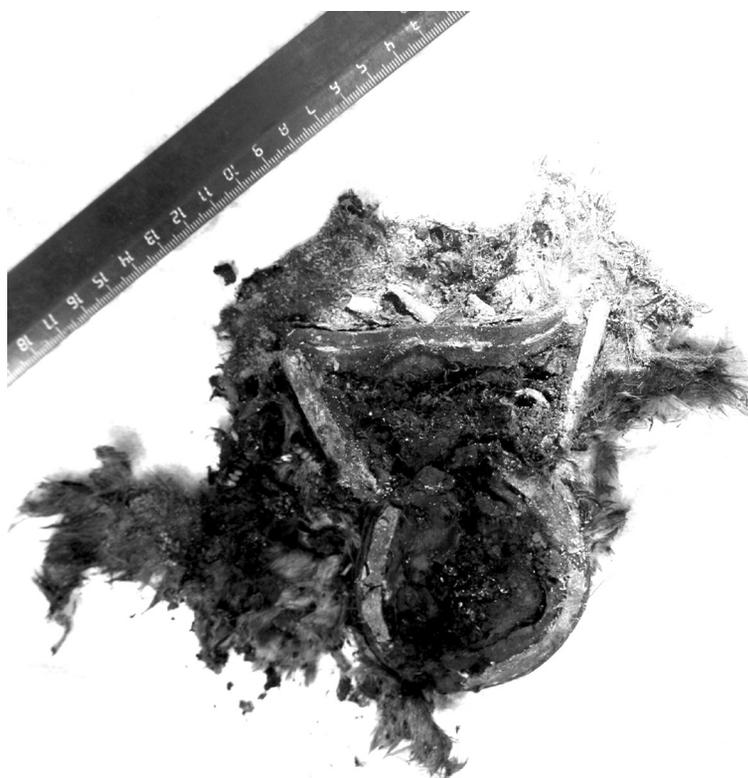

Рис. 3. Кошелек из жертвенного комплекса могильника «Кузинские хутора». 2017 г.

территории Древней Руси и Балтийских стран.

Другая составляющая этого памятника, вероятно, связана с вымской культурой⁴. Марийские погребения представляют собой небольшие группы и одновременны с другими захоронениями. По-видимому, два народа сосуществова-

1 Никитина Т.Б. Население Верхнего Поволжья в начале II тыс. н.э.: новые материалы // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 125.

2 Архипов Г.А. Марийцы XI–XI вв. Йошкар-Ола, 1973. С. 129.

3 Там же. Рис. 60.

4 Никитина Т.Б. 2015. С. 136.

ли на одной территории. Если древнемарийская составляющая не вызывает сомнения и имеет широкие аналогии в Ветлужско-Вятском междуречье, то выводы о второй составляющей носят предварительный характер. Работа по изучению могильника будет продолжена.

В 2017 г. раскопками выявлен ещё один элемент древнемарийской культуры – жертвенный комплекс (рис. 1), являющийся захоронением вещей в межмогильном пространстве. Жертвенные комплексы – отличительная особенность раннесредневековой древнемарийской культуры⁵. Комплекс на могильнике «Кузинские хутора» имеет форму в виде двух окружностей, в виде цифры «8». Контур гуммированный, по краю прослежена береста. От берестяного туеса сохранились стенки и дно. В северо-западной части комплекса располагался керамический горшок, в котором найден плетеная цепочка со следами бересты. На дне имелись остатки меха и войлока. Другая окружность представляла собой положенный в туес сверток из меховой и шерстяной одежды, в который завернуты вещи. В центре свертка находились фибула и наконник из пронизок и крупных бубенчиков, а также неопределенный предмет из цветного металла (возможно подвеска). Фибула скрепляла края шерстяной верхней одежды, украшенной цветной тесьмой (рис. 2). Здесь же встречены еще две фибулы и кошелек грушевидной формы из бобрового хвоста, имеющий обкладки из цветного металла (рис. 3). В кошельке лежал кремь. Одежда сохранилась в виде кусков меха, кожи, сшитой тонким швом

5 Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Отражение культа предков марийцев в погребальном обряде могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // *Stratum plus: Культурная антропология и археология*. 2012. № 5. С. 179-194.

и шерстяной ткани саржевого плетения двух разновидностей: грубой и тонкой. Слои одежды в комплексе чередуются. На шерстяной ткани, в центре туеса, прослежены следы вышивки тонкой проволокой, которая рассыпалась при расчистке. Подобная вышивка характерна для марийского костюма X–XI вв.⁶ Свернутая одежда имеет отверстия, в которые вставлены затычки из войлока. Такой обряд неоднократно фиксировался в древнемарийских материалах⁷. Под тканью и мехом обнаружен нож. находка сразу трех фибул в одном комплексе – уникальное явление, поскольку фибулы не характерны для марийцев, найденные экземпляры встречаются преимущественно в странах Балтийского моря⁸.

Таким образом, в результате работ 2017 г. получены материалы, полностью подтверждающие выводы раскопок 2014 г. как в плане датировки могильника «Кузинские хутора», так и в его этнокультурной интерпретации. Памятник отличается не только двуэтничной составляющей, он является самым северным из известных на сегодняшний день могильников раннесредневековой марийской культуры. Особое место могильника в древности Поволжья и Ветлужско-Вятского междуречья в целом подчеркивает необходимость дальнейшего изучения этого памятника.

6 Никитина Т.Б., Алибеков С.Я. Древнемарийская вышивка по материалам Русенихинского могильника X–XI вв. // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2012. С. 140–147.

7 Никитина Т.Б. Жертвенные комплексы с одеждой из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2017. № 1 (36). С. 24.

8 Мальм В.А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // *Очерки по истории русской древности X–XIII вв.* // *Труды ГИМ*. 1967. Вып. 43. С. 149–206.

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ЗООМОРФНЫЕ ПОДВЕСКИ ИЗ КОСТРОМСКИХ КУРГАНОВ

Кузнецова В.Н.

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

В Костромских курганах представлен многокомпонентный набор украшений¹. Здесь встречаются изделия, которые ассоциируются с как традициями Северо-Запада Руси, так и Волго-Камья. Е.А. Рябинин детально анализировал региональные составляющие, а также обозначил Костромское Поволжье как один из регионов концентрации зооморфных украшений². В 2014 г. вышла статья С.А. Кабатова, в которой повторяются данные и положения, представленные в работе Е.А. Рябина 1981 г.³. Однако источниковая база по зооморфной пластике ежегодно пополняется, поэтому важно рассматривать находки из костромских курганов в сопоставлении с данными по соседним регионам.

1 Автор выражает благодарность сотруднику Государственного Эрмитажа Р.С. Минасяну и сотрудникам Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника В.С. Баранову и С.В. Рябинцеву за консультации и помощь при работе с коллекциями.

2 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-60. Л.: Наука, 1981. С. 57; Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 194.

3 Кабатов С.А. Зооморфные украшения Костромского Поволжья // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 1. С. 39–51.

Пластинчатые зооморфные подвески являются одним из маркеров межрегиональных связей. Так, идея прорезных орнитоморфных украшений связана с землями Приладожья и Прибалтики. Приладожские «уточки», бытовавшие в конце X – начале XII в.⁴, послужили прототипами для нескольких разновидностей подвесок XI–XII вв., встречающихся на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси. В Костромском Поволжье не были встречены оригинальные изображения, однако зафиксированы несколько типов, возникших на их основе. Наиболее распространенный вариант (вариант 1А типа I в классификации Е.А. Рябина; вариант «а» типа А1-2а.1, по классификации автора данной статьи⁵) представлен двумя экземплярами, происходящими из кургана VIII у д. Пеньки и кургана 13 группы I у д. Елкотово⁶ (рис. 1: 1). Подобные подвески встречены не только в Костромском, но в Верхнем Поволжье, в целом.

4 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Табл. I: 1–11.

5 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. С. 15; Кузнецова В.Н. Орнитоморфные и зооморфные украшения населения лесной зоны Восточной Европы XI–XIV вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб., 2016. С. 14.

6 Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических изысканиях в Костромской губернии // МАВГР. 1899. Т. III. Табл. 4: 9; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Табл. II: 2. Кат. 54–55.

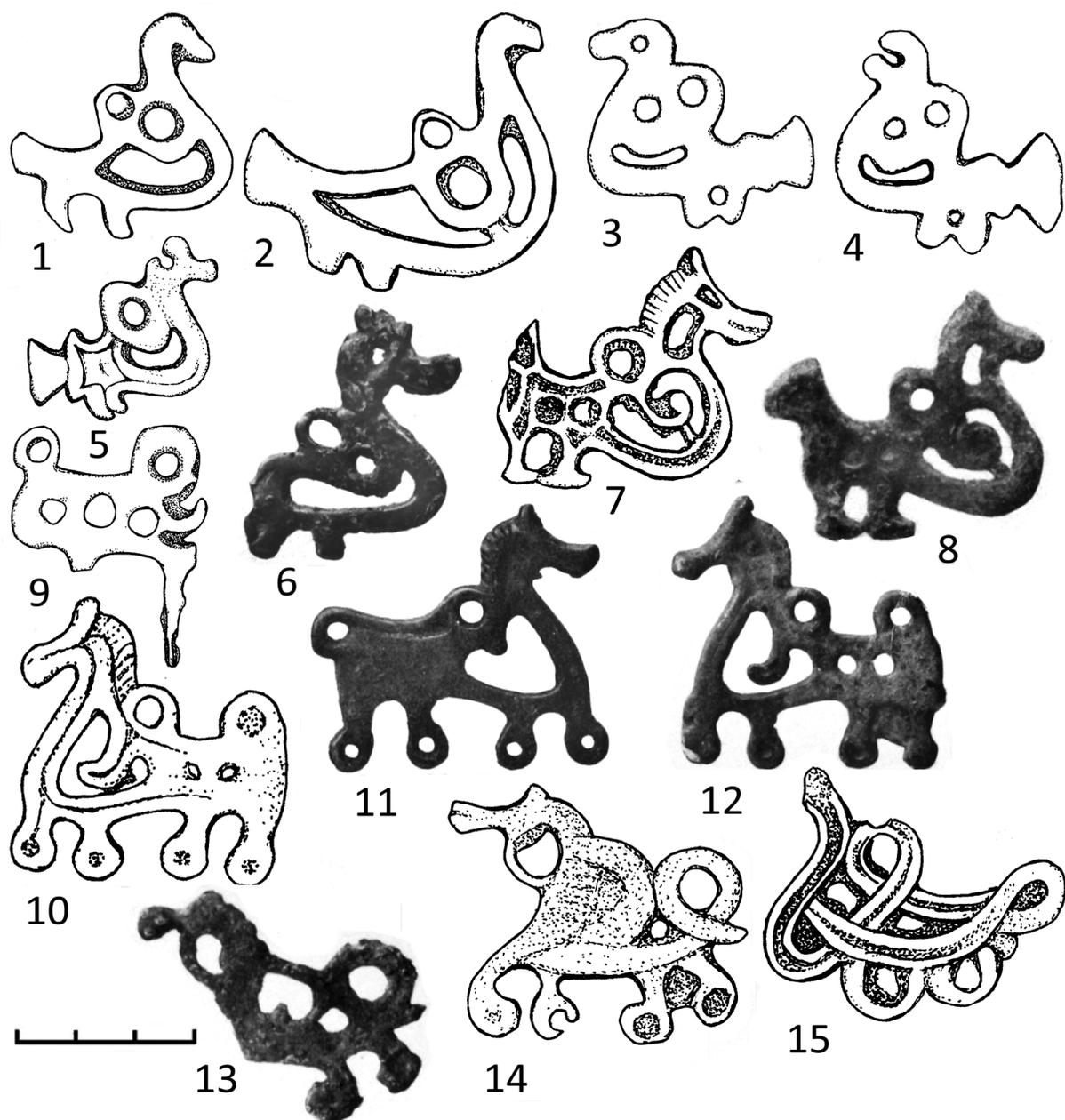

Рис. 1. Подвески из курганов Костромского Поволжья

1 – Пеньки (ГЭ 1043/487); 2 – Кожухова (ГЭ 624/638); 3–4 – Елотово (КИАХМЗ 15481/28);
5 – Сторожева (ГЭ 694/479); 6 – Низовская (По: Нефедов, 1899. Табл. 4: 8); 7 – Пьянково
(КИАХМЗ 15452/7); 8 – Белогрудовская (По: Нефедов, 1899. Табл. 4: 13); 9 – костромские
курганы (ГЭ 624/605); 10 – Поповка (КИАХМЗ 15459/3); 11 – Кубасова (По: Нефедов, 1899.
Табл. 4: 11); 12 – Любаново (По: Нефедов, 1899. Табл. 4: 12); 13 – Шеляиха (По: Нефедов, 1899.
Табл. 4: 7); 14, 15 – Елотово (КИАХМЗ 15474, 15474/21).

Аналогичные украшения происходят из кургана 44 у Кирьяновой, известен экземпляр из коллекции Бурылина⁷. Подвески другой разновидности (вариант «б» типа А1-2а.1, по классификации автора) известны из разрушенного кургана у д. Зубарево и также из коллекции Бурылина⁸. Наибольшее число подвесок, возникших на основе приладожских, было встречено в памятниках Белозерья⁹.

Одной из особенностей развития стилистики орнитоморфных подвесок является изменение формы прорезей на корпусе. Если в приладожских изделиях центральная прорезь имела сегментовидные очертания, то в ряде изделий она трансформируется в полумесяц, часто с петлевидным выступом. В кургане у д. Кожухова в Костромском Поволжье была встречена подвеска¹⁰ довольно редкого типа (тип А11-2.1, по классификации автора¹¹), она была отнесена Е.А. Рябининым к XII в. (рис. 1: 2). Идентичные украшения были найдены в окрестностях г. Вологда и Северной Швеции¹².

7 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Табл. II: 4. Кат. 50, 53.

8 Горюнова Е.И. Мерянский могильник на Рыбинском море // КСИИМК. 1954. Вып. 54. Рис. 71: 1; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Табл. II: 8. Кат. 52.

9 Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. Рис. 67: 4–5; Макаров Н.А. Население русского севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука, 1990. Табл. XIII: 5, XXI: 2, 5; Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники. Т.1. Поселения и могильники. М.: Наука, 2007. Рис. 198: 2; 206: 20.

10 Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических изысканиях. Табл. 4: 15.

11 Кузнецова В.Н. Орнитоморфные и зооморфные украшения. С. 14.

12 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Кат. 71; Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда: Древности Севера, 2004. Рис.

Еще одна разновидность изделий представляет собой орнитоморфное изображение с отверстием в центре головы. В Костромских курганах встречены как распространенный вариант, так и редкий. Подвески первого варианта найдены в курганах у дд. Обабкова и Елктово¹³ (рис. 1: 3, 4), они также зафиксированы в могильниках у д. Щуковщина в Юго-Восточном Приладожье, Кирсино III в бассейне р. Мги и Минино II на Кубенском озере, слоях Новгорода и Земляного городища Старой Ладogi¹⁴. Второй представлен только двумя изделиями – из кургана VII у д. Сторожевой в Костромском Поволжье (рис. 1: 5) и погребения 6 грунтового могильника Нефедьево IB¹⁵.

На сегодняшний день известна единственная подвеска с прорезью на голове, в которой также сочетаются клюв водоплавающей птицы и петушиный гребень (тип А1-2б.2, по классификации автора¹⁶).

47; Serning I. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeri AB, 1956. Pl. 18: 3.

13 Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических изысканиях. Табл. 4: 14; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Табл. II: 5-6. Кат. 61, 63; ГЭ 624/379; КИАХМЗ 15481-28.

14 Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. 1895. № 18. Рис. 10; Сорокин П.Е. Ижора в эпоху средневековья (к вопросу о происхождении и ранней истории) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. СПб.: Нестор-История, 2008. Рис. 6: 3; Археология севернорусской деревни. Табл. 206: 21; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Кат. 48, экспозиция Новгородского государственного объединенного музея-заповедника; место хранения Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, КП 62950 А-9593.

15 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Табл. II: 7. Кат. 64; место хранения Государственный Эрмитаж (далее – ГЭ) № 624/479; Макаров Н.А. Население русского севера. Табл. XXVI: 13.

16 Кузнецова В.Н. Орнитоморфные и зооморфные украшения. С. 14.

Изделие происходит из кургана V у д. Низовской¹⁷. находка отражает общие явления для зооморфной металлопластики Севера Руси первой трети II тыс. н.э. – распространение образа куриных и появление контаминированных изображений. Последнее представлено также в пластинчатых подвесках с птичьим корпусом и лошадиной головой из курганов у д. Пьянково, Поповка, Белогрудовская¹⁸ (рис. 1: 7, 8). Помимо костромских курганов, такие изделия были встречены в могильниках Кривец в Ярославском Поволжье¹⁹ и Никольское XVIII в Молого-Шекснинском междуречье²⁰. Корпус изделия дополнен полукруглой прорезью, в центре которой помещен завиток; такое оформление свойственно изделиям, распространенным в Прибалтике и на Северо-Западе Руси²¹.

17 Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических изысканиях. Табл. 4: 8. С. 183; ГЭ 1043/483.

18 Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических изысканиях. Табл. 4: 13; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Табл. III: 4; IV: 4. Кат. 105–107; место хранения Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее – КИ-АХМЗ) № 15452/7.

19 Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1897. С. 93. Рис. 118.

20 Васенина М.Г. Женский убор финно-угорского населения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века и средневековья // Вепсы: история, культура, современность. Материалы научно-практической конференции (Вологда, 29 марта 2006 г.). Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2006. С. 37–46.

21 Спиргис Р. находки зооморфных подвесок «смоленского» типа на территории Латвии и их новая интерпретация // *Stratum Plus. Культурная антропология и археология*. 2012. № 5. Другая Русь. Чудь, меря и инии языки. Рис. 4: 8–12; Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига: Зинатне, 1965. Табл. XXIX: 8; Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Кат. 74–90, 97–101.

Согласно устоявшемуся в литературе мнению, изображение коня являлось одним из наиболее популярных среди образов, запечатленных в зооморфных подвесках. Автором данной статьи отмечалось, что в древнерусской металлопластике представлено не так много типов подвесок, которые могут быть безоговорочно интерпретированы как изображения коня²². Среди таковых украшения рубежа XI–XII – XIII в., изображающие животное с четырьмя конечностями и с сердцевидной прорезью на груди; в центре прорези расположен завиток. Е.А. Рябининым данная разновидность находок была отнесена к вариантам 2 и 3 типа XIII²³. Поводом для столь дробного деления стало превращение завитка в полосу, проходящую посередине прорези. Однако такая деталь обусловлена не преднамеренной стилизацией, а качеством литья. По классификации, предложенной автором, эти изделия относятся к одному варианту «а» типа CI-2.1²⁴. На конечностях коньков находятся округлые отверстия для привесок (рис. 1: 10–12). На сегодняшний день учтено 14 подвесок, из них 4 происходят из Костромских курганов, известно два экземпляра из Ярославского Поволжья, остальные были встречены в памятниках Приладожья, Приневья, Ижорского плато²⁵.

22 Кузнецова В.Н. Зооморфные образы в изобразительной традиции населения лесной зоны Восточной Европы II тыс. н.э. // *Музей. Традиции. Этничность*. 2013. №2 (4). С. 54–55.

23 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. С. 27–28.

24 Кузнецова В.Н. Орнитоморфные и зооморфные украшения. С. 15.

25 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Кат. 268–276, 278; *Археология Древнего Ярославля. Загадки и открытия*. 2-е изд. доп. и переработ. М.: ИА РАН, 2012. С. 45; экспозиция Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника; Стасюк И.В. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н.э. // *Stratum Plus. Культурная антропология и археология*. 2012. № 5. Другая Русь. Чудь, меря и инии языки. Рис. 14: 9; Сорокин П.Е. Ижора в эпоху

Примечательно, что на территории Белозерья, где были распространены схожие с костромскими, а шире верхневолжскими разновидностями украшений, были встречены прорезные коньки иного облика²⁶, без отверстий на конечностях (вариант «б» типа CI-2.1 по классификации автора²⁷).

Из костромских курганов происходит также фрагмент нестандартного изделия с завитком на груди (рис. 1: 9)²⁸. Хвост передан колечком, также как в полиморфных подвесках, происходящих из памятников Прибалтики и Северо-Запада Руси и подвесках коньках, о которых шла речь выше. У зооморфной фигуры обозначены две удлинённые конечности с отверстиями (для привесок?), что схоже с оформлением уникальной подвески из Ярополча Залесского²⁹.

Фигурная прорезь с завитком, изгиб корпуса и морды, орнамент в виде изогнутых углублённых линий свидетельствуют о влиянии прибалтийской изобразительной традиции. Примечательно, что из курганов у дд. Елкотово и Шеляиха, происходят подвески в виде коньков с уздечкой (тип XIII вариант 1, по Е.А. Рябинину)³⁰ (рис. 1: 13–14). Подавляющее большинство таких изделий встречено в прибалтийских землях и на Северо-Западе Древней Руси.

средневековья (к вопросу о происхождении и ранней истории) // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Вып. 2. СПб.: Нестор-История, 2008. Рис. 6: 4.

26 Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. Табл. 142: 7; 145: 13; 148: 2–3.

27 Кузнецова В.Н. Орнитоморфные и зооморфные украшения. С. 15.

28 ГЭ 624/605.

29 Седова М.В. Ярополч Залесский. М. Наука, 1978. Табл. 6: 19.

30 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Кат. 266–267.

С прибалтийскими изобразительными традициями ассоциируются редкие орнитоморфные подвески, корпус которых состоит из плетенки, между ее витками расположены трапециевидная и треугольная прорези (по классификации автора изделия относятся к типу DI-2.3)³¹. Начиная с головы, подвеска данного типа представляет собой единую линию, изгибы которой формируют три петли – первый фестон на нижнем крае корпуса, петлю для подвешивания на спине фигуры и хвост в задней части корпуса. Всего вдоль нижнего края корпуса расположено три фестона, два последних не сформированы изгибающейся линией и, видимо, являются петлями для привесок. Из кургана 6 группы I у д. Елкотово в Костромском Поволжье происходит подвеска-плетенка, у которой утрачена голова (рис. 1: 15)³². Два целых изделия, а также фрагмент украшения, в котором угадывается подвеска данного типа, происходят из памятников Вологодской области³³. Орнаментация в виде изгибающихся и переплетающихся линий часто встречается в западно-финской изобразительной традиции: «плетенкой» оформляются фибулы, цепедержатели, подвески, в том числе и зооморфные³⁴.

Еще одной разновидностью изделий, традиционно рассматриваемой как маркер межрегиональных связей, являются подвески-«петушки» XII–XIII вв. Изделия ассоциируются с традициями Вла-

31 Кузнецова В.Н. Орнитоморфные и зооморфные украшения. С. 15.

32 КИАХМЗ № 15474/21.

33 Васенина М.Г. Женский убор финно-угорского населения. Рис. 12: 2; экспозиция Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника; Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. Рис. 67: 10.

34 Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bilderatlas und Text II. Porvoo-Helsinki, 1951. Taf. 75: 615–616; Taf. 137: 1076.

димиро-Суздальских земель. В целом, оформление подвесок стандартно: «По нижнему краю... проходит ряд петлевидных выступов. Головка птицы... украшена гребнем и завершена острым клювом»³⁵. Как правило, тулово дополнено прорезным орнаментом в виде небольших округлых отверстий (рис. 2: 1). Е.А. Рябинин отмечал, что «лишь в двух случаях ажурные круглые отверстия заменены двумя большими фигурными прорезями»³⁶. Речь идет о подвесках из Владимира³⁷ и кургана у д. Левашихи³⁸ в Костромском Поволжье (рис. 2: 2). Прорезы на изделиях имеют «рваные» очертания, полукруглая форма краев и их размещение говорят о том, что они являются не специфическим ажурным орнаментом, а образовались в результате литейного брака. В отличие от одноглавых подвесок-«петушков» на двуглавых изделиях редко встречается декор в виде округлых отверстий. Единственная находка, орнаментированная подобным образом, происходит из кургана у с. Васильевское в Костромском Поволжье³⁹ (рис. 2: 3).

Непрорезные орнитоморфные подвески с рельефным орнаментом Е.А. Рябинин рассматривал как специфический тип украшений Костромского Поволжья⁴⁰ (рис. 2: 5–6). На сегодняшний день находки из Вологодской области, особенно с территории бассейнов Белого и Кубенского озер, численно приближаются к ма-

териалам из Костромских курганов⁴¹. Так, в Костромском Поволжье зафиксирован 21 экземпляр, в памятниках Вологодской области – 17. По всей вероятности, данную разновидность следует в целом соотносить с традициями Северо-Востока Руси XII–XIII вв.⁴². Говоря об общих типах древнерусских украшений, стоит отметить, что в кургане 16 у д. Турыгино была встречена подвеска «смоленского» типа⁴³.

Сходство материалов Верхневолжья, Белозерья, Молого-Шекснинского междуречья проявляется и в распространении одинаковых типов двуглавых подвесок⁴⁴. Единственной разновидностью, не выявленной на сегодняшний день вне Костромского Поволжья являются подве-

35 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. С. 18.

36 Там же. С. 18.

37 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Табл. VI: 9.

38 Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических изысканиях. Табл. 4: 10; ГЭ 624/71.

39 Анучин Д.Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // МАВГР. 1899. Т. III. Рис. 3а; КИАХМЗ № 15475/63.

40 Рябинин Е.А. Зооморфные украшения. Кат. 138–158.

41 Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1–59. М.: Наука, 1979. Табл. 7: 2, 9; Голубева Л.А. Весь и славяне на Белом озере. М.: Наука, 1973. Рис. 5: 1; Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. Рис. 67: 13–16; Ошибкина С.В. Могильник Пески в Вологодской области // КСИА. 1972. Вып. 129. Рис. 22: 6; Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: Средневековые поселения и могильники. Т.2. Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. Рис. 121: 5–7; Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси. Табл. 143: 3; Макаров Н.А. Население русского севера. Табл. XXV.19; Никитинский, И.Ф. Погребения XII в. в селе Кубенском // Европейский север России: традиции и модернизационные процессы. Ч. 1. Вологда-Молочное: Изд. центр Вологодской государственной молочнохозяйственной академии, 2006. С. 36. Рис. 8: 1–2; Кудряшов А.В. Финно-угорское население Средней Шексны в IX–XI вв. // Вепсы: история, культура, современность. Материалы научно-практической конференции (Вологда, 29 марта 2006 г.). Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2006. Рис. 2: 16.

42 Кузнецова В.Н. Орнитоморфные пластинчатые подвески лесной зоны Восточной Европы XI–XIII вв. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4 (57). С. 57–60.

43 КИАХМЗ 15484/28.

44 Кузнецова В.Н. Двуглавые подвески Древней Руси XI–XIII вв. // Этнокультурные взаимодействия на территории Верхнего Поволжья и сопредельных территориях в древности, Средневековье и в Новое время: сб. науч. тр. Кострома: Костромаиздат, 2015. С. 35–41.

ски с ромбическими и треугольными про-
резами на корпусе (тип Gl.1 по классифи-
кации автора)⁴⁵ (рис. 2: 4, 7).

риалами Белозерья. Сложно представить
распространение одних и тех же типов
фигуративных изображений в Обонежье,

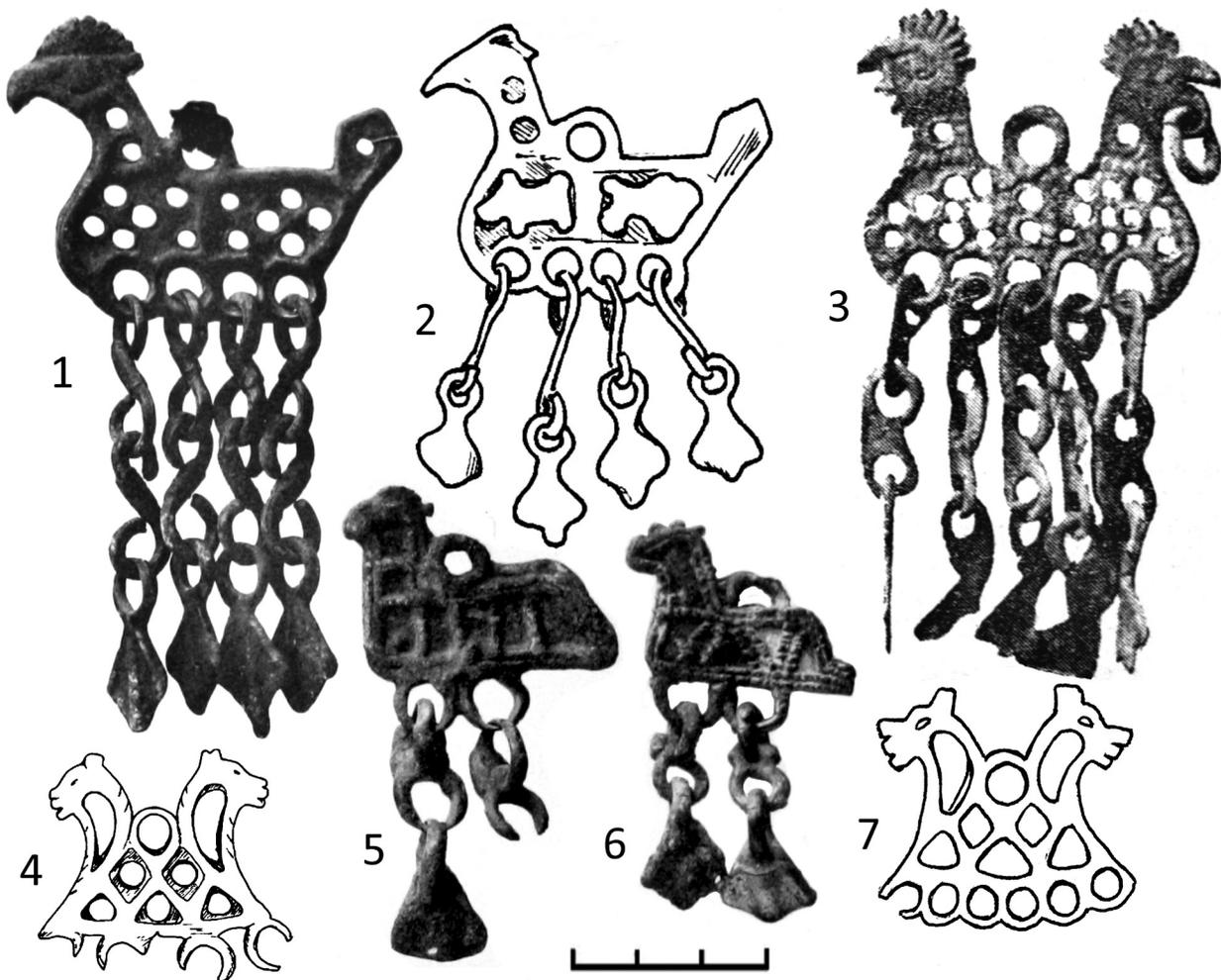

Рис. 2. Подвески из курганов Костромского Поволжья
1 – Низовская (По: Нефедов, 1899. Табл. 4: 1); 2 – Лвашиха (ГЭ 624/71);
3 – Васильевское (По: Анучин, 1899. С. 17. Рис. 3а); 4 – Кубасова (ГЭ 624/276);
5 – костромские курганы (По: Нефедов, 1899. Табл. 4: 6);
6 – Мальцева (По: Нефедов, 1899. Табл. 4: 3); 7 – Пьянково (КИАХМЗ 15452/21).

Набор пластинчатых зооморфных
украшений из Костромских курганов схож
с находками Верхневолжья. Кроме того,
как по распространенным типам, так и по
редким обнаруживает близость с мате-

Белозерье, Молого-Шекснинском между-
речье и Верхневолжье, не допуская сход-
ства в верованиях, эстетических пред-
ставлениях местного населения. Культура
древнерусского Севера при наличии мно-
жества локальных различий, характеризу-
ется определенным единством.

45 Кузнецова В.Н. Орнитоморфные и зооморф-
ные украшения. С. 17.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕТОПИСНОГО Г. УНЖИ В 2017 ГОДУ*

*Исследования выполнены при поддержке гранта РФФИ №17-11-44601

Сатурин А.А., Щербаков В.Л.
ОГБУК КГИАХМЗ, г. Кострома

К 2017 г. на территории с. Унжа было известно 12 памятников археологии. Раньше других выявлены городище Унжа и селища Унжа 1 и 2. В 1982 г. городище осматривал Ю.Н. Урбан¹, в 1994 г. план памятника снял М.Е. Ильин (экспедиция Национального музея Республики Марий Эл)². В 2015 г. обследование городища продолжила археологическая экспедиция Костромского музея-заповедника под руководством В.Л. Щербакова.³

Селище Унжа 1, находящееся на I-II террасах правого берега р. Унжи южнее одноименного села, выявлено Ю.Н. Урбаном в 1981 г.⁴

Исследования селища в 2014-2017 гг. проводила экспедиция Костромского музея-заповедника.⁵

Селище Унжа 2, располагающееся к северо-востоку от городища Унжа, было выявлено Ю.Н. Урбаном в 1981 г.⁶

Коллекция находок состоит из единичных малоинформативных фрагментов керамики.⁷

Территория, прилегающая к городищу с юго-восточной, южной, юго-западной и западной стороны была обследована экспедицией музея в 2014 году; здесь выявлены пять участков исторического культурного слоя города Унжи позднего

1 Паспорт селища Унжа 1 / Сост. Ю.Н. Урбан. 1982.

2 Ильин М.Е. Отчет о разведочных работах археологической экспедиции Национального музея Республики Марий Эл в Макарьевском районе Костромской области в 1994 г. // Инспекция по охране объектов культурного наследия Костромской области.

3 Щербаков В.Л. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016.

4 Урбан Ю.Н. Отчет об археологической разведке в Костромской области. 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1 9806. С. 29.

5 Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV-XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016.; Щербаков В.Л. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2014 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016.; Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV-XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016.

6 Паспорт селища Унжа 2 / Сост. Ю.Н. Урбан. 1981. // Инспекция по охране объектов культурного наследия Костромской области.

7 КМЗ Н/В-17625/39

**РАЗДЕЛ 2. История костромского края и сопредельных территорий в древности
и Средневековье в свете вещественных, письменных и устных источников**

Средневековья и Нового времени⁸. В ходе работ в 2015 г. выявлено еще три участка исторического культурного слоя города Унжи в восточной, центральной и западной части современного села: Участок культурного слоя города Унжи XV-XIX вв. вдоль бывшей Кологривской дороги; Участок культурного слоя города Унжи конца XVII-XIX в. к югу от бывшей улицы Унженской; Участок культурного слоя города Унжи второй половины XVII-XIX в. вдоль бывшей Макарьевской дороги⁹.

В 2016 г. экспедицией КГИХМЗ было обследована территория бывшего с. Вознесенское, располагавшегося возле церкви Вознесения Господня в южной части с. Унжа¹⁰, выявлено селище Вознесенское XVI-начала XX в.

В 2017 г. силами археологической экспедиции Костромского музея-заповедника уточнены границы селища Унжа 1, представляющего собой древнерусский посад города Унжи. В рамках этих же работ предпринята шурфовка ближайших в Унже крупных дюн в пойме правого берега одноименной реки. Культурный слой и археологические предметы ни на одной из дюн найдены не были.

На возвышенной части берега Унжи вблизи селища Унжа 1 выяв-

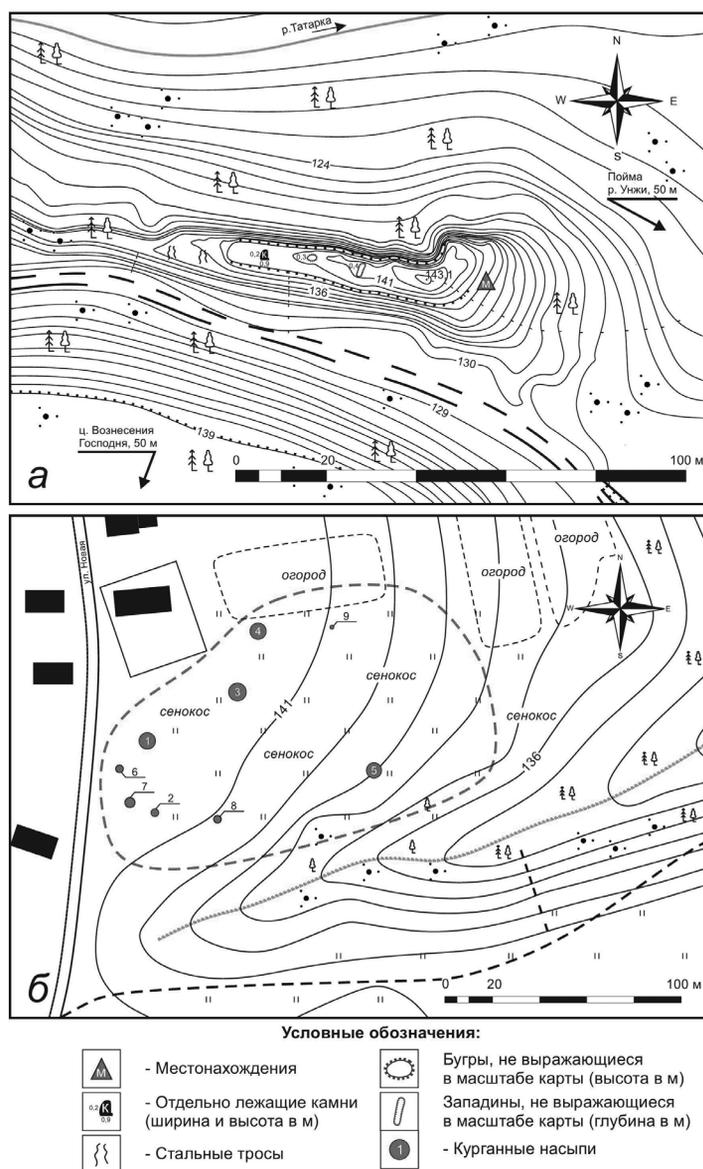

Рис. 1. Село Унжа, 2017 г.: а. топографический план городища Унжа 2; б. топографический план курганного могильника Унжа.

8 Щербаков В.Л. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2014 г. // Архив КГИ-АХМЗ, 2016. С. 2.

9 Щербаков В.Л. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. С. 5.

10 Сатурин А.А. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. // Архив КГИ-АХМЗ, 2016.

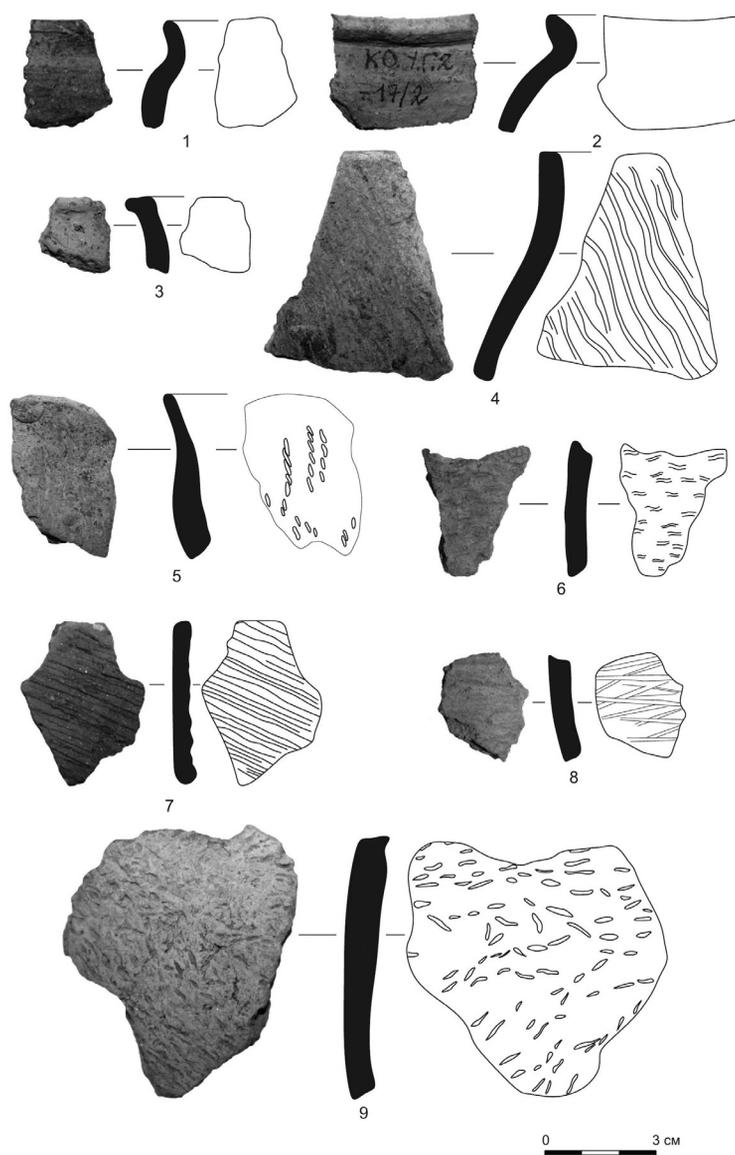
лен новый памятник археологии, который получил наименование «Унжа, городище 2» (рис. 1, а). Памятник располагается вблизи юго-восточной окраины села Унжа, в 85 м к северу-северо-востоку от церкви Вознесения Господня на высоком останце коренного берега р. Унжи. Мыс образован склоном оврага, обводненного р. Татаркой и склоном коренного берега р. Унжи.

Площадка поросла смешанным лесом. Вершина останца находится на отметках 142-143 м в балтийской системе высот. В плане сохранившаяся часть мыса имеет продолговатую форму, расширяется в северо-восточном направлении; южный склон тянется вдоль грунтовой дороги; северный край останца примыкает к крутому склону лесистого оврага, обводненного рекой Татаркой. Размеры верхней площадки останца с запада на восток 36 м, с севера на юг 3-4 м, в самом широком месте – около 10 м, площадь около 360 кв. м. Состояние памятника аварийное.

В результате взрывных работ при постройке грунтовой дороги-спуска к р. Унже в советский период целостность мыса была сильно нарушена. Культурный слой, ошибочно соотнесенный нами с селищем Вознесенское XVI - начала XX в. был зафиксирован в 2016 г. на южном склоне останца.¹¹ В 2017 г. в результате осмотра восточного склона останца найдены фрагменты лепной (сетчатой, штрихованной и гладкостенной) и гончарной керамики, сползшие с края площадки в результате размывания и осыпания культурного слоя.

В связи со значительным хронологическим разрывом в функционировании памятников (Вознесенское, селище,

¹¹ См.: Сатурин А.А. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. // Архив КГИ-АХМЗ, 2016.

*Рис. 2. Село Унжа, 2017 г.
Наиболее выразительные фрагменты
керамики из сборов на городище Унжа-2: №№1-3 -
древнерусские венчики XII-XIV вв.; 4-9 - фрагменты
сетчатой и штрихованной
керамики раннего железного века.*

XVI-н. XX в.; Унжа, городище 2, I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., XII-XIV вв.) и территориальной обособленностью городища оно было выделено в качестве отдельного объекта археологического наследия.

В восточной части верхней площадки останца зафиксированы возможные

остатки вала и сильно заплывшего рва, вероятно, окружавших городище с западной и юго-западной напольных сторон. Вал (?) в виде курганообразного всхолмления с запада примыкает к небольшой наклонной площадке площадью около 65 кв. м., возле которой на спуске найден весь подъемный материал. В западной части останца, имеющей бугристую поверхность, зафиксированы валун и редкие скопления камней; в этой части площадки дневная поверхность плавно понижается в западном направлении к краю пологого склона, образованного в результате земляных работ советского периода; у подножия останца зафиксированы металлические тросы, оставшиеся после строительства спуска р. Унже.

Подъемный материал, собранный на городище – лепная гладкостенная, сетчатая и штрихованная керамика, также представлена посуда древнерусского времени (рис. 2). Основной массив лепной керамики имеет множество аналогий на памятниках раннего железного века Волго-Окского междуречья и бассейна Верхней Волги¹².

Штрихованная керамика широко распространена на ранних дьяковских городищах, встречается совместно с гладкостенной и сетчатой¹³. Посуда со штрихованной поверхностью характерна для I (нижнего) слоя Щербинского городища, датированного временем от VIII-VII по IV в. до н.э., нижний горизонт II (верхнего) слоя городища IV в. до н.э.-III в. н.э. соответствует последнему периоду употре-

бления, как сетчатой, так и штрихованной посуды¹⁴. На схожую тенденцию увеличения количества штрихованной керамики сверху-вниз указывает И.В. Исланова для городища Отмичи¹⁵. Фрагменты посуды со штрихованной поверхностью и неглубокими бороздчатыми расчесами известны в материалах среднего горизонта (IV-I вв. до н.э.) культурного слоя Одоевского городища (Костромская область)¹⁶.

Сетчатая посуда широко распространена на памятниках позднего бронзового и раннего железного века с середины II тыс. до н.э. до III-IV вв. н.э.¹⁷ На собранных фрагментах керамики фиксируется несколько различных видов отпечатков.

Венчики лепной посуды (рис. 2, 4-5), представленные в материалах сборов, относятся к горшкам с открытым горлом и плавным переходом в тулово, на одном из венчиков прослежены ниточные отпечатки, на Москворецких поселениях первой половины I тыс. н. э. это один из массовых видов орнаментации¹⁸.

Древнерусская посуда представлена грубой красноглиняной и белоглиняной гончарной керамикой и тремя венчиками XII-XIV вв. (рис. 2, 1-3):

Почти прямой, отогнутый наружу венчик с короткой слабо выраженной шейкой, наклоненной внутрь сосуда (рис. 2, 1). Подобные венчики были широко распространены в древнерусских городах (УТВ-1 по В.Ю. Ковалю¹⁹), близкие аналогии, да-

12 См.: Исланова И.В. Городище Отмичи / Отв. ред. Н.А. Кренке. М., 2008; Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. М., 2011; Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.

13 Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 165.

14 Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 100, 170.

15 Исланова И.В. Городище Отмичи / Отв. ред. Н.А. Кренке. М., 2008. С. 30, 37.

16 Археологическая карта России. Костромская область. М., 1999. С. 289.

17 Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 152.

18 Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 148.

19 Коваль В.Ю. Первичная статистическая фик-

тированные X-XIII вв., известны в материалах раскопок Новгорода Великого (тип IV по Г.П. Смирновой²⁰) и Владимира-на-Клязьме (тип I по Е.В. Майоровой²¹); аналогичные венчики были найдены во время раскопок 2015-2016 гг. посада г. Унжи в объектах, датированных XII-XIII вв.²²

Близкий по форме отогнутый наружу прямой венчик с заглаженным краем (рис. 2, 2) датируется XII-XIII вв. (УТВ-1 по В.Ю. Ковалю, тип I по Е.В. Майоровой)²³; анало-

сация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X-XVII вв.) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 10. М., 2014. С. 533, Рис. 47, С. 552.

20 Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР, №55 / Труды новгородской археологической экспедиции. Т. I. М., 1956. С. 229, 231, 234, Рис. 1, 2.

21 Майорова Е.В. Опыт статистической обработки керамики из раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.-СПб., 2011. С. 144-145, Рис. 1

22 Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV-XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016. С. 21, 152, Табл. 1, Рис. 133; Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV-XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016. С. 28, 176, Табл. 1, Рис. 151.

23 Коваль В.Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X-XVII вв.) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 10. М., 2014. С. 533, Рис. 47, С. 552; Майорова Е.В. Опыт статистической обработки керамики из раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008г. // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.-СПб., 2011. С. 144-145, Рис. 1; Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР, №55 / Труды новгородской археологической экспедиции. Т. I. М., 1956.

гичный венчик происходит из материалов раскопок посада г. Унжи 2016 г. (из объекта №3, датированного XIII в.)²⁴.

Венчик в виде низкой конической воронки с шейкой и устьем, немного отогнутым наружу (рис. 1, 3). Близкие аналогии широко представлены в древнерусских материалах XI – начала XIII вв.²⁵, известны похожие венчики XI-XIV вв. в материалах Новгорода (тип III Г по Г.П. Смирновой)²⁶ и Ростова Великого (группа III по Е.К. Кадиевой)²⁷; аналогичный венчик был найден при разборке грунта объекта №1 раскопа 1 на посаде г. Унжи, коллекция предметов из объекта №1 датируется XII – нач. XIV в.²⁸

В целом подъемный материал городища Унжа 2 датирован нами I тыс. до н.э. - I тыс. н.э., XII-XIV вв.

Вторым выявленным в 2017 г. объектом стал курганный могильник Унжа, расположенный на южной окраине села,

24 Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV-XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016. С. 28, 176, Табл. 1, Рис. 151.

25 Коваль В.Ю. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X-XVII вв.) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Выпуск 10. М., 2014. С. 552.

26 Смирнова Г.П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР, №55 / Труды новгородской археологической экспедиции. Т. I. М., 1956. С. 229, 230, 234, Рис. 1, 2.

27 Кадиева Е.К. Поздняя древнерусская круговая керамика Ростова Великого (по материалам раскопа Конюшенного двора 2002-2003 гг.) // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2003 г. - Ростов, 2004.

28 Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV-XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016. С. 21, 149, Табл. 1, Рис. 130.

в 200 м. от церкви Вознесения Господня (1777). Памятник расположен на полого понижающейся в сторону двух обводненных оврагов площадке. Площадь, занятая могильником составляет около 1 гектара. На момент обследования зафиксированы остатки 9 насыпей. Площадка много лет распаивалась, лучше сохранились курганы по ее краям. Вероятно, выявленный могильник связан с древнерусским городом Унжа, посад которого расположен поблизости. При исследованиях посада в 2014-2017 гг. получены, преимущественно, материалы XII-XIV вв.²⁹

Высота курганов от 0,2 до 0,8 м, диаметр достигает 7 м, что связано с воздействием многолетней распашки.

Следов раскопок на могильнике не зафиксировано, межкурганное пространство и поверхность насыпей задернованы.

Заслуживает внимания тот факт, что местное название территории, где расположено описанное выше городище Унжа 2 - «Курган». Относится ли это только к возвышению, где располагалось укрепленное поселение, или же фиксирует память о находившемся в этой местности курганном могильнике, неизвестно. Для получения дополнительных сведений о городище Унжа 2 и курганном могильнике представляется необходимым проведение археологических раскопок.

29 Щербаков В.Л. Отчет об археологической разведке на территории села Унжа в Макарьевском районе Костромской области в 2014 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016; Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV-XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2015 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016; Щербаков В.Л. Отчет об археологических раскопках селища Унжа 1 XI, XIV-XVII вв. в Макарьевском районе Костромской области в 2016 г. // Архив КГИАХМЗ, 2016.

РЫБОЛОВСТВО В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ВЕТЛУГЕ ПО МАТЕРИАЛАМ СЕЛИЩА ДМИТРИЕВСКОЕ 2

Четвертаков Е.В.

Дальнеконстантиновский районный краеведческий музей,
Нижний Новгород-Дальнее Константиново

Река Ветлуга традиционно характеризуется как один из крупнейших центров рыболовного промысла, однако история его сложения, специфика, роль рыболовства в местной экономике – все эти вопросы пока не привлекали к себе внимания исследователей. Настоящая работа

– селища XIV-XV вв. Дмитриевское 2 на Безглядовском озере.

Селище Дмитриевское 2 впервые было обнаружено и обследовано в 2016 году археологической экспедицией под руководством Е.В. Четвертакова¹. Памятник расположен на площадке первой надпойменной, левобережной террасы реки Ветлуги, сложенной из аллювиальных отложений в виде песка. Участок, который занимает памятник, представляет собой стрелку или вернее конус из выносных песчаных грунтов в устьевой части безымянной протоки, впадающей в Безглядовское озеро, являющееся бывшей старицей реки Ветлуги (рис. 1). Площадка памятника находится на высоте около 4-5 м над урезом воды Безглядовского озера (около 76-77 м абс. выс. по Балтийской системе). Памятник вытянут вдоль берегового откоса Без-

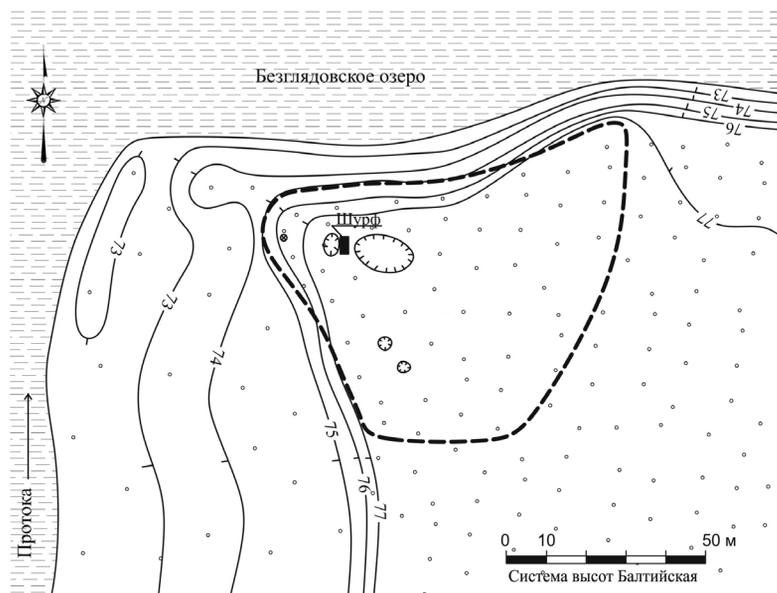

Рис. 1. Селище Безглядовское 2. План.

посвящена характеристике рыболовного промысла на Ветлуге в эпоху Средневековья на примере материалов, полученных в ходе обследования памятника археоло-

¹ Четвертаков Е.В. Отчет об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 году // Архив ИА РАН. Л. 27-31.

глядовского озера на расстояние около 90 м, а вдоль берегового откоса безымянной протоки на 60 м. Площадь памятника, определенная в ходе исследовательских работ, около 5000 кв.м.

На поверхности площадки селища Дмитриевское 2 при визуальном осмотре были выявлены ямы, образовавшиеся на месте некогда стоявших здесь жилых и хозяйственных построек. Самая крупная из выявленных ям имеет 15 м в длину и 9 м в ширину. Кроме того, на территории селища выявлен ряд меньших по своим размерам ям, диаметр которых варьируется от 2 до 5 м. В одном из двух шурфов были выявлены следы деревянной конструкции постройки в виде заглубленной в материковой песок канавки. Ширина канавки составила 40 см, ее максимальная глубина в материковом песке достигала 45 см.

Обнаруженную канавку можно интерпретировать в качестве остатков истлевшей конструкции деревянного сруба, углубленного в материк.

Культурные напластования на селище Дмитриевское 2 достигали 42 см и состояли из двух слоев: верхнего – слой темной коричневой супеси (мощностью до 20 см) – и нижнего – слой светлой коричневой пестрой супеси (мощностью до 22 см). Напластования были насыщены осколками камня. Имелись включения угля и пачины. Материк – светлый рыжеватый песок. В культурном слое поселения были обнаружены фрагменты исключительно русской гончарной «сероглянной грубой» керамики, бытовавшей в Нижнем Новгороде и его округе во

второй половине XIII – первой половине XV в.

Основу коллекции индивидуальных находок с селища Дмитриевское 2 составляют рыболовные крючки, обнаруженные в количестве 13 экземпляров (еще 10 экземпляров дошли до нас фрагментарно или с утерями).

Все найденные рыболовные крючки – железные, изготовленные из обычного кричного железа, по своему устройству не отличаются разнообразием. Большинство из них довольно грубо отковано из четырехгранного стержня или из стержня круглого сечения. Бородка большинства, кроме двух плохо сохранившихся экземпляров, завершена хорошо выраженным противошипом. Для более надежного прикрепления к лесе концы цевья не были раскованы в «лопаточку» (за исключением

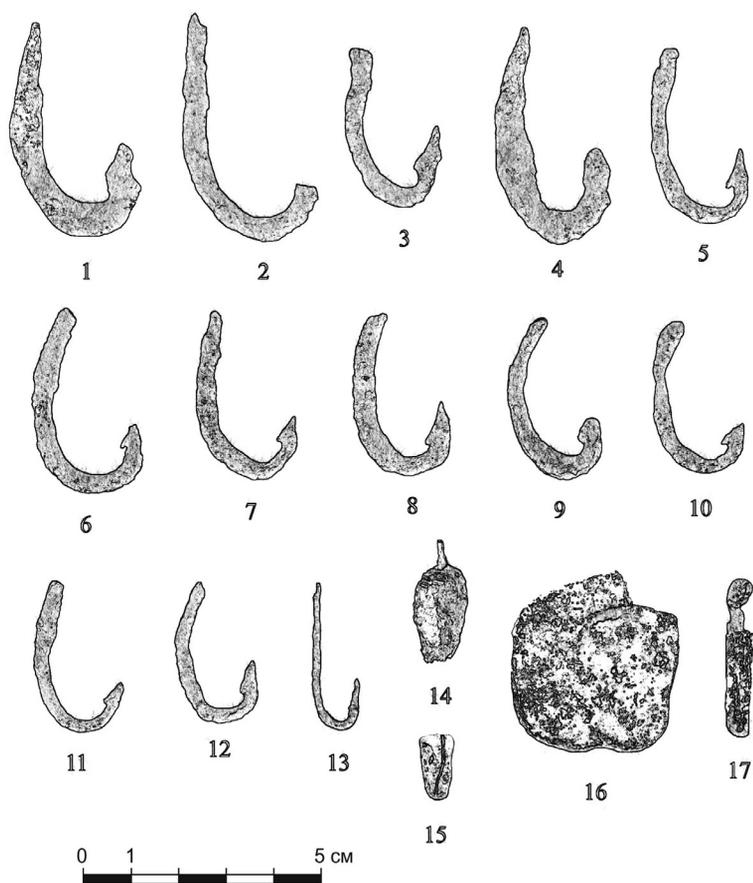

Рис. 2. Селище Безглядовское 2. Крючные снасти.

одного экземпляра) или в петлю. У некоторых экземпляров цевье было заострено или грубо уплощено.

Большинство крючков (двенадцать экземпляров из тринадцати) имеют длину в диапазоне от 3 до 5 см, а радиус изгиба крючка – от 1,7 до 2,8 см (рис. 2, 1-12). Соотношение общей длины данных изделий к изгибу крючка составляет 1,63-1,89:1. По промысловому назначению данные изделия являются насадными крючками для жерлиц, донок, закидушек, поставуш, подпусков и других сходных по конструкции снастей.

Большинством из указанных крючков снаряжались жерлицы, переметы, продолтники и подпуска, рассчитанные на десятки и сотни рыболовных крючков. В некоторых случаях они опускались в воду без всякой наживки, но рыба, плывущая по дну водоема, сама цеплялась за остро заточенные крючки². Лишь единственный экземпляр из обнаруженных был сделан из довольно тонкого железного дрота. Для более надежного прикрепления к лесе конец цевья был раскован в «лопаточку». Изделие имело размер 3 см и небольшой радиус изгиба крючка – 1 см.

Таблица №1 Селище Безглядовское 2. Рыболовные крючки.

№	Место нахождения	Сечение стержня	Бородка (жало)	Цевье	Размер крючка	Д изгиб	Размер: Д
1	Шурф 2, канавка 1	Квадратное, грубо выкованное	противошип	заострено	44 мм	25 мм	1,76:1
2	Шурф 1, слой 1	Квадратное, грубо выкованное	-	-	47 мм	28 мм	1,68:1
3	Шурф 2, слой 1	Круглое, грубо выкованное	противошип	-	33 мм	19 см	1,74:1
4	Шурф 2, слой 2	Квадратное, грубо выкованное	-	заострено	45 мм	24 мм	1,87:1
5	Подъемный материал	Круглое, грубо выкованное	противошип	-	36 мм	19 мм	1,89:1
6	Подъемный материал	Квадратное, грубо выкованное	противошип	-	38 мм	23 мм	1,65:1
7	Подъемный материал	Квадратное, грубо выкованное	противошип	уплощено	35 мм	21 мм	1,67:1
8	Подъемный материал	Квадратное, грубо выкованное	противошип	-	33 мм	20 мм	1,65:1
9	Подъемный материал	Квадратное	противошип	-	33 мм	19 мм	1,74:1
10	Подъемный материал	Круглое, грубо выкованное	противошип	уплощено	31 мм	19 мм	1,63:1
11	Подъемный материал	Круглое	противошип	-	31 мм	18 мм	1,72:1
12	Подъемный материал	Круглое	противошип	-	29 мм	17 мм	1,70:1
13	Подъемный материал	Круглое, тонкое	заостренное	лопатка	30 мм	10 мм	3:1

² Куза А.В. Рыбный промысел в Древней Руси. М.; СПб., 2016. С. 69.

Таким образом, соотношение общей длины изделия к изгибу крючка составляло 3:1 (рис. 2, 13). Данный экземпляр использовался для ловли на удочку. В качестве грузил при таком способе лова употреблялись, надо полагать, кусочки свинца. На территории селища Дмитриевское 2 обнаружены свидетельства этого: фрагмент рыболовного крючка со свинцовым грузиком на нем (рис. 2, 14), кусочек свинца, свернутый в трубочку (рис. 2, 15), а также свинцовые заготовки под грузила (рис. 2, 16-17).

Некоторые находки, обнаруженные на территории селища Дмитриевское 2, могут быть свидетельством о нахождении здесь комплексов, связанных не только с рыболовством, но и с выплавкой кричного железа, а также кузнечным ремеслом. Так был обнаружен кусок железосодержащего шлака, размером 7x5 см, форма которого указывала на то, что он образовался при отделении в сыродутной печи пустой породы от железа, стекании первой в низ печи и попадания ее в шлакоотводы³. На территории селища найдены также предметы, относящиеся к инструментарию кузнеца: железная наковаленка, возможно, предназначенная для изготовления именно крючков, а также небольшое зубило для холодной рубки. Среди других изделий из железа на селище были найдены ножи, различные инструменты, наконечник стрелы, скобы, игла, а также фрагмент ключа.

Особое место в коллекции занимает находка бронзовой книжной застёжки в виде гвоздика-мечика. Средневековая книжная застёжка состояла из двух частей: одна из них – это обнаруженный бронзовый гвоздик по своей форме напоминающий мечик. Он забивался в торец

доски оклада. Мечик-гвоздик, оставаясь в теле оклада мог еще долгое время оставаться в комплекте с книгой и попадал в землю лишь при гибели книги, будь это простая потеря книги, гибель в огне, гибель под воздействием времени. Находка подобной книжной застёжки может говорить о связи обнаруженного поселения с монастырской средой. Дело в том, что довольно много промысловых акваторий во второй половине XIV-XV вв. перешли во владение к нижегородским и московским монастырям. Утверждение о том, что в конце XV в. большая часть рыбных ловищ на территории бывшего нижегородского удела входила именно в монастырские вотчины, вряд ли является большой натяжкой.

На Ветлуге могли происходить похожие процессы, которые, правда, надежно зафиксированы для более позднего времени, нежели период существования обнаруженного селища. Известно, что в 1530 г. жалованной грамотой Василия III Варнавинский монастырь получает во владение близлежащие починки со всеми угодьями и рыбными ловлями. Иван IV в 1551 году жалует данному монастырю большие земельные владения, фактически всю территорию Поветлужья. Наконец в 1587-1588 гг. царь Фёдор Иванович жалует суздальского архиепископа грамотой на рыбные ловли на реке Волге до устья реки Ветлуги, по Ветлуге вверх до реки Усты и далее по Волосову заводь⁴.

Изложенные выше материалы подводят к выводу о существовании специализированного рыболовного промысла на Ветлуге, по крайней мере, уже во второй половине XIV в. Очевидно, данный промысел занимал одну из ключевых позиций в структуре местной экономики.

3 Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. №32. С. 25-26.

4 См.: Балдин М. А. Варнавинская старина. Очерки истории Поветлужья. Варнавин-Н.Новгород, 1993.

О НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДКАХ ПРЕДМЕТОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ВЕТЛУГИ И ВОЛГИ

Шалахов Е. Г.

*Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева», пос. Юрино, Марий Эл*

В настоящем докладе рассматриваются находки предметов средневекового вооружения (середина II тыс. н.э.), происходящие с территории Юринского Приветлужья (Юринский муниципальный район Республики Марий Эл).

Случайные находки предметов средневекового вооружения, сделанные местными жителями, вызвали наш интерес к ним ещё в конце прошлого столетия, когда в ходе подготовки сборника документальных очерков «История сёл и деревень Республики Марий Эл. Юринский район» собирались сведения о дате возникновения населенных пунктов указанного района. Например, в конце 1990-х гг. нами был зафиксирован факт находки на правом берегу р. Ветлуга железного бердыша¹. Предмет найден рыбаками между бывшими деревнями Липовка и Бардицы, прекратившими существование в связи со строительством Чебоксарской ГЭС. К сожалению, предмет оказался недоступен для детального изучения.

К числу утраченных находок относится и железный наконечник копья, поднятый

1 Информатор А. В. Московкин, житель пгт. Юрино Юринского района Республики Марий Эл.

местными жителями в районе бывшей деревни Бардицы. Средневековое изделие, по словам одного из очевидцев, имело хорошую сохранность².

Попытки выяснить характер указанного местонахождения предпринимались нами в 2004–2005 гг., но успехом они не увенчались. Отмечу лишь, что у юго-восточного конца бывшей деревни Бардицы выявлена разрушенная береговыми оползнями кузница с многочисленными находками подков, мостовых гвоздей, ножей, серпов и т.д. Судя по внешнему облику вещей, почти все они могут быть отнесены к концу XIX– началу XX вв.

На территории Юринского Приветлужья открыт ряд позднесредневековых селищ, на которых встречена в основном местная и болгарская керамика, изделий из металла крайне мало.

Любопытная находка сделана нами летом 2000 г. в ходе разведочных работ на месте стоянок эпохи камня и бронзы «Красный Выселок» на левом берегу Чебоксарского водохранилища в черте со-

2 Информатор Е. Жегалов, житель пгт. Юрино Юринского района Республики Марий Эл. Сведения о факте находки предмета вооружения записаны нами 13.11.2003 г.

временного городского поселения Юрино (райцентр Юринского муниципального района)³. На размытом берегу под невысокой дюной, южный склон которой размывается Чебоксарским водохранилищем, поднят коррозированный железный черешковый наконечник стрелы с вытянуто-листовидным пером (рис. 1). Очевидно, находку можно отнести к золотоордынскому времени.

Наше предположение о дате находки (XIII–XV вв.) подтверждают тип и морфология изделия. Ближайшие аналогии нашей находке на дюне «Красный Выселок» имеются в материалах с болгарского поселения «Чакма», изученного в Республике Татарстан⁴. Правда, К. А. Руденко считает, что наконечник мог бытовать и позднее⁵.

Других остатков материальной культуры эпохи позднего средневековья на дюне «Красный Выселок» не выявлено. Трудно связать находку средневекового наконечника стрелы с какими-либо археологическими объектами – культурный слой переотложен из-за хозяйственных и жилых построек XIX–XX вв.

В ноябре 2003 г. сотрудник Юринского РОВД Дмитрий Теплов сообщил нам, что летом 2002 г. в районе бывшей деревни Мелковка им был обнаружен «железный прокованный наконечник копья». Находка встречена вместе с плотницким топором-теслом для выдалбливания пазов. Приме-

Рис. 1. Железный черешковый наконечник стрелы с селища (?) «Красный Выселок». Середина II тыс. н.э. Подъемный материал 2000 г.

Рис. 2. Железный втульчатый наконечник копья из урочища «Липовка». Середина II тыс. н.э. Случайная находка 2002 г.

чательно, что оба предмета находились на размытом берегу Ветлуги «возле старого колодца». Информатор взял наконечник копья себе. В конце ноября 2004 г. Д. Теплов передал предмет в наше распоряжение, уточнив при этом район находки – бывшая деревня Липовка.

Длина железного наконечника копья – 34 см, длина пера – 22 см, ширина пера – 4,3 см, диаметр втулки – 3 см (рис. 2).

В. В. Никитин относит наконечник (рогатицу) к середине II тыс. н.э.⁶

3 Никитин В.В. Отчёт о разведочных работах Неолитического отряда Марийской археологической экспедиции летом 2001 года в Юринском районе Республики Марий Эл. Научно-рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. Опись I. Дело № 1059.

4 Старостин П. Н., Казаков Е. П. Болгарское поселение в урочище «Чакма» // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 140.

5 Мы искренне благодарим нашего казанского коллегу К. А. Руденко за консультационную помощь в атрибуции находки 2000 г.

6 Никитин В.В. Отчёт о разведках в Республике Марий Эл в 2004 г. Научно-рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института им. В.М. Васильева. Опись I. Дело № 1086; Никитин В. В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009. С. 314.

Привязка предмета к открытым ранее археологическим памятникам затруднительна.

Опубликованные коллегами из Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева данные свидетельствуют, что на месте старого перевоза бывшей деревни Липовка А. И. Шадриним в 1986г.

была собрана коллекция лепной неорнаментированной керамики с примесью песка и шамота⁷. Посуда Липовского местонахождения предварительно отнесена к I тыс. н.э.⁸, поэтому наконечник копья логичнее связать с материальной культурой русского населения Нижнего Приветлужья.

7 Архипов Г. А., Никитина Т. Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. Ранний железный век и средневековье. Йошкар-Ола, 1993. С. 37.

8 Там же.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГОСТИНОГО ДВОРА (КРАСНЫХ РЯДОВ) В Г. КОСТРОМЕ 2013-2016 ГГ.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Горохова А.В., Лазарев А.С., Бушуев И.А.

Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие»,
г. Кострома

В 2013-2016 гг. археологической экспедицией Областного государственного бюджетного учреждения «Наследие» под руководством А.В. Гороховой были проведены полномасштабные научные археологические исследования на территории городского торгового двора в пределах историче-

ских границ «Нового города» второго (II) Костромского кремля (рис. 1).

В 1413 г. первый (I) Костромской кремль, располагавшийся на пересечении современных улиц Островского и Пятницкой, был полностью уничтожен пожаром¹. Новая крепость была перенесена к

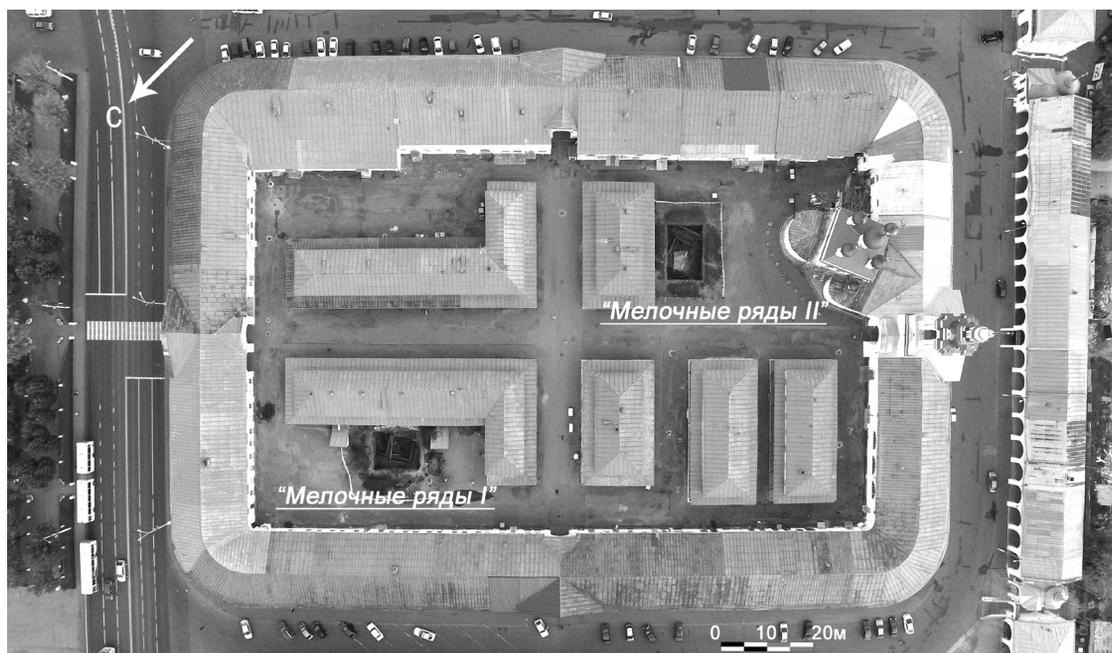

Рис. 1. Раскопы «Мелочные ряды I» и «Мелочные ряды II» на территории Красных рядов в г. Костроме. Аэрофотосъемка 2015 г.

¹ Археология Костромского края. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию историко-культурного наследия Костромской области, 1997. С. 208.

юго-востоку и расположилась на более удобной в оборонительном и градостроительном отношении возвышенности, что было вполне типичной чертой для многих средневековых русских городов². II Костромской кремль впервые упоминается в летописях под 1416 г.: «Того же лета [6924 г. – прим. авт.] град Кострома заложен бысть»³. Он имел форму четырехугольника – с трех сторон был окружен земляным валом и рвом, а четвертой стороной был берег р. Волги. На валу стояла крепостная стена с 3 воротами и 14 четырехгранными башнями, окружавшая город с четырех сторон. Территория второго кремля исторически делилась на 2 части: «Старый город» (XV-XVI вв.) и пристроенный к нему в 1619 г. «Новый город», их разделяли «Большие Спасские ворота»⁴. Укрепления «Нового города» примыкали к детинцу с северо-западной стороны. Согласно материалам «Писцовой книги» (1627-30 гг.), являющейся важнейшим письменным источником по истории дорегулярной застройки Костромы, «Новый город» был поставлен силами «посадцких людей», став территориальным образованием, которое помимо жилых дворов включало в себя городской торг с сопутствующими постройками⁵.

Ставший общегородским рынком и важнейшим общественным местом, «Новый город» активно развивался и застраивался в течение следующих полутора

веков, однако он практически полностью сгорел в ходе пожара 1773 г., уничтожившего всю деревянную застройку Костромы. Хронологически общегородская трагедия совпала с тенденцией центральной власти унифицировать застройку российских городов.

В 1775 г. был составлен проект регулярной перепланировки города, окончательно утвержденный в 1781 г. Застройку центральной части предполагалось провести по утвержденным «образцам». Городской центр пополнился административными и торговыми постройками, в том числе и корпусами каменных торговых рядов. Первым в ансамбле будущих рядов стал Гостиный двор (Красные ряды), решение о возведении которого было принято в 1787 г. Строительством, которое было начато в 1791 г., руководил Степан Андреевич Воротилов вместе с сыном Ефремом и братьями Иваном и Петром. После смерти С.А. Воротилова в ноябре 1792 г. его братья и сын прекратили работу, строительство было закончено только в 1796 г. На окончательном этапе работами руководил Иван Гове – уездный землемер. В 1820-х гг. к дворовой галерее Гостиного двора сделаны пристройки Рукавичного и Холщового рядов. В 1830-1832 гг. возводятся четыре каменных корпуса Мелочных рядов (автор проекта – губернский архитектор Петр Иванович Фурсов). Еще два корпуса в северо-западной части рядов были возведены в 1874-1875 гг.⁶

Данные только письменных источников не позволяют нам реконструировать схему расположения построек на территории городского торгового центра в XVII – кон. XVIII в., что делает археологические изыскания единственным возможным путем для ча-

2 Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008. С. 63-64.

3 Полное собрание русских летописей. Т.8. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., С. 88.

4 Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. I. г. Кострома. Ч.1. / Под общ. ред. В.Б. Корозина. Кострома, 1996. С. 5.

5 Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629-30 гг. / Археограф. подгот. Л.А. Ковалевой; Сост.: Л.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева. Кострома: ООО «КОСТРОМАИЗДАТ-850», 2004. 432 с.

6 История строительства Гостиного двора более подробно рассмотрена в соответствующей статье И.А. Бушуева, представленной в данном сборнике.

стичной реконструкции облика старой, деревянной Костромы XV-XVIII вв.

Первый раскоп («Мелочные ряды I») был заложен в 2013 г. за корпусом «Е» Мелочных рядов. Работы на нем были завершены в 2015 г. Площадь раскопа составила 80 м². В ходе полевых сезонов 2013-2015 гг. на раскопе были открыты и исследованы остатки 7 различных сооружений, из которых четыре позволили реконструировать этапы застройки данной части костромского торгового двора в XVII-XVIII вв.⁷ (рис. 2).

Так, выявленная нежилая деревянная постройка размерами ок. 6,5 x 6 м (в полевой и отчетной документации обозначена как Сруб №1), рубленая «в чашу» и разделенная внутренними стенами на 6 ячеек датируется перв. пол. XVIII в., ее функционирование связано с историей города до вышеуказанного пожара 1773 г (рис. 3).

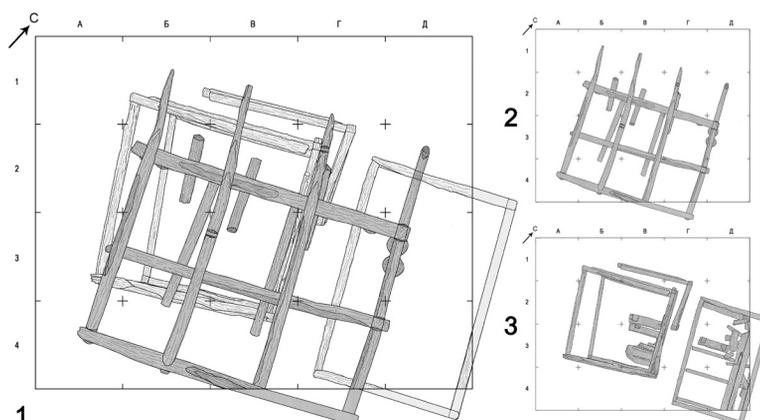

Рис. 2. Раскоп I. Схема соотношения Срубов №1, №3, №4 и Конструкции №3 (1). 2 – Сруб №1; 3 – Срубы №3 и №4.

Рис. 3. Раскоп I. Зачистка после 7 пласта, вид с запада. 1 – Сруб №1; 2 – Конструкция №2; 3 – Мостовая №1; 4 – Сруб №2.

7 Более подробно: Горохова А.В., Лазарев А.С., Бушуев И.А. Предварительные итоги археологических исследований 2013-2015 гг. на территории Красных рядов в г. Костроме (по материалам раскопа «Мелочные ряды I») // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 13. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 227-242; Те же. Деревянные постройки «Нового города» второго Костромского кремля по материалам археологических раскопок 2013-2015 гг. (Раскоп «Мелочные ряды I») // Деревянное зодчество: новые материалы и открытия: [сборник научных статей] / НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства. Москва; Санкт-Петербург: Коло, 2016. Вып. 5. С. 9-22.

При возведении нижних венцов сруба использовались подкладные бревна, что в целом типично для древнерусских построек и подтверждается археологическими раскопками на территории Новгорода⁸. Наличие выносов под помост (предмостье) и большое количество горелого зерна в заполнении позволяют интерпретировать постройку как зерно-

8 Древняя Русь. Город, замок, село / Серия: Археология СССР. Под общ. ред. Б.А. Рыбакова. Отв. ред. тома Б.А. Колчин. М., 1985. С. 148, табл. 51.

вой амбар или торговую лавку. Его перекрывают остатки столбовой конструкции из 10 сосновых бревен разного диаметра, вертикально вкопанных с промежутками от 1,4 до 2,4 м (Конструкция №2).

Рис. 4. Раскоп I. Общий вид на уровне материка, вид с севера.
1 – Сруб №3; 2 – Сруб №4; 3 – Конструкция №3; 4 – Яма №6.

Два сруба выявлены ниже уровня материка (посл. четв. XVII вв.), что позволяет интерпретировать их как погребя (Срубы №3 и Сруб №4) (рис. 4). Размеры срубов – ок. 5,4 x 3,2 м и ок. 4,4 x 4,4 м. В пользу данной версии свидетельствует обнаружение на дне котлованов каждого из срубов лестничных упоров, лежащих на материке. Оба сруба рублены «в лапу» и несут на себе следы плотницкой маркировки. Заполнение погребов и котлованов представлено перемешанным слоем с включениями щепы, угля, песка, кирпичной крошки. На глубине ок. 2 м залегал слой с обильным содержанием костей домашних животных перекрывавший срубы-погребя и составлявший значительную часть их заполнения⁹.

⁹ Подробный анализ остеологической коллекции приводится в тематической статье А.С. Лазарева, представленной в данном сборнике.

Ориентация выявленных построек по сторонам света характеризует планировочную структуру г. Костромы до введения регулярного плана застройки в кон. XVIII в.

Из ям, выявленных на зачистке материка, размерами и заполнением выделяется яма, уходящая в юго-восточную стенку раскопа и фиксирующаяся на глубине от 2,6 до 4,6 м (Яма №6) (рис. 4). По периметру ямы зафиксированы остатки горелой столбовой конструкции. Размеры видимой в раскопе части ямы – 3,8 x 1,6 м. Заполнение ямы представлено рыжим суглинком с включениями желтого песка

и угля. По краям ямы встречаются зоны спекшегося от воздействия высокой температуры песка (прокалы). В заполнении ямы выявлены фрагменты сероглиняной керамики с примесью дресвы в тесте, в т.ч. ошлакованной, по аналогиями с материалами других раскопок на территории г. Костромы датированной XIV-XV вв. Также в яме была обнаружена анонимная денга удельного Серпуховского княжества периода правления князя Семена Владимировича (второе десятилетие XV в.), являющаяся самой ранней находкой в нумизматической коллекции, полученной в ходе работ на территории Красных рядов¹⁰.

¹⁰ Более подробно: Лазарев А.С., Волков И.В. Нумизматические материалы из раскопок 2013-2015 годов на территории Красных рядов в Костроме (раскоп «Мелочные ряды I») // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 13. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 243-255.

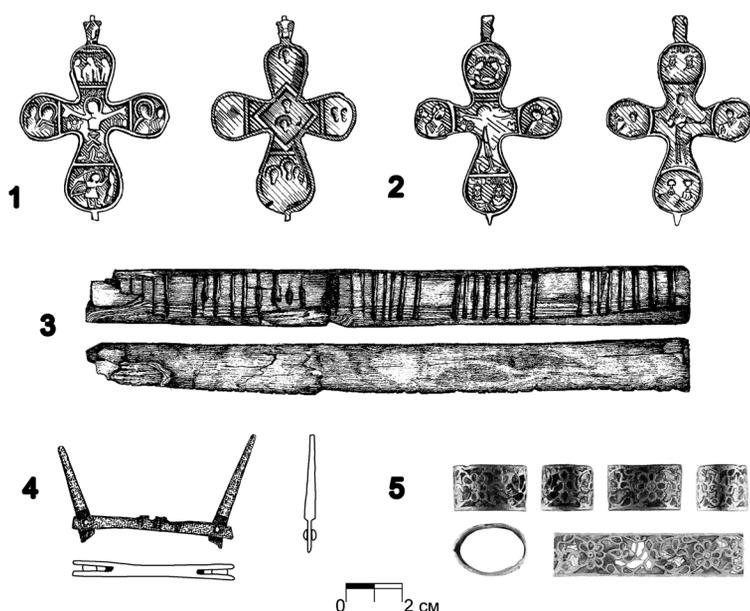

Рис. 5¹¹. Раскоп I. Индивидуальные находки.

1, 2 – наперсные кресты; 3 – счётная бирка;

4 – складное коромысло весов;

5 – обоймица рукояти ножа.

1, 2, 4, 5 – цветной металл; 3 – дерево.

Материальная культура представлена коллекцией индивидуальных находок в кол-ве 445 ед., датирующейся XV-XIX вв., в том числе, довольно обширной нумизматической коллекцией – монетами и проволочными монетами («чешуйками») XV-XIX вв., а также массовым материалом, представленным венчиками, стенками и днищами серо- и красноглиняных, серо- и чернолощенных глиняных сосудов, а также фрагментами гончарных сопел, изделиями из стекла и черного металла (XVI-XVIII вв.) (рис. 5-6). Среди наиболее интересных находок – целые формы кожаной обуви, берестяные тарелки, наперсные кресты (XVI в.), нательные кресты, литая

бронзовая обоймица рукояти ножа с цветным растительным орнаментом, выполненным в технике перегородчатой эмали. Особую категорию находок представляют предметы непосредственно связанные с торговлей: деревянные счётные бирки (2 экз.), металлическое складное коромысло ювелирных (аптекарских?) весов, весовые гири (3 экз.). Единственной в своём роде стала находка шведской медной монеты королевы Кристины (1632-1654 гг.) из династии Ваза (Васа) номиналом 1 эре, отчеканенной в 1651 г. (рис. 6).

Наличие в заполнении срубов-погребов находок, датирующихся периодом XVI-XVIII вв., свидетельствует о том, что ямы срубов представляли проблему для жителей и активно засыпались как бытовым мусором (фрагменты обуви, деревянные изделия, испорченная посуда и т.п.), так и, вероятно, культурным слоем с других участков торгового района. В качестве засыпки использовались, в том числе и отходы производства – шлаки и обломки сопел.

Археологические исследования на раскопе «Мелочные ряды I» в 2013-2015 г. позволили проследить 4 этапа застройки городского торгового района в период XV-XIX в. *Первый этап* характеризуется ямами на материке (в том числе, ямой с остатками горелой столбовой конструкции), утратившими функциональное назначение к моменту строительства срубов-погребов. Материалы, найденные в ямах, не позволяют точно датировать их заполнение (XV-XVI вв.). Ко *второму этапу* относятся срубы-погребов, заглубленные в материк и датированные XVI-XVII вв. *Третий этап*

11 Прорисовки находок выполнены О.Н. Сизовой, нумизматических материалов – А.С. Лазаревым.

связан с периодом функционирования сруба-амбара в начале XVIII в. К четвертому этапу относится столбовая конструкция (вторая половина XVIII в.). Предположительно, последние 2 этапа связаны с пожаром 1773 г. и его последствиями, на что указывают обуглившиеся бревна сруба-амбара и наличие горелого зерна в его заполнении.

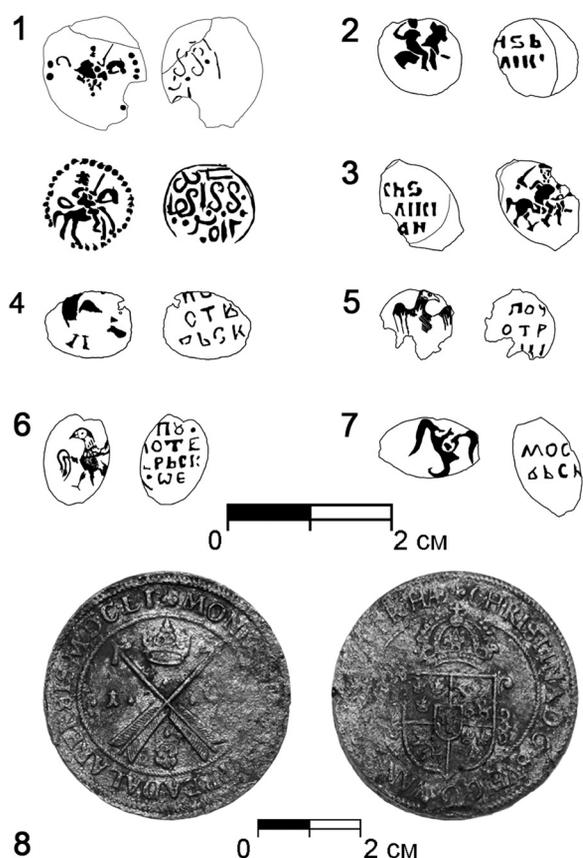

Рис. 6. Нумизматические материалы. 1 – денга Семена Владимировича Серпуховского (прорисовка и графическая реконструкция штемпелей), 1410-е гг.; 2-3 – денги Ивана IV: 2 – 1535-1540 гг.; 3 – 1540-1547 гг.; 4-7 – медные пула времени правления Ивана IV: 4 – Тверь, 1530-е – 1540-е гг.; 5, 6 – Тверь, 1540-е – 1560-е гг.; 7 – Москва, 1540-е – 1560-е гг.; 8 – шведская монета 1 эре королевы Кристины (Авеста, 1651 г.). 1, 2, 4-8 – Раскоп I; 3 – Раскоп II. 1-3 – серебро, 4-8 – медь.

Датировки срубов, выявленных на Раскопе I, основаны не только на результатах стратиграфических наблюдений и интерпретации вещевой коллекции, но и на предварительных материалах дендрохронологической экспертизы спилов с сохранившихся венцов построек¹². Исследования спилов, отобранных на Раскопе II, ведутся в настоящее время.

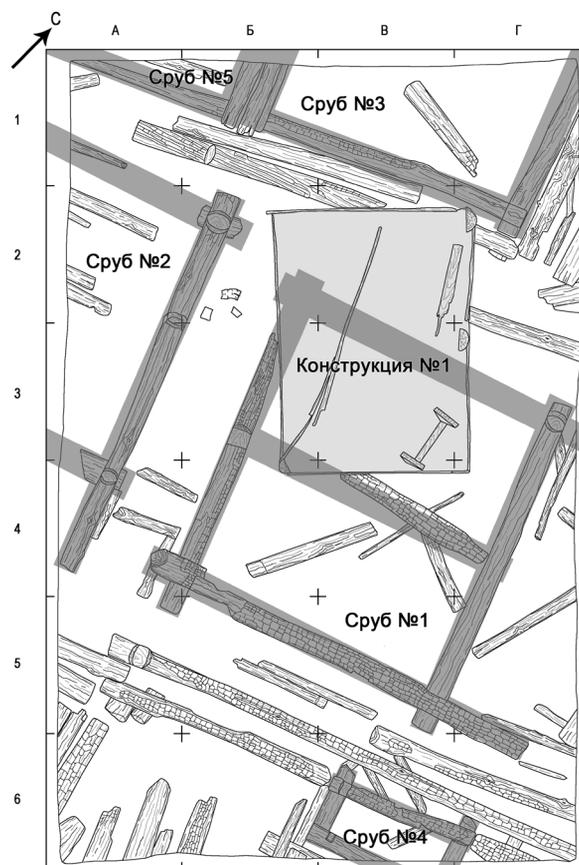

Рис. 7. Раскоп II. План после зачистки 4 пласта. Цветом выделены реконструируемые постройки.

С целью расширения представлений о деревянной застройке костромского торгового центра в августе 2015 г. параллельно кор-

¹² Дендрохронологическая экспертиза проведена специалистами Лаборатории дендрохронологии Института географии РАН под руководством научного сотрудника к.г.н. В.В. Мацковского (всего изучено 64 спила как с различных объектов, так и с отдельных брёвен и досок).

Рис. 8. Раскоп II. Общий вид после 4 пласта, вид с юго-востока. 1-5 – Срубы №1-5; 6 – Конструкция №1.

Рис. 9. Раскоп II. Общий вид после 6 пласта, вид с юго-востока.

пусу «3» Мелочных рядов напротив алтаря церкви Всемиловитого Спаса (Спаса в рядах) был заложен раскоп «Мелочные ряды II» (рис. 1). Общая площадь раскопок составила 96 м². Работы, ставшие логическим продолжением изысканий на раскопе «Мелочные ряды I» проводились в течение двух полевых сезонов и были завершены летом 2016 г. Всего было ис-

следовано 6 пластов, общая мощность культурных напластований составила до 1,2 м, в ямах до 2 м.

На раскопе были исследованы остатки 6 различных сооружений, наибольший интерес из которых представляют остатки 5 срубов размерами до 5х6 м, представленных нижними венцами и подкладками (обрезками бревен) под углами построек, ориентированных по сторонам света и уложенных на землю (рис. 7, 8). Три сруба рублены «в лапу» (два из трёх «с шипом»), один – в чашу, еще один сруб представлен только одним бревном, уложенным на 2 подкладки.

Стратиграфически все остатки срубов синхронны между собой и постройками, изученными в верхних слоях Раскопа I, и прослеживаются со 2 по 4 пласт. На уровне зачистки 2 пласта из-за навалов бревен и досок практически отсутствовала возможность для определения границ отдельных сооружений. Полностью срубы были расчищены в ходе разбора 3 и 4 пластов.

На всех постройках зафиксированы следы пожара. На значение выявленных построек предварительно определяется как хозяйственное (торговое), что подтверждается отсутствием забутовок и укреплений под печи и элементов печных конструкций, а также небольшим количеством кирпича в их заполнении. После разбора срубов и зачистки 6 пласта были выявлены контуры 76 различных ям, основное количество

которых представлено различными столбовыми ямами и частокольными канавками (рис. 9).

Установленная ориентация и расположение обнаруженных построек по сторонам света дополняют материалы, полученные в ходе работ на раскопе «Мелочные ряды I», и позволяет более уверенно характеризовать планировочную структуру г. Костромы до введения регулярного плана застройки в кон. XVIII в. (рис. 2, 7).

Материальная культура представлена коллекцией индивидуальных находок в кол-ве 329 ед., датирующейся XIII-XIX вв., в том числе, нумизматической коллекцией – монетами и проволочными монетами (чешуйками) XVI-XIX вв., а также массовым материалом, представленным венчиками, стенками и днищами серо- и красноглиняных, серо- и чернолощенных глиняных сосудов, а также изделиями из стекла и черного металла (XVI-XVIII вв.). Среди наиболее интересных находок – навесные замки, фрагменты кожаной обуви (в том числе, целые экземпляры), металлическое писало (тип 11 вариант «а» по Б.Б. Овчинниковой¹³), фрагменты стеклянных браслетов (2 ед.) (рис. 10).

На основании стратиграфических наблюдений и интерпретации вещевой коллекции изученные на раскопе «Мелочные

ряды II» культурные напластования могут быть датированы XIII-XIX вв. Настоящие раскопки позволили получить новые данные о жизни и быте костромского торгового центра в период Средневековья и Нового времени. Кроме того, их результаты позволили установить, что исследованная территория была включена в состав городских земель гораздо раньше официальной даты (1619 г.), о чем свидетельствуют находки глиняной посуды XIII-XIV вв., а также обна-

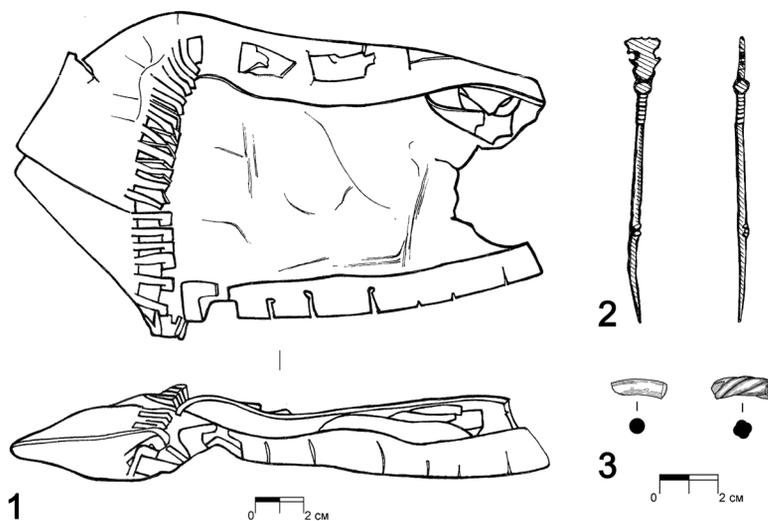

Рис. 10. Раскоп II. Индивидуальные находки. 1 – поршень; 2 – писало; 3 – фрагменты стеклянных браслетов. 1 – кожа; 2 – металл; 3 – стекло.

ружение фрагментов стеклянных браслетов и металлического писала.

Таким образом, за четыре полевых сезона (2013-2016 г.) на обоих раскопах были изучены культурные напластования мощностью до четырех метров, соответствующие различным этапам освоения и застройки городского центра. Два раскопа общей площадью 176 м² позволили не только выявить ряд сохранившихся деревянных конструкций, демонстрирующих характер застройки Костромы до введения «екатерининского» регулярного плана, но и получить богатый вещественный

13 Овчинникова Б.Б. Писала – стилосы древнего Новгорода X-XV вв. Свод археологического источника. // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь. Историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации. С. 45-105.

материал, характеризующий изученную территорию как торговое место в широком временном диапазоне. Отсутствие в культурном слое традиционных предметов быта косвенно указывает на то, что данная территория не использовалась костромичами в качестве «жилого микрорайона» и была важнейшим общественным и торговым узлом города. Комплекс находок, выявленных в процессе работ на двух раскопах, охватывает период с нач. XV по кон. XIX в. и в целом характерен для материалов исследований городских торговых площадей периода позднего Средневековья и Нового времени¹⁴.

Полученная коллекция представляет значительный интерес в связи с тем, что археологические раскопки проведены на относительно непо потревоженном поздними перекопами участке городской территории.

Археологические данные дополняют информацию письменных источников и позволяют расширить представления об устройстве городской жизни Костромы в целом, и городского торгового центра в частности.

Наличие в обоих раскопах деревянных построек удовлетворительной сохранности служит основанием для вывода о возможности выявления дорегулярной деревянной застройки практически на всей территории внутриворонного пространства Красных рядов. Дополнительные сведения об истории застройки и функционирования торговой площади г. Костромы могут быть получены в ходе археолого-архитектурных исследований при ремонтно-реставрационных работах на корпусах рядов и наблюдений за культурным слоем при прокладке, переносе и ремонте пролегающих там инженерных сетей.

14 Например: Болдин И.В., Массалитина Г.А. Археологические раскопки на территории Гостиного двора (г. Калуга) в 2012 году // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поволжья. Калуга: Полиграф-Информ, 2013. С. 107-110; Курбатов А.В. Раскопки 2003-2004 гг. у Торговых рядов в г. Владимире. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 1. М.: ИА РАН, 2007. С. 90-97; Салмина Е.В., Салмин С.А., Подгорная Р.Г., Михайлов А.В. Особенности состава вещевого комплекса с территории Нового Торга Пскова (по материалам раскопов 2005-2013 гг.). // Археология Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова: Материалы 61-го заседания. Вып. 31. М.: ИА РАН, 2015. С. 73-84.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ГОСТИНОМ ДВОРЕ (КРАСНЫХ РЯДАХ) В Г. КОСТРОМЕ В 2013-2016 ГГ.

(РАСКОПЫ «МЕЛОЧНЫЕ РЯДЫ I» И «МЕЛОЧНЫЕ РЯДЫ II»)*

* Подробнее результаты проведенных работ представлены в специальной статье А.В. Гороховой, А.С. Лазарева, И.А. Бушуева в настоящем сборнике.

Лазарев А.С.

Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие»,
г. Кострома

В ходе работ на раскопах «Мелочные ряды I» (Раскоп I) и «Мелочные ряды II» (Раскоп II), расположенных на территории Гостиного двора в Костроме, была собрана археозоологическая коллекция, включающая 5995 экземпляров: 5340 экз. на Раскопе I и 655 экз. на Раскопе II (экспертиза проводилась кандидатом ветеринарных наук, доцентом кафедры анатомии и физиологии животных Костромской ГСХА Сергеем Валерьевичем Барминым; см. Таблицу 1)¹. В результате экспертизы были определены таксономическая принадлежность костных останков, возраст животных, наличие повреждений – рассечений,

надрезов, следов воздействия высокой температуры.

Видовой набор костей животных в целом типичен для городов позднего средневековья и Нового времени. Он содержит

Рис. 1. Раскоп II. Зачистка после снятия 3 пласта. Вид с востока. Стрелками отмечены кости животных в культурном слое.

1 Писцовая книга г. Костромы 1627/28-1629/30 гг. / Археограф. подгот. Л.А. Ковалевой; Сост.: Л.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева. Кострома: ООО «КОСТРОМАИЗДАТ-850», 2004. С. 270-271.

Таблица 1.

Таксономический состав остеологической коллекции раскопов на памятнике археологии «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г., XVI-XVIII вв.)» на территории Гостиного двора (г. Кострома)				
	«Мелочные ряды I»		«Мелочные ряды II»	
	Число (ед.)	Соотношение по видам в коллекции (%)	Число (ед.)	Соотношение по видам в коллекции (%)
Крупный рогатый скот (КРС)	2961	55,45%	249	38,02%
Мелкий рогатый скот (МРС)	225	4,21%	81	12,37%
Лошадь	1540	28,84%	230	35,11%
Свинья	107	2,00%	9	1,37%
Собака	158	2,96%	10	1,53%
Кошка	12	0,22%	2	0,31%
Кабан (свинья дикая)	3	0,06%	3	0,46%
Олень	1	0,02%	0	0,00%
Рыба речная	14	0,26%	1	0,15%
Человек	1	0,02%	0	0,00%
Не идентифицировано	318	5,96%	70	10,69%
Всего	5340		655	

кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи, собаки, кошки и речных рыб (щуки и сазановых). Дикие животные представлены единичными костями кабана (на обоих раскопах) и оленя (только на Раскопе I). Фрагмент кости человека носит переотложенный характер и может быть связан с кладбищем при «церкви Всемилошного Спаса происхождения Честного креста» в Новом городе на площади², разрушенным при строительстве торговых рядов в конце XVIII в.

2 Объекты и постройки в статье обозначены в соответствии с полевой и отчётной документацией.

В отличие от Раскопа II, где кости располагались в культурном слое относительно равномерно (рис. 1), особенностью Раскопа I стало выявление скопления костей животных, перемешанных с грунтом и представляющих на некоторых участках практически единый слой мощностью от 20 до 120 см (рис. 2-4). Данный слой залегал на уровне 7-13 пластов и перекрывал Сруб N³ и N⁴³, а также составлял зна-

3 Яворская Л.В. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1179-1189; Её же. Торговля мясом или вы-

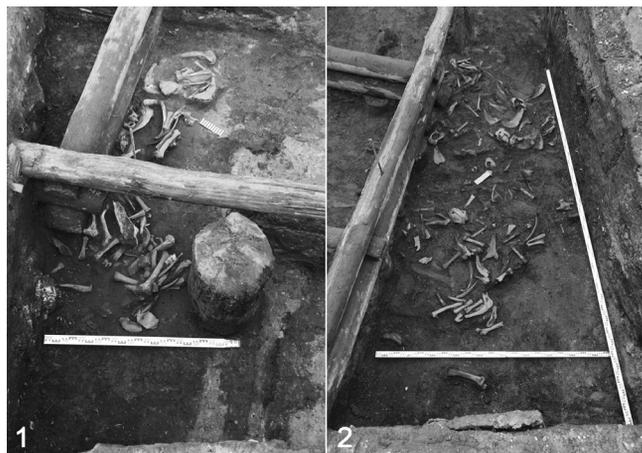

Рис. 2. Раскоп I. «Костная подсыпка»
под Срубом №1 в процессе разбора 7 пласта:
1 – квадраты Г/2-3, Д/3, вид с северо-востока;
2 – квадраты Д/3-4, вид с юго-востока.

Рис. 3. Раскоп I. Заполнение с костями животных
в Срубе №4 в процессе разбора 12 условного
пласта. Вид с юго-запада.

Рис. 4. Заполнение с костями животных в Срубе
№4 в процессе разбора 12 условного пласта (Рас-
коп I). Вид с юга.

чительную часть их заполнения (КРС – 54,31%; лошадь – 30,91%; МРС – 3,72%; собака – 2,8%; свинья – 1,97%; кошка и рыба речная – менее 1%; не идентифицировано – 6%).

Данная засыпка содержала более 85% всей коллекции костных останков, полученной в ходе исследований на раскопе в 2013-2015 гг. Вероятнее всего, кости животных использовались в качестве подсыпки для выравнивания поверхности после гибели и разборки надземных частей Срубов №3 и №4 и перед новым строительством на данной территории (рис. 3-4). Оба сруба находились в котлованах, занимающих большую часть раскопа и заполненных перемешанным слоем из серой супеси, рыжего суглинка, песка и угля.

Подобные случаи использования костей животных при благоустройстве территории известны по исследованиям «костных вымоستков» (подсыпок из костей животных под деревянными мостовыми) в средневековых городах и на сельских поселениях вплоть до XVIII в.⁴ В отличие от «костных вымоستков», в которых использовались определенные виды костей (например, челюсти, обломки черепов и рогов КРС), в данном случае отбор не велся. Необ-

мостики из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский-II в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. М: ИА РАН; СПб: Нестор-История, 2013. С. 42-55; Ужастова И.Р. Необычное заполнение костями животных подпольной ямы селища Игнатьево-II // Международная полевая школа в Болгаре: сборник материалов итоговой конференции. Казань, Болгар, 2016. С. 91-97.

4 Дендрохронологическая экспертиза проведена специалистами Лаборатории дендрохронологии Института географии РАН под руководством научного сотрудника к.г.н. В.В. Мацковского.

Рис. 5. Заготовка рукоятки
инструмента. Кость. Раскоп II, 5 пласт.

ходимо отметить, что, несмотря на засыпку, просадка грунта, в особенности над Срубом №4 была значительной, что потребовало создания системы подкладных бревен при строительстве в XVIII в. Сруба №1.

Данные дендрохронологического датирования срубов позволяют определить временной диапазон, в границах которого была сформирована костная засыпка – это период менее 60 лет: после 1688 г. (самая поздняя дата, относящаяся к Срубу №4) до 1740 г. (дата после которой был построен Сруб №1)⁵. При этом наличие в засыпке костей с различной степенью сохранности (некоторые кости имеют рыхлую (древесную) структуру, характерную для костей старого захоронения) свидетельствует о том, что яма на месте погребов засыпалась не одновременно, а на протяжении достаточно продолжительного времени в несколько этапов (кости старых и молодых животных при длительном пребывании в земле подверглись наиболее деструктивным разрушениям). Рыхлая структура и чёрный цвет костной ткани (в особенности губчатого вещества позвонков, эпифизов трубчатых костей), наличие многочисленных трещин и мелких разломов по межкостным швам плоских костей черепов и надкостницы трубчатых костей могут свидетельствовать о том,

что кости подвергались термообработке, обжигу.

Источником большого объёма костей мог служить мясной ряд торгового города, либо «изба харчевная», упоминаемые в Писцовой книге 1627/28-1629/30 гг. вблизи Воскресенских ворот⁶. Практически все кости подвергались рассечению и несут на себе следы насечек или надрезов, которые могли возникнуть вследствие срезания с них мяса, что указывает на разделку туш животных и на принадлежность костей к т.н. «кухонным остаткам». При этом разделка туш КРС носила стандартизированный характер типичный и для других русских городов⁷ – в первую очередь, отделялись голова и нижние части конечностей. От черепа отсекались рога, череп рассекался по основаниям лобных и затылочной костей, нижние челюсти по резцовому краю, на трубчатых костях отрубались эпифизарные участки, а позвоночный столб разрубался по межпозвоночным пространствам. В ряде случаев роговые отростки не отрубались, при этом от мозгового отдела также отсекался лицевой. Кости лошадей также в большинстве случаев несут на себе следы разделки.

Анатомический состав наиболее обширных групп внутри коллекции требу-

5 Писцовая книга г. Костромы 1627/28-1629/30 гг. С. 193-199.

6 Яворская Л.В. «Костные вымостки» в древнерусских городах: «анатомия» одной археологической загадки. С. 1187-1188.

7 Там же. С. 1188.

ет отдельного анализа, но на настоящем этапе исследования можно сделать ряд наблюдений, основанных на рассмотрении 2105 костей КРС и 1228 костей лошади, собранных в заполнении Срубов №3 и №4 на уровне 10-13 условных пластов. Большое количество костей скелета головы и челюстей (46% для КРС и 24% для лошади), а также неповрежденных костей нижних частей конечностей (7% для КРС и 18% для лошади) могло скопиться в результате торговли мясом, аналогичной Псковскому Новому Торгу⁸.

Следы ремесленной обработки носит только одна кость с Раскопа II – это заготовка для рукоятки инструмента, вероятно ножа. Представляет собой фрагмент лучевой кости (нижней трети диафиза) предплечья, скорее всего, лошади, опиленный с двух концов и частично обработанный.

Для реконструкции процессов повседневной жизни костромичей XVI-XVIII вв., в первую очередь, представляют интерес кости «сельскохозяйственных животных». Установленное соотношение костных останков отличается от сводных усредненных остеологических спектров городов XIV-XVII вв.⁹ (см. Таблицу 2). На Раскопе I количество останков КРС, МРС и свиньи меньше нормы в 1,1; 2,2; 7,5 раз соответственно, а количество останков лошадей больше нормы в 5,1 раз. Подобное соотношение может объясняться ещё и тем, что для засыпки использовались наиболее крупные кости, такие как черепа, лопатки, берцовые кости и т.п. На Раскопе II количество останков КРС и свиньи меньше нормы в 1,5 и 10,5 раз соответ-

ственно, а количество останков лошади и МРС больше нормы в 6,5 и 1,4 раз.

Оценка мясного потребления населения г. Костромы, основанная на соотношении условных единиц потребления (традиционно вес одной особи МРС)¹¹, ещё более увеличивает отклонение от стандартных показателей. Гипотетический процент потребления конины по данным Раскопа I составляет ~31%, что в 4,4 раза превышает данный показатель для города позднего средневековья и Нового времени, но почти нормален для средневекового городища.

Подводя итоги можно сделать несколько выводов:

1. На основании археологических данных основу мясного рациона жителей города в XVII в. составляли говядина, конина, в меньшей степени баранина, козлятина и свинина. Дичь уже не играла серьёзной роли в рационе, что закономерно для города XVII в. При этом количество конских останков, которые могут быть отнесены к «кухонным» значительно превышает норму для этого времени и может объясняться нехваткой пищи в неурожайные года.

2. В связи с тем, что застройка центральной части города, находившейся внутри крепостных стен, была весьма плотной, любой свободный участок земли использовался для хозяйственных целей. Вследствие этого, кости животных превращались в «строительный материал» для засыпки неровностей на территории торгового двора.

3. Результаты исследования позволяют дополнить на основании археологических материалов представления о быте костромичей XVI-нач. XVIII в., а также выделить особенности заполнения культурного слоя данного участка Нового города и ввести в научный оборот новую информацию о вторичном использовании кухонных отходов в древнерусских городах.

8 Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. Сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 183.

9 Там же. С. 186.

Таблица 2.

Соотношение останков «сельскохозяйственных животных» в остеологической коллекции раскопов на памятнике археологии «Участок культурного слоя второго Костромского кремля (Старый город 1416 г. и Новый город 1619 г., XVI-XVIII вв.)» на территории Гостиного двора (г. Кострома)						
«Мелочные ряды I»						
	КРС	МРС	Лошадь	Свинья	Собака	Прочие
Соотношение по видам идентифицированных останков (%)	58,96	4,48	30,67	2,13	3,15	0,62
Соотношение по видам «с/х животных» (%)	61,27	4,66	31,86	2,21	-	-
Соотношение объёмов мясных продуктов (%)	68,36	0,74	30,47	0,42	-	-
«Мелочные ряды II»						
	КРС	МРС	Лошадь	Свинья	Собака	Прочие
Соотношение по видам в коллекции идентифицированных остатков (%)	42,56	13,85	39,32	1,54	1,71	1,03
Соотношение по видам в коллекции «с/х животных» (%)	43,76	14,24	40,42	1,58	-	-
Соотношение объёмов мясных продуктов (%)	54,22	2,52	42,93	0,34	-	-
Сводные данные для древнерусских городов¹⁰						
	КРС	МРС	Лошадь	Свинья	Собака	Прочие
Город (%)	66,8	10,4	6,2	16,6	-	-
Соотношение объёмов мясных продуктов (%)	87,4	1,9	7,0	3,7		
Кратность веса туш с/х животных по отношению к одной туше МРС	7	1	6	1,2	-	-

¹⁰ Там же. С. 183, 186-187.

КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЕЙ Г. ГАЛИЧА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

Кузьмичёв И.А.

ОГБУК КГИАХМЗ, г. Кострома

С первых дней существования Московского печатного двора главной его задачей являлось обеспечение унифицированными богослужебными книгами всех православных храмов, рассредоточенных по обширной территории молодого русского государства. Венчание на царство Ивана Грозного положило начало длительному процессу утверждения абсолютизма с соответствующим упорядочением системы государственного управления, частью которого была и русская православная церковь – связующее звено между христианской общиной, властью земной и властью небесной. Приходской храм в повседневной жизни городского обывателя позднего русского средневековья по своему влиянию во многом превосходил земские и съезжие избы, а как культурный центр просто не имел альтернативы. Часто храм был местом, а церковная служба средством декларирования широким общественным слоям идеологических основ, на которых покоилась власть царствующей династии и правящего сословия. В годы правления Михаила Фёдоровича особое значение получило утверждение новой государственной идеологии через печатную книгу. Как пишет в диссертационном исследовании М.А. Лебедь: «В этот период были собраны и предложены населению идеи, призванные объединить

страну, поднять авторитет властей, определить положение России среди других держав и место Русской Церкви среди поместных церквей, утвердить христианские нормы поведения»¹.

На примере «библиотек» приходских церквей г. Галича постараемся определить, в каком объёме Московский печатный двор удовлетворял спрос в книжной продукции удалённых от столицы регионов. Для решения этой задачи мы можем обратиться к сохранившимся коллекциям старопечатной кириллической литературы, хранящейся, как правило, в государственных музеях, архивах и библиотеках. К сожалению, на данный момент мы не располагаем более или менее полной базой точно атрибутированных экземпляров. Однако в нашем распоряжении имеется писцовая книга г. Галича письма и меры кн. Никифора Яковлевича Мещерского, Никиты Ивановича Беклемишева и подьячего Феокиста Тихомирова 1627/28 – 1635 гг.², в которой подроб-

1 Лебедь М.А. Деятельность Московского печатного двора как фактор укрепления российской государственности (на примере минейного комплекса первой трети XVII в.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02; [Место защиты: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова]. М., 2011. С. 3.

2 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 92.

но описано имущество всех приходских церквей города, в том числе их книжные собрания. Ещё до начала Смоленской войны (1632 г.) книга в части, касающейся уездного центра и его посада, «вчерне» была завершена³.

С 1564 г. по 1633 г. Московский печатный двор выпустил 99 изданий разного рода печатной продукции. С 1619 г. большое внимание уделялось служебным минеям. В потребовавшем для осуществления целых двенадцати лет проекте создания годового комплекса служб общерусским святым, как мы указывали, идеологически утверждалась новая династия Романовых. Такая активизация работы московской типографии связана с деятельностью патриарха Филарета, уделявшего пристальное внимание правке и, что для нас особенно важно, распространению «чистых» текстов. Книги целенаправленно рассылались во все крупные центры Русского царства. Галич не был исключением. Только за период с 1621 г. по 1624 г. в город, а из него и в уезд поступило: 15 экземпляров триоди постной, 20 экземпляров минеи на январь, 30 экземпляров минеи на февраль и 20 экземпляров минеи на март⁴. Стоит отметить, что указанные объёмы существенно ниже среднего показателя и в три раза меньше, чем в соседней Костроме.

Приходы Галича были небогаты и имели скромные собрания, объём которых в некоторых случаях едва превышал 20 книг. Одной из самых больших библиотек рас-

полагал Преображенский собор: «Евангиле печатное на престолное верхняя доска обложена серебром с евангелисты. Два Апостола один печатной другою писменной. Псалтыр писменная следованем. Устав харатеной. Служебник писменой. Евангиле толковое писменное. Пять минеи печатных месечных. Семь минеи писменных – месечных. Две треоди да охтай писменные. Потребник печатной»⁵.

Описание имущества городских приходов демонстрирует нам неравномерную концентрацию печатных изданий. Регулярно встречающимся исключением являлись минеи месячные, что в целом положительно характеризует работу Московского печатного двора. Однако полным годовым комплектом не обладала ни одна Галичская церковь. Другая интересная закономерность заключается в том, что практически все на престольные евангелия были печатные. Некоторые книги имеют краткую характеристику сохранности, обозначенную одним словом «ветхоя». Единожды встречается указание на зарубежную печатную продукцию: «Апостол печатной литовская печать»⁶. Так же только в одном случае переписчик обращает внимание на материал, на котором создана рукопись (см. выше состав библиотеки Преображенского собора).

Состав библиотек вполне определённый. В первую очередь, это книги, необходимые для богослужения. Редко встречаются экземпляры, предназначенные для чтения, среди которых печатные издания не преобладали. Во всех приходских церквях Галича мы находим только два толковых евангелия, изданных в Москве. В то время как в четырёх приходах города среди письменных книг имелось 5 прологов и одно толковое евангелие.

3 Писцовые книги Верхнего Заволжья / Сост. Зенченко М.Ю. (отв. сост.), Беликов В.Ю., Воскобойникова Н.П., Иванова Г.А, Кадик А.В. М., 2010. С. 112.

4 Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры 1618-1652 гг.: От восстановления после гибели в смут. время до патриарха Никона: Исслед. и публ. / И.В. Поздеева, В.П. Пушкин, А.В. Дадькин М., 2001. С. 41.

5 РГАДА. Ф. 1209. Кн. 92. Л. 31.

6 Там же. Л. 40 об.

Таблица № 1.

Печатные книги и их письменные аналоги в приходских церквях г. Галича.

№№	Наименование	Печатные	Рукописные
1	Евангелие	6	3
2	Апостол	5	4
3	Минея месячная	27	31
4	Требник	3	-
5	Шестоднев	3	1
6	Триодь	10	4
7	Октоих	6	1
8	Евангелие толковое	2	1
9	Часовник	1	3
10	Минея общая	1	4
11	Псалтырь	1	5
12	Служебник	1	3
13	Служба на положение Ризы Господней	1	-
Итого		67	60

Только письменными экземплярами представлены: устав, ирмологий, псалтырь с воследованием, трефолой, пролог.

Таким образом, в приходских церквях Галича к концу первой трети XVII в. книги, поступившие в разное время и разными способами из Московского печатного двора могли покрыть до половины потребности приходов в богослужебной литературе. Как мы можем судить, в первую очередь заменялись рукописные напрестольные евангелия на их печатные вари-

анты. Из других священно-богослужебных книг значительным количеством экземпляров представлен апостол. Далее по возможности шла замена книг, связанных с годовым богослужебным кругом. Однако, несмотря на действительно активную работу московской типографии в период патриаршества Великого государя Филарета Никитича, в основе церковной жизни такого провинциального города как Галич продолжала оставаться и количественно преобладала книга рукописная.

РОЛЬ ЯРМАРОК В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ В XVI-XVIII ВВ.

(НА ПРИМЕРЕ КОВРОВСКОЙ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЯРМАРКИ)

Монякова О.А.,

Ковровский историко-мемориальный музей, г. Ковров

Как известно, ярмарки возникли в Европе в раннем средневековье. Ярмарочная торговля в России также имеет древние исторические корни. Достоверные исторические свидетельства о российских ярмарках относятся к XVI веку, однако ряд исследователей относят появление ярмарок еще ко временам Киевской Руси. В России ярмарки обычно приурочивались к церковным праздникам. Наиболее древней считается ярмарка Арская близ Казани, известная с середины XIII века. В связи с грабежами русских купцов татарами Василий III запретил поездки на эту ярмарку и основал в Васильсурске в 1524 году новую, которая позднее была переведена к Желтоводскому (Макарьеву) монастырю – Макарьевская ярмарка¹.

Историк Н.Л. Рубинштейн проследивает такую последовательность в эволюции ярмарок в России: «Эпоха натурального хозяйства дает первоначальную организационную ячейку – местный торг с его ограниченной сферой обмена. Рост производительных сил и дифференциация хозяйственной деятельности ведет к расширению торговых связей, получающих своего специального носителя в лице

торговца-посредника, устанавливающего связь между отдельными рынками на ярмарках – системе межгородского торга. Первичной ячейкой остается торг – замкнутая в себе клетка, местная городская торговая организация. Но ярмарка является мостом, перекинутым между этими местными городскими торгами, включающими их в систему расширенного обмена»².

Так как торги в средневековой России были принадлежностью городов, а не маленьких сел по типу села Рождественского (поселение на месте города Коврова, переименованное позднее сначала в село Коврово, а затем с 1778 года – в уездный город Ковров), то мы не можем говорить, что ковровской ярмарке предшествовал местный торг. Вероятнее всего, она возникла сразу как пункт межгородского обмена товарами, т.е. как ярмарка.

Рождественская ярмарка является исторической достопримечательностью села, а затем и уездного города Коврова. Первым известным на сегодняшний день документом, в котором непосредственно говорится о существовании в селе Ков-

¹ <http://biofile.ru/bio/38751.html> (дата обращения: 11.09.2017 г.).

² Рубинштейн Н.Л. Русская ярмарка XVIII в. // Ученые записки кафедры истории народов СССР МОПИ. 1939. Вып. 1. С. 8.

рово Рождественской ярмарки, является царская грамота 1641 года владимирскому воеводе кн. Щетинину о безоброчной отдаче Спасо-Евфимиеву монастырю в Суздале (на тот момент село Коврово административно находилось в составе Суздальской провинции Московской губернии) таможенной пошлины с села Коврова³. Интересно, что с подобного же документа 1641 года о дозволении Макарьевскому Троицкому монастырю собирать в свою пользу таможенную пошлину с торговцев за один день торговли на день св. Макария 25 июля по старому стилю, документально становится известной и знаменитая Макарьевская ярмарка, которая после пожара 1817 года была перенесена под Нижний Новгород и в конечном итоге превратилась в крупнейшую ярмарку страны⁴. Ковровская Рождественская ярмарка и Макарьевская на Волге, на наш взгляд, очень близки по характеру и направлению развития, различие заключается лишь в объемах торговых операций, поэтому допустимы аналогии, и первая заключается в том, что, подобно Макарьевской, Рождественская ярмарка возникла до того, как стала известной документально.

К сожалению, в отсутствии документальных источников ответить на этот вопрос мы сможем только приблизительно. Опираясь на выше упомянутую грамоту, все прежние исследователи относят начало Рождественской ярмарки к XVII веку⁵. Произошло данное событие, после

3 Акты археографической экспедиции. Т. 3. СПб., 1836.

4 Энциклопедический словарь Эфрона и Брокгауза. Т. XVIII. М., 1896. С. 40.

5 Радугин А.Г. Историческая записка о городе Коврове // ГАВО. Ф. 205. Оп. 1 Д. 946. Л. 130-130об.; Токмаков И.Ф. Историко-статистическое описание г. Коврова с уездом. М., 1903. С. 6; Иванов А.И. Город Ковров в прошлом и настоящем. Ковров, 1928. С. 17.

того как село Рождественское оказалось на оживленной транспортной магистрали, и здесь возник перевоз через реку Клязьму (приток р. Оки). Особенно эта дорога оживилась, после того как в 1552 году в состав России вошло Казанское ханство, затем Западная Башкирия и началось освоение русскими людьми земель Поволжья, в 1598 году к России была присоединена и Западная Сибирь. К этому следует добавить начало знаменитой Макарьевской ярмарки под Нижним Новгородом, одна из дорог на которую пролегла через село Коврово. Не случайно, когда царь Алексей Михайлович в 1657 году повелел учредить при селе Коврово постоянный еженедельный торг по вторникам, то объяснение такому решению было дано следующее: «а на то село лежит дорога большая из Казани и из Казанских городов»⁶.

Но все же в XVI веке ярмарки здесь еще не было. Для доказательства сказанного сравним писцовые и окладные книги, в которых, как известно, записывались все занятия жителей, подлежащие обложению различными видами налогов. К примеру, сравним писцовые книги 1628/29 гг., составленные одними и теми же писцами, Михаилом Трусовым и дьяком Федором Витовтовым, на село Холуй (находилось на р. Тезе, притоке р. Клязьмы, в той же Суздальской провинции)⁷ и на село Коврово⁸. Если в Холуе к тому времени уже существовало два торгова и кабака, то они указаны в описи. В Ковровской же описи, кроме земледелия, указывается на занятие жителей рыбной ловлей, и только.

Или другое сравнение: писцовой книги села Коврово 1628/29 гг. и окладной книги 1701 года. В последней уже пря-

6 Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. III. Владимир, 1904. С. 285-287.

7 Владимирские губернские ведомости (ВГВ). Ч. Неоф. 1852. № 11.

8 РГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Д. 30. Л. 95 об – 104.

мо сообщается, что «на Клязьме перевоз держит того же села крестьянин Никитка Власов с товарищи», «да в том же монастырском селе Коврове годовая ярмонка, торгу два дня ... пред Рождеством Христовым да в Рождество Христово»⁹.

Ковровская Рождественская ярмарка официально оформилась в период между 1628/29 и 1641 годами, что вполне соответствует общероссийским тенденциям социально-экономического развития. Историки считают ярмарки типичным явлением для XVII века, когда активно происходило складывание всероссийского рынка. К этому следует добавить и высокую степень заинтересованности монастырей в ярмарочной торговле, потому что доходы с ярмарок часто шли в кассу монастырей, что убедительно видно на примере Ковровской ярмарки¹⁰.

А теперь о характере Рождественской ярмарки, о том, кто и чем на ней торговал. До XVIII века в России различались понятия «торга» и «ярмарки». По определению все того же Н.Л. Рубинштейна, «местный торг – пункт обмена местной ограниченной округи, где окрестное население скупает продукцию местного примитивного производства. Примитивность формы обмена характеризуется тем, что почти отсутствует специальный торговый посредник: продавцом выступает мелкий производитель, покупателем мелкий потребитель».

Торгу противопоставляется ярмарка – институт межгородского обмена – дающая выход за пределы тесной ограниченной организации местного значения. Ярмарка – специфический купеческий торг: контрагентами выступает приезжее купечество: ярмарка в противность торгу,

не имеет в виду местного производителя, и равно и местного потребителя, она не связана с местным рынком, с его предложением и спросом»¹¹.

Если обратиться к радиусу территориального охвата торговыми связями, то П.Г. Любомиров в статье «Крепостная Россия XVII-XVIII вв.»¹² делит ярмарочную систему страны на три группы: местные, областные и всероссийские ярмарки. Г.Л. Вартанов выделяет среди них группу городских ярмарок и при этом делит их также на три группы: местные, межгородские районные и межгородские областные¹³.

Составив на основании сведений, собранных по анкетам Кадетского корпуса в 1761 году и Комиссией о коммерции в 1781 году, таблицу местных, районных и областных городских ярмарок центральной части Европейской России, Рождественскую ярмарку в Коврове он отнес к разряду межгородских районных¹⁴.

Говоря о типе Рождественской ярмарки, мы вплотную подходим к вопросу о занятиях жителей села Коврово, а точнее о том стереотипе, который выработался у всех исследователей местной истории, полагавших, что одним из главных занятий жителей села в связи с неплодородностью здешней почвы и наличием ярмарки, была торговля.

В нашем распоряжении имеются реестры Рождественской ярмарки за 1748, 1758, 1760, 1804 годы¹⁵, в которых мы не

9 РГАДА. Ф. 1203. Оп. 1. Вязка 204.

10 Хромов П.Н. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957. С. 199.

11 Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 7.

12 Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 36. Ч. III. С. 611.

13 Вартанов Г.Л. Городские ярмарки центральной части европейской России во второй половине XVIII века // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Т. 194. 1958. С. 149-150.

14 Там же. С. 150.

15 РГАДА. Ф. 1203, Оп. 1. В. 138, № 118; В. 231. № 113; В. 242. № 97; ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2208. Л. 225-276.

обнаружили в перечне торговых людей, арендовавших лавки и балаганы на ярмарке, ни одного жителя села, а затем города Коврова. Кроме того, несмотря на царскую грамоту 1657 года об учреждении в селе Коврово постоянного торгового пункта, такового так и не возникло даже к концу XVIII века. В топографическом описании города Коврова 1784 года записано: «Недельных торгов в оном городе не бывает»¹⁶. Косвенным доказательством того, что главным занятием жителей села Коврова несмотря на малоплодородие земли, было хлебопашество являются сведения из ведомости Монастырского приказа от 12 августа 1723 года и ведомости коллегии экономии 1732 года, в которых указывалось, что село не платило ни денежного, ни хлебного оброка, в нем была только полевая барщина в размере 10 четвертей хлеба¹⁷.

Транзитный характер ковровской ярмарки, не привязанный к занятиям жителей города Коврова, сохранялся до начала XIX века. Большое количество лавок (100), явно превышающее потребности самих жителей города, лишнее тому подтверждение. Кстати, Ковров в этом плане не являлся исключением. К примеру, в Ирбите торговля почти полностью прекращалась с окончанием ярмарки¹⁸.

Отсюда, говоря о том, что жители села Коврово занимались торговлей, мы должны иметь в виду не торговлю как таковую, а обслуживание мест торговли и перевоза через реку Клязьму на большой Нижегородской дороге, который собственно и

стал причиной возникновения ковровской Рождественской ярмарки, функционировавшей вне экономического развития села Коврова. А, как известно, торги и ярмарки устраивались у нас в старину в пунктах, наиболее посещаемых населением.

Прогрессирующее развитие внутреннего рынка отразилось и на состоянии ковровской Рождественской ярмарки: если в своем начале она проходила только один день, то к концу XVIII века торг длился уже три дня. Тому немало способствовало расположение Коврова на р. Клязьме, так как в это время огромное значение приобрели водные пути. Основной водной магистралью оставалась Волга с ее притоками Камой и Окой. Все более или менее судоходные реки были использованы в качестве путей сообщения, обслуживающих непрерывно растущий всероссийский рынок. В эту транспортную схему была вписана и река Клязьма. Кроме того, Указом 20 декабря 1753 г. с 1754 года отменялись внутренние таможенные пошлины, что не могло не оказать положительного влияния на развитие торговли. Рост оборотов Рождественской ярмарки в Коврове тому подтверждение.

Реестры лавок Рождественской ярмарки сохранили информацию о том, кто приезжал торговать на Рождественскую ярмарку в Коврове. Это торговый люд из Суздаля, Вязников, Муром, Москвы, Ярославля, Шуи, Переславля-Залесского, Костромского уезда, сел Лежнево, Палеха, слободы Мстеры, но больше других из села Павлово Нижегородского уезда (в настоящее время город Павлов на Оке Нижегородской области). Много было и местных торговцев, а так как вся округа по административному делению того времени числилась за Суздальским уездом, то значит из самого Суздаля и населенных пунктов, входивших в состав уезда.

16 Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Владимир, 1906. С. 92.

17 Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 235.

18 Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 40.

Что привозили и чем торговали на Рождественской ярмарке, названные документы полной информации не дают, но, тем не менее, позволяют сделать вывод о том, что главным товаром на ярмарке являлись изделия крестьянских промыслов, которые были развиты в тех местах, откуда везли товар. К примеру, вязниковцы привозили на ярмарку яблоки, мыло, пряники, ореховую избойну (то же, что жмых); из села Пупок Шуйской округи – шапки; щепной товар из с. Палех; из села Дунилово – ситы; много привозилось на ярмарку липовых кадей – их поставляли из села Лежнево, сел Голенищи и Давыдово Муромского уезда, села Высокая Река Владимирского уезда. Упоминавшиеся выше торговые люди из села Павлово, скорее всего, доставляли на ярмарку различные металлические изделия¹⁹. В отношении продаваемых на Ковровской ярмарке металлических изделий интересную и новую информацию дают материалы Щекинской таможни, расположенной в Пошехонском районе. Через эту таможню, «где задолго до Петра развились крестьянские и посадские железоделательные промыслы, в одном только 1718 году прошли 11288 пахотных сох, 740 лемехов, 8576 присосков, 5190 топоров и обухов, 18250 железных лопаток, 31490 сковород блинных, а также большое количество гвоздей, костылей, прутяного и «опарошного» железа, уклада и прочих железных товаров. Товары эти предназначались к вывозу в Ростов, Тверь, Шую, Вязьму, Брянск, Псков, Нижний Новгород, Казань, Чебоксары, Белгород, Великое село, село Коврово²⁰.

19 РГАДА. Ф. 1203, Оп. 1. В. 138, № 118; В. 231. № 113; В. 242. № 97; ГАРС. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2208. Л. 225-276.

20 Печ. по: Шапиро А.Л. К истории крестьянских промыслов и крестьянских мануфактур в России. Исторические записки. Т. 31. М., 1951. С. 138-139.

К концу XVIII – началу XIX вв. на Ковровской ярмарке происходит процесс выделения специального товара или небольшого круга товаров в качестве «главнейшего», что являлось характерным для многих межгородских ярмарок России последней четверти XVIII века²¹. Для Ковровской ярмарки таким товаром, судя по тому, что почти 1/3 торговцев была в 1804 году из села Иванова, стал товар текстильный.

К сожалению, отсутствие документов, оставляют нам возможность только высказывать предположения, но по аналогии с другими российскими ярмарками, думается, что ковровская все же началась в XVII веке, когда село уже было во владении Спасо-Евфимиева монастыря, и оказалась на оживленной транспортной магистрали в восточные районы России. Она прошла тем же путем, что и все торжки местного значения. Зародилась как транзитный пункт на перевозе через реку Клязьму, не связанный с местным производством и потреблением, и оставалась таковой вплоть до начала XIX века. Подобно Макарьевской и Ирбитской, Ковровская Рождественская ярмарка не оказывала значительного влияния на хозяйственный рост села Коврова, но тем не менее сыграла решающую роль в выборе именно села Коврово в качестве уездного центра и превращение его в город законодательным актом Екатерины II.

21 Вартанов Г.Л. Указ. соч. С. 154.

ВАРВАРИНСКИЙ И НИКОЛЬСКИЙ ХРАМЫ Г. ПЛЁСА В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Панченко Г.В.

Плёсский музей-заповедник, г. Плёс

Одно из самых ранних упоминаний церкви Св. Великомученицы Варвары обнаружено в документе XVII века. Он сообщает: «Церковь св. муч. Варвары на Плесе на посаде дани 6 ден. Марта в 19 день на нынешней на 136 [1628. – От автора] год те денги взято»¹. Речь идёт, конечно, не о каменном, а о деревянном храме.

В 1632 году священника Варваринской церкви отца Ивана обвинили в невыплате вытных денег. В грамоте царя Михаила Федоровича частному приказчику Чернцову по случаю жалобы на костромского сыщика Семёна Ларионова, приводится рассказ земского старосты Лёвки Васильева, да старосты Рыбной слободы Микитки Меркурьева: «В прошлом де 140 году [1632 г. – От автора] августа в 20 день приехал к нам на Плесо в Рыбную слободу из разрядного приказа сыщик² Семён Ларионов со многими людьми и с костромскими стражами и Плёсского де Варварского попа Ивана призвал к себе на двор

сковал и правил на нем вытных³ оклёпных денег и взял с него посул⁴ а велел де тому попу бить челом нам отказы, а тот де поп Иван живет ... на Плесе изстари и воровством никаким не промышляет и язычной молки⁵ а того попа Ивана никакие нет и ныне де тот поп Иван от тех напрасных оклёпных вытных дел вконец погиб ...»⁶. Т.е. грамота свидетельствует о существовании в 1632 году Рыбной слободы в Плесе, возглавляемой старостой Микиткой Меркурьевым, на территории которой находилась церковь Св. Варвары, настоятелем которой был «поп Иван». Интересно, что в 1628 году часть Плёса, где стоял храм, называлась посадом, а в 1632 году – Рыбной слободой.

В 1654 году с церкви Св. Варвары берётся 11 алтын и 4 деньги дани. В 1694 году к храму относились два двора поповских на церковной земле и «нищих ста-

3 вытнй – участковй, причитающийся с участка земли.

4 посул – взятка, незаконный побор

5 оговора

6 Список с грамоты царя Михаила Федоровича на Плесе частному приказчику Чернцову по случаю жалобы на костромского сыщика Семёна Ларионова. 1632 год. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 70. Л. 93-93 об.

1 Плёсская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных земель. 1628-1710 и 1722-1746. Кострома, 1902. С. 3.

2 чиновник, посылаемый для розысков в особых случаях.

риц 11 келей», в приходе состояло 44 двора рыбных ловцов, дани было заплачено 25 алтын с деньгою⁷.

Кроме деревянной церкви Св. Великомученицы Варвары в Рыбной слободе в 1679-1681 гг. находились еще два деревянных храма – Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины и «третья церковь во имя Св. Апостолов Петра и Павла, что на Петровской горе»⁸, то есть слобода включала в себя три прихода. Никольская церковь в это время, очевидно, стояла на отдельном церковном участке на пересечении раздваивающейся в обход его Варваринской улицы и улицы Никольской. Старостой Рыбной слободы, находившейся в ведомстве приказа Большого Дворца, в эти годы был Ивашка Силуянов.

21 января 1702 года был выдан антиминс в новопостроенную церковь Св. мученицы Варвары, «поп Алексей антиминс взял и росписался». То есть была выстроена следующая деревянная церковь взамен утраченной. В 1746 году храмом было выплачено рубль и 15 с половиной копеек⁹.

В документе 1759 года перечислены все плёссские храмы. Их пять: Успенская соборная церковь, Троицкая церковь, Воскресенская, Варваринская и Петропавловская. Упоминается священник из Варваринского храма Матфей Михайлов. Все храмы, кроме Успенского собора,

– деревянные¹⁰. Не назван Никольский храм. Видимо, до 1759 года он был утрачен. При этом на межевом плане 1782 года изображены две церкви, Никольская выстроена рядом с Варваринской. В описании города, составленном в 1787 году господином городничим премьер-майором Иваном Ивановичем Клементьевым, упоминается «церковь Святой Варвары Великомученицы с приделом Святого Николая чудотворца, деревянные», а на Варварской улице – дома священника Матвея Михайлова, дьячка Петра Ильина и пономаря Ивана Матвеева¹¹.

Археологические исследования существенно уточнили данные, известные нам по письменным источникам. В 2008 и 2011 годах Археологической экспедицией Плесского музея-заповедника были проведены работы по археологическому наблюдению за земляными работами по прокладке газопровода. В ходе последних были обнаружены два погребения рядом с домами Урицкого, 18 и 20 (погребения 1 и 2 соответственно) и неожиданно обнаружены погребения южнее Никольской часовни 1892 года постройки (в 2008 году – погребения 3 и 4, в 2011 – 5-7).

Радиоуглеродный анализ фрагментов гробов погребений 4, 5 и 7, проведенный в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) (исполнитель – Н.Д. Бурова, руководитель 14С группы – Г.И. Зайцева), показал, что погребение 4 датируется 1510-1600 годами (69,1% из 95,4% возможных), погребение 5, находившееся южнее и выше погребения 4, было датировано 1730-1810гг. (54,1% из 95,4% возможных). Самым древним оказалось погребение 7, совершенное не в колоде, как 4 и 5, а в гробу в виде

7 Плёсская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных земель. 1628-1710 и 1722-1746. С. 3.

8 Селифонтов Н.Н. Опись документам из архива Костромской Казенной Палаты и бывшей Костромской палаты Государственных имуществ// Костромская старина. Вып. 5. Кострома, 1896. С. 143-144.

9 Плёсская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных земель. 1628-1710 и 1722-1746. С. 3.

10 ГАИО. Ф. 908. Оп. 1. Д. 6. Л. 7-11.

11 Описание города Плёса. 1787 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 73.

ящика – 1380-1440 гг. (58,9% из 95,4% возможных). Вместе с подобным по типу гроба погребением 8, оно представляло собой самый нижний пласт захоронений из обнаруженных в шурфе. Своей основной частью 7 и 8 погребения уходили соответственно в восточную и северную стенки шурфа и были в связи с этим законсервированы.

Результаты радиоуглеродного датирования свидетельствуют о том, что обнаруженное на стыке улиц Кропотки-

Рис. 1 Фрагмент плана Плеса 1778 г.

на (Никольской) и Урицкого (Варваринской) кладбище могло существовать в 1380-1810 годы. Очевидно, здесь располагалась церковь Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины, отмеченная в выписях из книг письма и меры Максима Кругликова в числе трех существующих в 1681 году церквей на посаде города Плеса¹².

На плане 1778 года в этой части города цифрой 4 помечены два церковных участка с деревянными приходскими храмами: один – на прежнем месте предполагаемого нами расположения церкви Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины, другой – на месте

12 Доклад председателя от 10 сент. 1896 г., о рассмотренных им архивных актах и делах. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41. Л. 11.

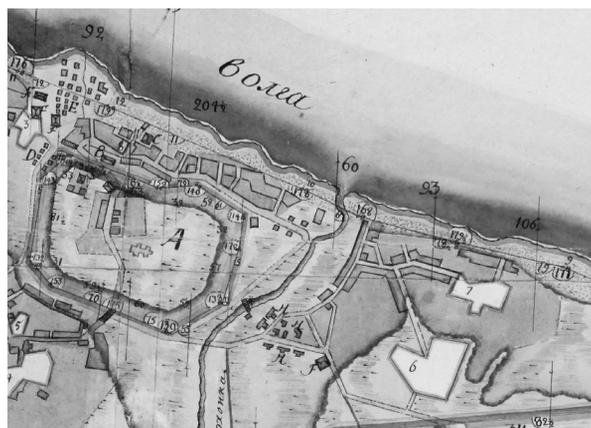

Рис. 2 Фрагмент плана Плеса не ранее 1779 г.

существующей ныне церкви Св. Варвары (рис. 1)¹³.

На плане, составленном после 1779 года, на основе межевания, проведенного в 1775 году, церковь на пересечении Никольской и Варваринской улиц не обозначена. А на месте современной церкви Св. Варвары указаны два храма: «Великомученицы Варвары и Чудотворца Николая с кладбищем» (рис. 2)¹⁴.

На межевом плане церковного участка, датированном 1782 годом, там, где сейчас стоит каменная церковь Святой

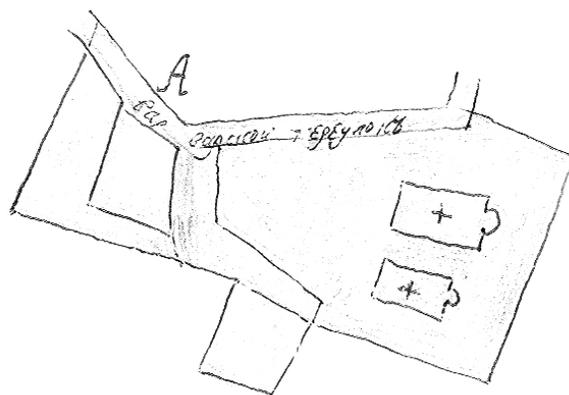

Рис. 3 Церкви Великомученицы Варвары и Николая Чудотворца (межевой план 1782 г.)

13 План г. Плеса 1778 г. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. 1886.

14 План г. Плеса после 1779 г. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. 1888.

Великомученицы Варвары, отмечены два храма – Великомученицы Варвары и Николая (рис. 3¹⁵).

Таким образом, церковь Святителя Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины на пересечении Никольской и Варваринской улиц, очевидно, к 1759 году была утрачена, сгорела, как свидетельствуют результаты исследований¹⁶. Вероятно, не позднее 1782 года новая деревянная церковь Николая Чудотворца

На панораме Плёса, которую можно датировать периодом 1786 (дата постройки Присутственных мест) – 1808 (дата постройки каменной Троицкой церкви) гг., мы видим только один деревянный храм на этом месте – Варваринский (рис. 4)¹⁸. Его сменил каменный храм Святой Великомученицы Варвары, построенный в 1821 году, и престол Николая Чудотворца был перенесен в него¹⁹.

Рис. 4 Фрагмент панорамы Плёса (не ранее 1786 и не позднее 1808 г.)

была построена на другом месте, рядом с церковью Св. Великомученицы Варвары, и утрачена к 1787 году. Престол Св. Николая был перенесен в церковь Св. Варвары. Позже, в начале XIX века, в соответствии с планом 1797 года, по старому Никольскому кладбищу прошла спрямленная Варваринская улица¹⁷.

15 РГАДА. Ф. 1356. Ед. 6911. Л. 5.

16 Панченко Г.В. Археологическое обследование Плёса в 2011 году (исследование погребений и археологический надзор на трассе газопровода в Заречье). Краеведческие записки. Вып. XIV. Иваново, 2013. С. 21.

17 План г. Плёса 1795 г. РГИА. Ф. 1293. Оп. 166.

Нахождение на плёсском посаде церкви Николая Чудотворца как нельзя более отвечало сущности торгово-ремесленного посада. В Заречье, очевидно, располагался торг, здесь, в гавани, за косой, образованной песчаным выносом р. Шохонки, могли зимовать суда. А Николай Чудотворец, как известно, считается покровителем путешествующих и торгующих.

Ед. 50.

18 Панорама Плёса. ГАКО. Ф. 179. Оп. 3. Д. 142.

19 Беляев И. Указ. соч. С. 146.

Поражает длительность существования на исследованном месте церкви и приходского кладбища. Вероятно, здание деревянной церкви при его утрате возобновлялось. Даты, полученные в результате радиоуглеродного анализа, указывают на основание здесь храма в годы предшествующие или одновременные постройке крепости 1410 года. О Никольском кладбище можно, таким образом, говорить, как об одном из наиболее ранних христианских кладбищ города Плеса. Но еще более ранние захоронения, совершенные по христианскому обряду, были прослежены раскопками В.А. Аверина на ул. Варваринской (бывшая Урицкого), 14. Этот участок кладбища находится на отдалении от обнаруженного Никольского. На площади в 20 кв.м было исследовано 28 погребений, датированных, как утверждает В.А. Аверин, концом X-XIII веками²⁰. Интересно, что эти захоронения одновременны захоронениям курганного могильника на Холодной горе (курганый могильник Плѣс 2). Вероятно, была обнаружена древняя часть на этот раз уже Варваринского кладбища. По планам конца XVIII века, эта территория являлась его окраиной.

Деревянная церковь Варвары Великомученицы «сгорела 1817 г. августа 29 дня». Деньги на строительство каменной церкви начинают собирать еще до этого события. Уже в 1811 году Алексей Герасимов Кузнецов просит долг по векселю с Василия Капитонова Потепалова взыскать в пользу строящегося храма Варвары Великомученицы²¹. Новую церковь освятили в 1821 году.

20 Аверин В.А., Барышников В.Ю., Самотовинский Д.В. Работы Ивановской археологической экспедиции в Плѣсе в 2014 году// XIV Плѣсские чтения. Иваново, 2016. С. 26.

21 Журнал 1811 г. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 222. Л. 372.

В «Алфавитном списке церквей Костромской епархии...», опубликованном в 1871 году, упоминается священник Варваринской церкви Василий Левитский, посвященный в сан 11 ноября 1845 года, с 13 января 1850 г. работающий законоучителем, с 19 ноября 1854 года – увещателем. Награжден скуфьей. Дьякон – Николай Соловьев, 57 лет от роду, служит с 4 августа 1834 года, побывал под судом или штрафом²².

И. Беляев в «Статистическом описании соборов и церквей Костромской епархии» так описывал Варваринскую церковь: «Каменная, с каменною колокольнею, построена 1821 года. Престолы в честь: св. великомученицы Варвары и Святителя Николая»²³. По данным 1863 года «земли при церкви 1062 кв. саж. План и межевая книга на землю имеются. Прихожан муж. пола 159, жен. 212, в том числе 2 раскольника и 8 раскольниц; дворов 40, прихожане все в том же посаде [Заречье. – От автора]»²⁴.

В 1892 году в Заречье была построена каменная Никольская часовня. «Рядом с каменной часовней находилась старинная деревянная часовня, также посвященная Николе Чудотворцу»²⁵.

В публикации 1911 года Варваринская церковь описывается так: «Построена в 1821 г. старанием прихожан и сторонних жертвователей; обнесена каменною оградою с железными решѣтками. Престолов

22 Алфавитный список церквей Костромской епархии, с показанием имен и фамилий священников и диаконов, состоящих при оных на лицо. Кострома, 1871. С. 136-137.

23 Беляев И. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. Вып. 1. СПб., 1863. С. 146.

24 Беляев И. Указ. соч. С. 147.

25 Смирнов Л.П. Описание открыток с видами гор. Плеса. Архив Плѣсского музея-заповедника. Ф. 10. Оп. 3. Л. 6.

3: в холодной а) во имя вмч. Варвары; в теплой, б) правый во имя святит. Николая, в) левый во имя трёх вселен. Святителей. Особенно чтимых икон две: вмч. Варвары в церкви и свят. Николая в принадл. церкви часовне. Причт: священник и псаломщик. Прихожан м. п. 171, ж. п. 183. Приход кустарный, осёдлый. В пределе прихода есть раскольники австр. и поморского толка. Приход весь в городе»²⁶.

Как сообщает краевед и старожил Плёса Л.П. Смирнов, дни поминаения Св. Великомученицы Варвары и Николая чудотворца были в дореволюционное время для жителей Заречья особенными.

«...Его [Николая Чудотворца] праздник 6/ХП ст. ст. был праздником всего Заречья, тем более что за день до этого 4/ХП

праздновалась память великомученицы Варвары, которой посвящена находящаяся в Заречье церковь. Промежуточный день 5/ХП также заодно праздновался, даже если приходился не на воскресенье. Если же воскресенье приходилось на 3/ХП или 7/ХП, то праздник распространялся на 4 дня»²⁷.

Таким образом, археологические и исторические исследования последних лет дали новые сведения о Никольском храме, который не сохранился до нашего времени, уточнили границы кладбища при церкви Св. Варвары и выявили многослойный некрополь на месте участка церкви Св. Николая Чудотворца в городе Плесе.

26 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома, 1911. С. 187.

27 Смирнов Л.П. Указ. соч. Л. 6-7.

РАЗДЕЛ 3.

История костромского края и сопредельных территорий в Новое время в свете вещественных, письменных и устных источников

ИОАНН АНТИПИН. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Зенкова О.Б. (*Великий Устюг*)
Копытков В.В. (*Москва*)

Наряду с сотнями и тысячами (в зависимости от выбранной темы и длительности её изучения) документальных официальных источников исследователи истории того или иного населённого пункта, объекта архитектуры, биографии интересующей личности нередко используют в работе бытующие в данной местности легенды, предания и сказания. Среди последних особо необходимо отметить те памятники письменной культуры, которые принято относить к церковной литературе – это жития святых и сказания о чудотворных иконах. Не секрет, что к этим повествованиям у многих людей в XX в. сложилось довольно сильное предубеждение. В лучшем случае эти произведения воспринимались и воспринимаются как сказочные, мифические, выдуманные истории.

Одним из первых к житиям святых, как к историческим источникам, обратился выдающийся учёный второй половины XIX – начала XX вв. Василий Осипович Ключевский,

обосновавший свои выводы в одноимённом труде¹.

«Главные методы его работы с житиями, – пишет З.П. Иноземцева², – заключались в установлении достоверности фактов, которые историк мог черпать из этого исторического источника... Он неоднократно подчеркивал, что житие – это не биография светских лиц, это особая отлившаяся в сознании народа форма для выражения идеального образа святого человека как образца (примера) для подражания.

Огромный массив сохранившихся в личном архиве ученого рукописей и черновых материалов с пометами и комментариями показывает, что Ключевский не принимал «на веру» сведения сообщ-

1 Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

2 Иноземцева З.П. В.О. Ключевский: жития святых как источник познания народной жизни // Интернет-сайт «Русская народная линия».

щаемые источником и подвергал тщательному исследованию достоверность исторических фактов. В ходе исследования он подверг тщательному сопоставительному критическому анализу до 250 редакций агиографических произведений и не менее 5000 списков... В.О. Ключевский показал, что есть жития вымышленные, которые имеют недостоверную источниковую базу. Он раскрыл субъективизм их составителей, которые «забывали о подробностях обстановки, места и времени», без чего житие святого, – как он писал, – оказывалось вырванным из исторического контекста времени». Тем не менее, учёный с твёрдостью заявлял, что «в житиях жизнь, которой вы не найдете в актах»³.

Помимо житийных памятников сугубый интерес для нас представляют сказания о чудотворных иконах, в которых часто содержится подробное географическое описание места, где произошло чудо, указываются даты, называются конкретные имена его участников – то есть в литературной форме и по принятому канону изложено реально произошедшее событие.

В истории Знамено-Филипповского монастыря (одного из самых последних основанных «на Устюге»), до сих пор вызывающей много вопросов, ключевую роль играют два сказания: «Чудо святителя Филиппа о исцелении некоего древодела от лютой болезни» и «Об иконе Знамения Божией Матери». Первое зафиксировано устюжскими летописцами и в более пространным варианте содержится в монастырском архиве; второе, напечатанное в «Вологодских епархиальных ведомостях» в 1888 г., скорее

всего, также было обнаружено в документах упомянутого монастыря⁴. Списки этих сказаний встречаются в ежегодно представляемых для отчёта в епархию описаниях православной обители, по крайней мере, со второй половины 80-х годов XIX в.

Поскольку сказанию об иконе митрополита Филиппа посвящено уже несколько наших публикаций⁵, то обратимся ко второму: «В лето от мироздания 7282, от Рождества же Бога Слова 1774, бысть некто муж во граде Устюге, сановит родом, благочестив сый и славен, именем **Иоанн Иоаннов Антипин**, иже по Божию строению одержим бысть лютым недугом на долзе, яко и отчаятися ему живота своего. В некоторую же ночь, лежащу ему на одре смертном, внезапно бысть глас: Человече, хочещи ли здрав быти? Он же со страхом отвеща: Хощу, Господи, но несть помогающего ми. И паки бысть глас: Аще ли хочещи здрав быти, то востав, поиди: есть за два поприща от града Устюга близ реки Сухоны на горе Яиковской обитель Знамения Пресвятыя Богородицы; пришед же возвести игумену тоя обители,

4 ПСРЛ. Т.37. Л., 1982. С. 123, 140; ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 137. Л. 15 об.–16; Суворов Н.И. Знамено-Филипповский Яиковский монастырь Вологодской епархии. // ВЕВ. 1888. Прибавления к № 3. С. 40–41.

5 Копытков В.В. Знамение на Волчьем ручье. По следам утраченной святыни. М., 2016. – С. 42–73; Зенкова О.Б., Копытков В.В. Неизвестный тотемский святой – Филипп Сухонский // Материалы I межрегиональной научной конференции «Русский Север–2017. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия». 23–26 февраля 2017 г. Тотьма-Вологда, 2017. С. 57–63; Копытков В.В., Зенкова О.Б. Почитание святителя Филиппа митрополита Московского в Великом Устюге // Материалы Всероссийской общественно-научной историко-краеведческой конференции «12-е Стефановские чтения», посвящённой 100-летию города Котласа. 18–19 марта 2017 г. // Двинская земля. Вып. 10. Котлас, 2017. С. 317–333; Копытков В.В. Древний колокол старца Лонгина // Советская мысль. 30 июня 2017.

3 Иноземцева З.П. В.О. Ключевский: жития святых как источник познания народной жизни // Интернет-сайт «Русская народная линия».

дабы повелел выкопать икону Знамения Пресвятыя Богородицы из погребной ямы, издревле лежащую в земле; внесите ю в церковь, то здрав будеши. Он же востав от сна, ощути себе здрава благодатию Христовою, яко николи же боле. И на утрие шед возвести игумену чудный той глас; он же боголюбив сый, ят веру тому, повеле сотворити реченное. Шедше же обретоша, якоже речено бысть, во влаге земной икону Знамения Богородицы, возсиявшую паче солнца, ничим же вредиму от земли, и взявше внесоша ю во храм, и певше соборне молебн. Исцелевый же той муж возъиме велию веру ко Пресвятой Богородице и на каждое лето до скончания своего хождаше в ту обитель и молебное пение совершаше»⁶.

Сюжет этого сказания относится к типу, известному в православной церковно-исторической литературе. Здесь присутствует «болящий» человек, которому во сне является «некто» (в данном случае больной слышит некий «глас») и сообщает способ исцелиться посредством обретения той или иной иконы: путём её покупки или же извлечения её из земли, как в нашем случае. Последний пример очень напоминает чудо обретения иконы Божией Матери в Казани. Быть может, в сказании из архивов Знамено-Филипповского монастыря мы имеем дело с литературным заимствованием? Был ли такой факт на самом деле? Жил ли человек в Великом Устюге с такой фамилией, и почему в сказании уточняется место расположения Знамено-Филипповской обители, тогда как она к тому времени существовала уже более ста лет и все устюжане, конечно, прекрасно знали, где она находится?

Надо сказать, что «пядничная» икона Знамения Божией Матери, которая и

6 Суворов Н.И. Указ. соч. // ВЕВ. 1888. Прибавления к № 3. С. 40–41.

дала имя монастырю, была явлена ещё в 1663 г. на Волчьем ручье в Пермогорском стану Двинской трети Устюжского уезда⁷. В 1675 г. Волчьеручьевская Знаменская пустынька была присоединена к Филипповской обители, а чудотворный образ перевезён в Великий Устюг⁸.

В наиболее ранней, обнаруженной нами подробной описи Знамено-Филипповского монастыря, датированной 1702

7 В настоящее время эта местность известна как Ляпуново, и входит в состав Красноборского района Архангельской области. – Прим. авт.

8 Это событие и дальнейшие перипетии судьбы древней святыни подробно освещены в книге В.В. Копыткова «Знамение на Волчьем ручье. По следам утраченной святыни». Сказание об этом чуде содержится в «Соловецком сборнике повестей о чудесах и знамениях 1662–1663 гг.: «В Устюжском уезде, ниже Красного бору яко 7 верст, на край Двины-реки, в Пермогорском стану на Волчье ручье, обретоша икону Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Знамения, на пни огорелом стоящу, священник Иванн с приходскими людьми Пермогорские волости по явлению. А явилася Пресвятая Богомати в Пермогорской волости мужю благоговейну и седу, именем Иванну Трифонову, со преподобным отцем нашим игуменом Кирилом Белоозерским, и повеле: со священником тояже области Иванном и с прочими людьми искати в Волчье ручье край Двины-реки пречистаго своего и чудотворнаго образа честнаго и славнаго Ея Знамения, глаголя, яко оно место свято будет. Повеле же Пречистая Богомати человеку оному Иванну поведати всем, яко да не бранятся матерны, и табаку да не пият, и среду и пяток честно да хранят, яко да «приидут на вы, – глаголющи, – времена прохладна от лица Господня». К сему же повеле Пречистая Богородица ин образ свои написати, нарицаимыи Тихвинскийи, и Кирила чудотворца – и поставити вкупе на том же месте с новоявленною Ея и чудотворною иконою, – иже и сотвориша тако. Сия вся приказала Пречистая Богомати Иванну, мужю благоговейну, во своем пришествии еже к нему». Добавим, что все персонажи данного сказания – реальные исторические лица. – Прим. авт. – См.: Копытков В.В. Знамение на Волчьем ручье... С. 23–147; ОР РНБ. ОСРК. 0.1.304. Л. 18 об.–20 об.; Панченко О.В. Соловецкий сборник повестей о чудесах и знамениях 1662–1663 гг. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 461–462; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 370.

г., кроме двух Знаменских икон, расположенных в иконостасе деревянной церкви, указан «на правой стороне» на аналое: «образ Пресвятыя Богородицы Знамения, цка в четверть аршина, венец резной, серебряной, возглавие и ожерелье жемчужные, поля басменные, серебряные, вызолочен. В привесе на проволоке четыре цаты серебряных басменных, крест серебряной с финифтом, восемь привесочек серебряных, да перстень. А тот образ в киотце деревянном, и на преди киотца на слуде вырезано по олову и вызолочено. И около того образа и киотца на цке троечетвертной⁹ писаны чудеса Пресвятыя Богородицы, а та цка и со образом в киоте и налой столярной работы»¹⁰. Эта запись полностью соответствует описанию чудотворной иконы, составленному в 1686 г. при передаче её старцу Лонгину и строителю Яиковского монастыря Антонию из Успенского собора, где она находилась на временном хранении: «чудотворной образ Пресвятыя Богородицы Честнаго и Славнаго Ея Знамения, что преж сего тот образ был в пустыне на Двине на Волчье ручье. Поля у того образа обложены серебром басмянным золоченым, венец серебряной же резной позолочен, у Богородицы во зглавке, да ожерелье жемчужное. Кругом того образа две киоти: одна обложена оловом, а на другой киоте писаны чудеса, да при вые у того Богородична образа четыре цаты серебряные басмяные, да на проволоке серебряной в привесе ж крест серебряной с финифтом, да двенатцать метляков серебряные ж, половина тех метляков золочены, а другая простые, да две копейки серебряные, да перстень серебряной золоченой со став-

9 Четверть аршина («пядь», «малая пядь», «пядница») – приблизительно 17,7 см. «Троечетвертная» – три четверти аршина – приблизительно 53,2 см. – Прим. авт.

10 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 364–366.

кою. На том же образе убрус, камка сия полосатая, да пелена кумач красной»¹¹.

В описи монастырского имущества за 1772 г. в перечне «пяднишних» икон под №3 указан образ «Знамения» в медном окладе с серебряными венцом и гривной. На полях документа имеется помета, что игуменом Иоакимом «приложен вновь образ Знамения Богородицы писанной на красках в монастырских золоченых рамах». То есть появляется ещё одна аналойная одноимённая икона. В местном ряду иконостаса холодного храма отмечен богато украшенный образ «Знамения» и ещё один в резном киоте у клироса с разными святыми вокруг, написанными «на особливой цке»¹². Размеры икон, к сожалению, не указаны; нет и особой отметки об их происхождении.

Игумен Иоаким возглавлял Знамено-Филипповский монастырь в 1769–1773 гг., а в 1774 г., обозначенном в сказании об обретении чудесного образа, монастырём управлял иеромонах Антоний¹³. Если в датировке чуда составитель сказания или переписчики не ошиблись, то произошло оно именно в бытность строителем обители иеромонаха Антония. Правда, в журналах заседаний Великоустюжской духовной консистории за 1773–1774 гг. это грандиозное событие отражения не нашло¹⁴. Не найдено пока сведений о нём и в других, более поздних документах. От-

11 РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 572. Л. 1–1 об.

12 ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2142. Л. 7–8 об.

13 ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1496. Л. 31 об.–32; ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2165. Л. 70.

14 Отметим, что в «Книге записи сборов добровольных пожертвований на ремонт Великоустюжского Знамено-Филипповского монастыря», датированной концом 1772 г., имя Ивана Антипина в списке 79 благодетелей обители не значится. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, по крайней мере, до 1773 г. он не был благотворителем и постоянным посетителем данного монастыря. – Прим. авт. – См.: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1942. Л. 1–2.

сутствие достаточного количества описей монастырского имущества не позволяет проследить происходившие изменения в церковном убранстве Знамено-Филипповской обители и сделать сравнительный анализ, что заводит исследование в тупик.

Достоверно известно только, что в начале 1770-х гг. явленный образ «Знамение» вывозили для изготовления списка с него в Москву и что в Великоустюжской духовной консистории имелось связанное с этими событиями дело на 44 листах¹⁵, которое в 1778 г. было передано в «повытье Якимова»¹⁶. В различных государственных архивах: РГАДА, РГИА, ВУЦА, ГАВО – обнаружить указанный источник пока не удалось, но направленные поиски продолжаются. Был ли подлинный образ утрачен, и если да, то когда – остаётся невыясненным ввиду отсутствия документов.

Гипотезу историка XIX в. Н.И. Суворова об идентичности Волчьеручьевского образа тому, что он видел в Знамено-Филипповском монастыре и о котором поместил заметку в «Вологодских епархиальных ведомостях»¹⁷, ни доказать, ни опровергнуть не представляется возможным. Нет ни самой иконы, ни фотографий, по которым специалисты, хотя бы приблизительно, сумели бы определить время её написания. Однозначно ответить на вопрос – об одной иконе говорится в двух источниках, или о разных – мы пока не можем...

В то время как мистическая часть повести о чуде 1774 г. на сегодня абсолютно не удостоверена документами, про-

15 ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3752. Л. 21 об.

16 «Повытье» – Отделение в приказе, ведавшее делопроизводством. В описываемый период его возглавлял Алексей Якимов. – *Прим. авт.*

17 Суворов Н.И. Указ. соч. // ВЕВ. 1888. Прибавления к № 3. С. 38–41.

заическая нашла своё подтверждение целиком и полностью. Личность «сановитого родом мужа» из этого сказания получила своё подтверждение: ряд архивных документов, «случайно» друг за другом попавших на стол исследователей, свидетельствует, что в церковной легенде изложены факты биографии человека, действительно жившего в Великом Устюге.

Иван Иванович Антипин на самом деле не был устюжанином: он родился в 1734 г. в городе Чухлома, находившемся в составе Архангелогородской губернии до Екатерининской реформы 1775 г. Этот уголок современной Костромской области граничил с тогдашним Устюжским уездом, а посему имел исторические, довольно тесные, экономические и религиозно-культурные связи с Великим Устюгом. Неудивительно, что сын чухломского купца¹⁸ отправился строить свою карьеру именно сюда, будучи в 1758 г. «уволен Чухломскою ратушею по увольнительному писму к приказным делам и писменному исправлению, ... в городе Устюге Великом при подушном зборе под-под-канцеляристом»¹⁹. Согласно послужным спискам юноша поступил в Великоустюжскую провинциальную канцелярию в 1752 (а не в 1758) г. и за 12 лет службы прошёл путь от «копейца» до «канцеляриста»²⁰.

На 1764 г. Антипин – давно семейный человек: Иван с 26-летней женой Анной имеют 7-летнюю дочь. Анна Петрова Ан-

18 В семействе «купеческого человека» Ивана Якимова Антипина (1697–1761) было двое сыновей. Старший – Михаил (1720) проживал со своей семьёй в родительском доме в Чухломе, а младший – Иван (1734) обустроился в Великом Устюге. – *Прим. авт.* – См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4077. Л. 5 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4078. Л. 206 об.

19 РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4077. Л. 5 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4078. Л. 206 об.

20 ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 1630. Л. 5 об.–6.

типина (1736), «сториная попова дочь», судя по записи в ревизских сказках Чухломы, происходила также из этого города²¹.

Где-то в самом конце 1760-х – начале 1770-х гг. Иван Антипин овдовел и женился на дочери черносошного крестьянина деревни Соколица Ивановской волости Южской трети Устюжского уезда Анне Ивановой Барсуковской (1751), которая была всего на 5 лет старше его дочери²².

В 1780 г. записавшийся в устюжское купечество Антипин при учреждении Устюжской области был назначен публичным нотариусом и одновременно секретарём при городском магистрате, а в июле 1781 г., по представлению Вологодского и Ярославского генерал-губернатора Алексея Петровича Мельгунова, переведён на «*протоколическую должность*» в только что учреждённую Дворянскую опеку²³.

7 августа 1783 г., «за умертвием» секретаря уездного суда Якова Попова, Антипина определяют «ко исправлению» секретарской должности и приводят к

присяге по распоряжению Вологодского наместнического правления, причём письменное свидетельство ему выдаётся лишь в январе 1784 г., и то по его же просьбе. В первое время работы в должности Иван Антипин, как минимум в течение месяца, из-за отсутствия документа не получал жалованья, испытывая «*в содержании себя крайний недостаток*»²⁴.

К тому времени семья секретаря значительно выросла: помимо старшей дочери Анны (1756), уже выданной замуж за устюжского купца Алексея Афанасьева Шишмакова, у Антипиных было четверо малолетних детей: Дмитрий (1778), Александр (1779), Иван (1780) и Евдокия (1782). Сложное материальное положение не могло не волновать многодетного отца²⁵.

Дом, в котором в это время проживала семья Антипиных, находился в «*Пречистинской сотне*» Устюга Великого. Архивные документы сохранили описание его планировки: «*Напереди горница с сенями, на середине сеней горенка с печкой и с чуланом*». Во дворе «*назади строения*» располагались: ещё одна жилая изба, погреб с «*напогребником*», амбар, небольшой санник, три хлева и баня²⁶.

Отметим, что, несмотря на «*приказную*» должность главы семейства, Антипины по-прежнему числились в купече-

21 РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4078. Л. 206 об.

22 Метрических и исповедных книг церкви Рождества Богородицы до 1772 г., в приходе которой состояли Антипины, в фондах ВУЦА не имеется. В исповедной книге указанной церкви за 1772 г. в «*приказных и их домашних*» указаны Великоустюжской провинции «*канцелярист Иван Иванов Антипин 37 л., жена ево Анна 21 г., у них дочь Анна девица 16 л.*». – Прим. авт. – См.: ВУЦА. Ф. 590. Оп. 1. Д. 1. Л. 283 об.; ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 417; ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2149. Л. 106 об.

23 ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 563. Л. 2; ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 417; ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 62. Л. 1–1 об. Дворянская опека – орган, образованный при каждом верхнем земском суде на основании «*Учреждения для управления губерний*» от 7 ноября 1775 г. Учреждалась в составе: уездного предводителя дворянства, судьи и 2-х – 4-х дворян-заседателей, избираемых на 3 года. Ведению опеки подлежало: назначение опекунов над малолетними сиротами, наблюдение за действиями опекунов и рассмотрение их отчетов. – Прим. авт.

24 ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 209. Л. 1-а; ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1694. Л. 1–2.

25 РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4078. Л. 206 об.; ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 417; ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 5558. Л. 1 об.; ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 74. Л. 69 об.

26 Согласно архивным данным в указанном доме семья Антипиных поселилась в 1780 г. Ранее они проживали в нижнем конце Никольской улицы, недалеко от Устюжской градской Рождественской церкви. В октябре 1780 г. Иоанн Антипин продал этот дом за 400 рублей «*Великоустюжской области Совестного суда судье*» полковнику Льву Разварину. – Прим. авт. – См.: ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 2262. Л. 15 об.; ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 135. Л. 3–4.

ском сословии. По данным Великоустюжского магистрата, объявленный капитал семьи составлял 500 рублей²⁷.

По закону лица, поступившие на канцелярскую службу из купечества, не освобождались от уплаты подушных податей: *«все те кои из купцов в канцелярские служители вступили будучи у дел и получая по трудам своим определенное от мест жалованье в тож время обязаны и должны платить с капиталов своих положенную подать»*²⁸.

Устюжское общество – как мещане, так и купцы – по очереди и по выбору периодически исполняли различные поручения, отказываться от которых не имели права. Таким образом, Ивану Антипину по поводу уклонения его от общественной нагрузки были предъявлены претензии. 30 января 1784 г. устюжское купечество избрало его целовальником к продаже пороха и селитры. Секретаря суда неоднократно *«позывали»* для определения и присяги, но он принять дела не являлся. Магистрат письменно обратился к начальству Антипина с тем, чтоб тому *«объявили о явке»*. В ответном послании магистрату было сообщено, что Антипин исправно и *«безостановочно»* платит со своих капиталов положенные подати (о чём имеются квитанции), а поскольку в указе 1782 г. *«их градские служения выбирать или какие сверх того поборы платить ничего не упомянуто»*, суд не может взять на себя такую инициативу. Магистрату и купечеству дали понять, что они не должны *«излишним отягощать в противность вышепрописанного указа Сената повеления»* и впредь *«требования иметь»* не могут²⁹.

27 ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 417; ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 2659. Л. 6.

28 ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 417; ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 372. Л. 2.

29 ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 372. Л. 3–3 об.

Во второй половине июня 1785 г. Антипина исключают из подушного оклада на основании Высочайшего указа³⁰, но в купечестве он продолжает числиться, по крайней мере, в списках купцов Устюга он отмечен и в следующем году³¹.

За длительную и беспорочную службу в 1787 г. непосредственное начальство пыталось представить Ивана Антипина к награде. Из характеристики узнаём, что секретарь уездного суда *«поведения и состояния хорошего в делах исправен и имеет ко оным прилежание радивость и искусство»*³².

Круг должностных обязанностей секретаря можно представить, обратившись к «Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона»: *«Секретарь – должностное лицо, заведовавшее канцелярией судебного учреждения, ему подчинялись помощники и прочие чины канцелярии. В следственном процессе секретарь собирал доказательства и указывал судьям, которые обыкновенно не обладали юридическими сведениями, подлежащие статьи закона... Секретарь составлял выписку из письменного предварительного производства, удостоверяя, что в производстве более ничего относящегося к делу не имеется, и отбирал от подсудимых подписки в том, что им не было чинимо никаких притеснений... В заседании суда секретарь составлял протоколы и журналы и подписывал их прежде судей»*³³.

30 Исключались канцелярские служители тех наместничеств, на списках которых императрицей было подписано *«выключить из подушного оклада»*. По Вологодскому наместничеству в Устюжском уездном суде в этом списке значились дети умершего секретаря Попова и семейство Антипиных. Подлинный список подписан губернатором А.П. Мельгуновым. – Прим. авт. – См.: ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 586. Л. 1.

31 ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 2247. Л. 1.

32 ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 865. Л. 1.

33 Насчёт неосведомлённости судей с автором

Несмотря на явные заслуги, Иван Антипин всё же не был награждён чином. В послужных списках даже 1792 г. лишь указано, что он его весьма достоин. Мало того, в 1788 г. Вологодское наместническое правление указало наложить на секретаря штраф в 5 рублей в пользу Приказа общественного призрения за «неприлежность к должности». Именно так было расценено доношение уездного суда о желательном приискании новой кандидатуры на место секретаря, так как «секретарь Антипин не соответствует своей должности по слабости его здоровья». Уездному суду даже было предписано, что если «за сим секретарь Антипин состояние свое не поправит и прилежать к должности не будет, то об отрешении его тогда представить правлению»³⁴.

На плохое состояние здоровья Ивана Ивановича Антипина в документах указывается неоднократно. В 1780 г. городской магистрат просил наместническое правление заменить Антипина, который «по нужде чрез немалое время находится... в болезни, совершенно не выздоровел, отчего... пришел в такое изнурение, что совершенно исправлять оную должность находит себя не в силах, и просил от служения в здешнем магистрате в должности секретарской за изъясненною его болезнию до совершенного выздоровления уволить и дать указной аттестат... Но как здешней городской магистрат в порученной ему от Вашего Превосходительства должности нетшателное рвание, а особливо малопамятство в разсуждении сего и ныне впредь ко ожиданию в

нем настоящего успеха никакой благонадежности не предвидит»³⁵. В марте 1789 г. 55-летний Иван Антипин просит уволить его, так как «изнуряя свои силы, за старостию и болезнями» не находит сил «к отправлению должности»³⁶. Удовлетворение заявления последовало не сразу, в журналах и протоколах уездного суда подписи Антипина стоят до 20 апреля 1793 г. включительно, хотя указ Сената об его отставке состоялся ещё 24 февраля того же года. 11 апреля из Вологодского наместнического правления, наконец, было дано распоряжение об увольнении Антипина; 20 апреля Устюжский уездный суд на основании этих указов постановил «определеннаго Правительствующим Сенатом секретаря Слободского к должности допустить и бывшему Антипину велеть решенные и нерешенные дела ему Слободскому по описям здать». Отставному секретарю обязались выплатить жалованье за отработанную треть года в сумме 66 руб. 66 коп., о чём в казначейство было послано сообщение³⁷.

По требованию наместнического правления, после сдачи дел Иван Антипин должен был явиться в Вологду за получением паспорта (с какой целью – не уточнено), однако ни сдать дела, ни приехать он оказался не в силах. 8 июня 1793 г. уездный суд вновь заслушивал доклад о состоянии здоровья бывшего секретаря. В журнале по этому поводу записано: «По сообщению Великоустюжской управы благочиния, коим на таковое ж сего суда требующее о освидетельствовании бывшего здешняго суда секретаря Ивана Антипина, какою он одержим болезнию, дано знать, что оной Антипин по свидетельству той управы господина приста-

статьи можно не согласиться: в журналах заседаний Устюжского уездного суда, например, есть записи об изучении законодательства в те дни, когда не было судебного разбирательства. – Прим. авт. – См.: Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 57. СПб, 1900. С. 320.

34 ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 936. Л. 1.

35 ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 62. Л. 1–1 об.

36 ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 1060. Л. 1.

37 ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 1585. Л. 62.

ва гражданских дел Вылоскова и штаб-лекаря Фриза оказался действительно, по старости его лет и слабости всего корпуса, а притом и ногами, столко болен, что из квартиры выходить не может». Ввиду того, что Антипин сам явиться не может и надежды на его скорейшее выздоровление нет, суд постановил дела, хранящиеся у разных «копеистов», собрать и принять под «особливое» рассмотрение нового секретаря Ивана Слободского³⁸.

В сентябре 1794 г. прошение о выдаче аттестата о службе и свидетельства об исключении из подушного оклада и купечества детей, служивших в различных учреждениях³⁹, за больного Ивана Антипина подавал его старший сын Дмитрий. 18 сентября в уездном суде слушали прошение, а только 30 октября того же года в журнале заседания было записано постановление отослать его «куда следует»⁴⁰.

Если учесть, что сказание из монастырского архива об иконе «Знамение» начинается с того, что герой по «Божью строению одержим бысть лютым недугом на долзе, яко и отчаятися ему живота своего», можно предположить, что чудо могло произойти не в 1774 г., а в другое время: в 1780-х – начале 1790-х гг. Впрочем, поиски истины продолжаются, возможно, со временем нам удастся полностью подтвердить факты, изложенные в церковном произведении, в том числе и указанную в нём дату.

Скончался Иван Иванович Антипин 4 сентября 1795 г., о чём имеется соответ-

38 ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 1585. Л. 94.

39 Согласно имеющимся данным Дмитрий Иванович Антипин служил «копеистом» в уездном канцелярстве, Александр Иванович – в Великоустюжском губернском магистрате, а Иван Иванович – сверхштатным «подканцеляристом» в уездном суде. – Прим. авт.

40 ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 1811. Л. 1 об.–3 об.

ствующая запись за № 7 в «Метрической книге Христо-Рождественской церкви города Устюга Великого». Согласно этому документу «бывший секретарь Устюжского уездного суда» умер «христианскою кончиною» в возрасте 61 года и был погребён «того собора протоиереем Иоанном на кладбище»⁴¹.

Через три года семья умершего секретаря выехала из Великого Устюга в Санкт-Петербург к проживавшему там сыну Александру Антипину⁴². В «Исповедной ведомости Христо-Рождественской церкви» за 1800 г. указана дата отсутствия всего семейства Антипиных на Исповеди по причине «отлучки» с 18 марта 1798 г. В постановлении Устюжского уездного суда о выдаче паспорта для проезда в столицу вдове Анне Ивановне и двум младшим детям Евдокии (1782) и Василию (1786) – 21 февраля 1799 г.⁴³.

41 ГАВО. Ф. 496. Оп. 7. Д. 324. Л. 68.

42 Согласно архивным данным 12 декабря 1792 г. Александру Антипину был выдан паспорт на 8 дней для поездки в Вологду; 21 декабря того же года Вологодское наместническое правление выдало ему паспорт на 2 месяца в Санкт-Петербург. Через указанное время Анна Антипина подала прошение на продление паспорта до года в связи с тем, «что намерена она означенного сына по мере способностей его определить в тамошней губернии». 11 марта 1793 г. по указу за № 1832 Александра Антипина временно уволили от должности «для приискания себе другого места в Санкт-Петербурге», через год, поскольку не было ответа, определится соискатель или нет, наместническое правление указало Устюжскому губернскому магистрату «показанного Антипина по неявке его из списка приказных служителей исключить». – Прим. авт. – См.: ВУЦА. Ф. 586. Оп. 1. Д. 581. Л. 1–6; ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1187. Л. 1.

43 В «Журнале заседаний Устюжского уездного суда» от 20 февраля 1799 г. записано: «Бывшаго в сем уездном суде секретарем Ивана Антипина жена Анна Иванова дочь объявила, что имеет она необходимую надобность отлучиться из здешняго города в Санкт-Петербург и с детьми своими сыном Василием и дочерью Авдотьей, <и> просила для свободного ей проезду и там пребывания дать указное за подписанием присудствующих свидетелство», что и было исполнено на следующий день. – Прим. авт. – См.: ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д.

После 1800 г. семейство Антипиных в исповедных книгах Устюжской Христо-Рождественской церкви не упоминается. Скорее всего, Антипины навсегда поселились в Санкт-Петербурге. Сказание об обретении Знамено-Филипповским монастырём иконы Божией Матери «Знамение», очевидно, было составлено неизвестным автором уже после их отъезда.

Предположительно эта самая икона в конце XIX – начале XX вв. находилась в Филипповском приделе каменной монастырской церкви. Поклониться ей мог любой человек. «Боголюбцами и добротными дателями» святой образ был украшен серебряной позолоченной ризой с тремя бриллиантами, жемчугом и камнями. В 1918 г. он таинственно исчез и более в описях монастырского имущества не упоминался. Не отмечен он ни в актах обысков 1918–1919 гг., ни в актах изъятия церковного серебра 1922 г⁴⁴.

По новой легенде – игуменья Зинаида подменила святыню, чтоб она не досталась безбожникам, но «предательницы» из числа насельниц обители пригрозили выдать настоятельницу чекистам. Испугавшись угроз, игуменья будто бы отдала икону шантажисткам, а те использовали её в корыстных целях⁴⁵.

1765. Л. 27; ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 2707. Л. 70 об.

44 ВУЦА. Ф. 437. Оп. 1. Д. 217. Л. 4 об.–5; ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 137. Л. 15; ВУЦА. Ф. Р-147. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 5, 17–18.

45 Сведения получены от жительницы г. Великий Устюг М.А. Козулиной, 1924 г.р., которая много лет провела в общении с бывшими насельниками устюжских монастырей. – Прим. авт.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.

ВУЦА – Великоустюжский центральный архив (Великий Устюг).

ГАВО – Государственный архив Вологодской области (Вологда).

ГАЯО – Государственный архив Ярославской области (Ярославль).

ОР РНБ – ОСРК – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Основное собрание рукописных книг (Санкт-Петербург).

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 137. – Ведомости сведения о состоянии Великоустюжского Знамено-Филипповского монастыря за 1902–1904 гг.

ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 209. – Дело по доношению канцеляриста Ивана Антипина об определении его на должность секретаря. 1783 г.

ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 372. – Дело по сообщению Великоустюжского магистрата о выборе из купечества купца Ивана Антипина целовальником для продажи пороха и селитры. 1784 г.

ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 586. – Указы Вологодского наместнического правления за 1785 г.

ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 865. – Дело по определению Великоустюжского уездного суда о представлении к награде секретаря Ивана Антипина. 1785 г.

ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 936. – Указы Вологодского наместнического правления за 1788 г.

ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 1060. – Дело по прошению секретаря Великоустюжского уездного суда Ивана Антипина об освобождении его от занимаемой должности по болезни. 1789 г.

ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 1585. – Журналы заседаний Великоустюжского уездного суда. 1793 г.

ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 1630. – Послужные списки служителей Великоустюжского уездного суда за 1792 г.

ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 1811. – Дело по прошению бывшего секретаря Ивана Антипина о выдаче ему аттестата. 1794 г.

ВУЦА. Ф. 129. Оп. 2. Д. 2707. – Журналы заседаний Великоустюжского уездного суда за 1799 г.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. – Ревизские сказки купцов и мещан г. Великого Устюга 1782 г.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 2659. – Ведомость о купцах и мещанах г. Великого Устюга с указанием объявленного капитала. 1786 г.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 62. – Дело об увольнении секретаря Великоустюжского городского магистрата Ивана Антипина и о назначении на его место Алексея Телятева. 1780 г.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 135. – Дело о продаже дома секретарём Великоустюжского городского магистрата Иваном Антипиным судье Великоустюжского совместного суда Льву Разварину. 1780 г.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 563. – Дело об определении на должность протоколиста в Великоустюжскую дворянскую опеку Иоанна Антипина. 1782 г.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 2247. – Дело об исключении Ивана Антипина с детьми из подушного оклада. 1785 г.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 3. Д. 2262. – Списки купцов и мещан г. Великого Устюга, с описанием имеющегося у них недвижимого имущества за 1785 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1496. – Ведомости о заштатных архимандритах и монахах Великоустюжской епархии за 1769 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1942. – Книга записи сборов добровольных пожертвований на ремонт Великоустюжского Знамено-Филипповского монастыря. 1772 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2142. – Опись церковного и монастырского имущества Великоустюжского Знамено-Филипповского монастыря 1772 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2149. – Исповедные росписи духовенства и прихожан церковью г. Великого Устюга и Устюжского уезда за 1772 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2165. – Журналы заседаний Великоустюжской духовной консистории за 1773 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3752. – Журнал регистрации дел по указам конторы Синода, промемориям Великоустюжской провинциальной канцелярии, рапортам, доношениям и прошениям за 1778 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 5558. – Исповедные росписи духовенства и прихожан Великоустюжской градской Рождественской церкви за 1782 г.

ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 74. – Исповедные росписи духовенства и прихожан г. Великого Устюга, Устюжского уезда и г. Лальска за 1786–1788 гг.

ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1187. – Исповедные росписи духовенства и прихожан церковью Великого Устюга и округи за 1795 г.

ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1765. – Исповедные росписи духовенства и прихожан церковью г. Великого Устюга и округи за 1800 г.

ВУЦА. Ф. 437. Оп. 1. Д. 217. – Описание церковного имущества Великоустюжского Знамено-Филипповского монастыря. 1887 г.

ВУЦА. Ф. 586. Оп. 1. Д. 581. – Дело об увольнении копеиста Александра Антипина на 8 дней в Вологду. 1792–1793 гг.

ВУЦА. Ф. 590. Оп. 1. Д. 1. – Ревизские сказки крестьян Южской трети Устюжского уезда 1782 г.

ВУЦА. Ф. Р-147. Оп. 1. Ед. хр. 49. – Договоры, акты и описи передачи зданий и церковного имущества, списки служителей, членов Знамено-Филипповской сельскохозяйственной коммуны и др. 1918–1928 гг.

ГАВО. Ф. 496. Оп. 7. Д. 324. – Метрические книги церквей г. Великого Устюга за 1795 г.

ГАЯО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1694. – Дело по представлению наместнического правления об определении на место секретаря Устюжского уездного суда Якова Попова канцеляриста Ивана Антипина. 1783 г.

ОР РНБ. ОСРК. 0.1.304. – Соловецкий сборник повестей о чудесах и знамениях 1662–1663 гг.

РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. – Переписная книга церковной утвари и крестьян монастырей г. Великого Устюга и Устюжского уезда. 1702 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 572. – Расписка строителя Яиковской Филипповской пустыни иеромонаха Антония и старца Лонгина о принятии ими в данную обитель от ключаря г. Устюга Великого соборной церкви попа Ивана чудотворной иконы Божией Матери «Знамение». 16 апреля 1686 г.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4077. – Книга переписная купцов и дворовых людей г. Чухломы, помещичьих, монастырских и церковных крестьян Чухломского уезда 1748 г.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4078. – Ревизские сказки о купцах города г. Чухломы и помещичьих крестьянах Чухломского уезда 1762–1767.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОСТИНОГО ДВОРА г. КОСТРОМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ (кон. XVIII – XIX в.)

Бушуев И.А.

*Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие»,
г. Кострома*

Одной из визитных карточек Костромы является комплекс каменных торговых рядов, построенных в кон. XVIII – пер. пол. XIX в. Первым зданием будущего ансамбля стал Гостиный двор (Красные ряды), возведенный в 1791-1796 гг. Место для строительства было выбрано не случайно – там, где сейчас находится Гостиный двор, в XVII-XVIII вв. размещался городской торг. Данная территория прилегла к детинцу Второго (II) Костромского кремля («Старый город», 1416 г.) и именовалась «Новым городом». Огороженный деревянными стенами в 1619 г., «Новый город» представлял собой посад – помимо жилых дворов здесь функционировал общегородской рынок, размещались хозяйственные постройки (амбары, сараи, погреба и др.), стояли храмы. Посад был настоящим общественным узлом деревянной Костромы – горожане стекались сюда, чтобы торговать, решать деловые вопросы, обмениваться новостями, прогуливаться и посещать богослужения.

В XVII в. на территории «Нового города» имелся 21 торговый «ряд», насчитывавший 714 хозяйственных сооружений (494 лавки и 220 амбаров), еще 148 лавок

стояли поодиночке, при этом некоторые из них, ввиду ограниченности пространства «Нового города», располагались у крепостных стен и по склону Молочной горы¹. В материалах, собранных Я. Крживоблоцким, отдельно упоминается «... гостиный двор с четырьмя амбарами»². Возможно, это была торговая площадка для приезжих купцов, не включенная в состав постоянно функционировавших торговых рядов.

Если о ранней истории общегородского торгового центра мы знаем из опубликованной «Писцовой книги г. Костромы»³, хронологически ограниченной 1630 г., то данных об изменении торговой инфраструктуры «Нового города» во вт. пол. XVII – XVIII в. у нас практически нет. Дополнительный интерес к этапам застройки городского торгового центра связан с новыми материалами, по-

1 Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. Сост. Я. Крживоблоцкий. СПб, 1861. С. 581-582.

2 Там же. С. 582.

3 Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629-30 гг. / Археограф. подгот. Л.А. Ковалевой; Сост.: Л.А. Ковалева, О.Ю. Кивокурцева. Кострома, 2004. 432 с.

лученными в ходе археологических работ на территории Красных рядов в 2013-2016 гг.⁴

Уже опубликованные сведения, содержащиеся в многочисленных краеведческих и научно-популярных работах, достаточно однотипны: основной упор в них сделан на хронологию строительства и основные архитектурные особенности Красных и Мелочных рядов⁵. Некоторые публикации посвящены непосредственно С.А. Воротилову, и сведения о его последнем проекте – Гостином дворе – представлены в них исключительно в контексте творческой биографии зодчего⁶.

Более конкретные факты отражены в архивных источниках. На данном этапе исследования истории строительства Гостиного двора мы обратились к материалам фондов Государственного архива Костромской области (ГАКО). В первую очередь, речь идет о документах фонда Костромской городской думы (Ф. 497), которая принимала основные решения и собирала все сведения касательно возведения каменных рядов. Стоит от-

метить, что после пожара 1982 г. многие документы ГАКО были утрачены, некоторые – сохранились лишь фрагментарно. Часть пробелов восполняется благодаря записям костромского искусствоведа Евгения Кудряшова (Р-513), работавшего со многими архивными фондами до пожара и успевшего переписать ряд фрагментов утраченных текстов с полным соответствием оригиналу. Частично эти наработки опубликованы Кудряшовым в его работе «Архитектурный ансамбль центра Костромы»⁷.

Итак, нам известно, что в 1773 г. пожар уничтожил практически всю застройку Костромы, в том числе, деревянные укрепления посада и торговые помещения. Торговцам в спешном порядке приходилось возводить новые лавки, мало заботясь об их конструктивных особенностях и внешнем виде. Согласно плану регулярной перепланировки города, утвержденному к 1781 г., его центральная часть должна была быть застроена согласно «образцам». Власти отмечали необходимость наблюдать за прочностью городских зданий, в том числе, амбаров и магазинов, что «*может быть для города потребно, выгодно и полезно*»⁸. Страдавшая от постоянных пожаров, хаотично спланированная «дорегулярная» Кострома приобретала новый, каменный облик.

В рамках формирования архитектурной композиции центральной городской площади, в 1787 г. городские власти приняли решение о возведении каменного Гостиного двора. Предложение о строительстве нового торгового комплекса поступило от председателя Костромского

4 Основные итоги и перспективы данных исследований подробно описаны в коллективной статье А.В. Гороховой, А.С. Лазарева и И.А. Бушуева, представленной в настоящем сборнике.

5 Бочков В.Н. Каменная Кострома // Северная правда, 1977, №210(17078), 6 сентября 1977 г., С. 4; Он же. Старая Кострома. Рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997. С. 9; Василенко А. Прогулки по улицам Костромы. Кн.1. Кострома, 2013. С. 172-179; Иванов В. Кострома. М., 1970. С. 112-114; Из истории Костромы (история создания торговых рядов) // Северная правда, 1947, №139(8268), 16 июля 1947 г. С. 2; Кострома. Памятники архитектуры. М., 1974. С. 8; Памятники архитектуры Костромской области. Вып.1. Ч.1. Кострома, 1996. С. 16-21; Разумовская И.М. Кострома. Л., 1989. С. 9-10, 116-118.

6 Кудряшов Е.В. Художественная культура Костромского края XVI-XIX вв. Кострома, 2004. С. 59-77; Демидов С.В. Архитектор С.А. Воротилов // Костромская земля. Вып.3. 1995. С. 4-12.

7 Кудряшов Е.В. Архитектурный ансамбль центра Костромы. Ярославль, 1992. С. 14-20.

8 ГАКО. Ф.497. Костромская городская дума. Оп.3. Д.2. Журналы заседаний шестигласной думы. 10.01.1788 г. – 20.12.1788 г. Л. 16(об.).

наместнического правления, генерал-майора Ивана Варфоломеевича Ламба и было обсуждено на заседании Городового магистрата 24 сентября 1787 г.⁹ В сообщении магистрата отмечалось: «... теперешнему Гостиному двору, как оной ныне есть, никак оставаться невозможно по ветхости оною, по тесноте и неудобному расположению»¹⁰. Автором проекта (плана и фасада) стал исполняющий обязанности главного архитектора Костромского и Владимирского наместничеств Карл Генрих Клер.

Документы сообщают, что на заседании Шестигласной думы 23 февраля 1788 г. речь шла о необходимости немедленного строения Гостиного двора¹¹. Купцы, пожелавшие иметь там лавки, должны были в срок до марта 1788 г. определиться с их количеством, а также с организацией процесса удаления временных деревянных конструкций¹². К концу сентября того же года была принята резолюция Костромской общей думы «... об объявлении костромским купцам и мещанам решения о постройке по плану торговых, хлебных, мясных, рыбных и лапотных рядов»¹³. Подряд на строительные работы был заключен с зодчим из посада Большие Соли (Костромской уезд) Степаном Андреевичем Воротиловым (1741-1792 гг.). Не установлено, когда точно был заключен данный подряд, однако доподлинно известно, что в его реализации принимали братья архитектора Иван и Петр, его сын Ефрем, а также земляки

(«усольцы»), каменщики Киприан Трубников и Андрей Шумилов¹⁴.

В 1791 г. строительство Гостиного двора уже шло полным ходом, однако в отчетной документации отмечалось, что в том году «... каменные лавки не все обделаны и «снарядом окончаны»» и «внутри неотделано»¹⁵. Затруднения были связаны с определением точного числа заказчиков лавок и решением вопросов о заготовке, доставке и оплате материалов. 6 мая 1791 г. Костромское наместническое правление направило всем владельцам лавок во вновь строящемся Гостином дворе указ о доставлении сведений о количестве заказанных ими лавок, их номерах и средствах, на которые они строились¹⁶. Отметим, что среди заказчиков встречаются представители выдающихся костромских фамилий – Ашастины, Солодовниковы, Углечаниновы, Стригалева, Перекладовы.

16 июля 1791 г. С.А. Воротиллов представил в Городскую шестигласную думу расписку, в которой обязывался успешно и порядочно исполнять начатые в Костроме работы по возведению каменных строений, обещал «старание прилагать», а также заверял, что без ведома Думы отлучаться из города не будет, а в случае самовольного отлучения будет готов выплатить соответствующий штраф и пени по нему¹⁷.

Жизнь в городе шла своим чередом, костромичи нуждались в возможности покупать и продавать товары, поэтому на время строительства каменных рядов были возведены временные деревянные

9 ГАКО. Р-513. Евгений Кудряшов. Оп.1. Д.7. гор. Кострома. Здание Красных рядов, 1791-1796 гг. Л. 2.

10 Там же.

11 ГАКО. Ф.497. Оп.3. Д.2. Л. 19-19(об.).

12 ГАКО. Р-513. Оп.1. Д.7. Л. 4.

13 Там же. Л. 5.

14 Там же. Л. 15.

15 Там же. Л. 13-14.

16 ГАКО. Ф.497. Оп.2. Д.8. Сообщение Костромского городского магистрата о постройке каменного гостиного двора в г. Костроме. ч.1. 16.11.1791 г. Л. 1-25.

17 Там же. Л. 29.

лавки. В объявлении, направленном 7 ноября 1791 г. в Городскую шестигласную думу от имени старосты торговцев суровской линии, мещанина А. Беклемишева, сообщается, что костромские купцы и мещане, торговавшие в «... построенной на время не по плану Суровской деревянной линии...», не могут перейти в новопостроенный каменный ряд, т.к. он еще не готов, хотя некоторые лавки в нем «... совсем отстроены и снарядом окончаны». В тексте также говорится об опасениях насчет нечаянного пожарного случая. Видимо, напуганные недавними катаклизмами торговцы боялись, что ненадежные деревянные лавки могут вспыхнуть вновь¹⁸. К документу прилагается «имянной регистр», в котором указаны номера лавок, имена их хозяев и стадия завершения. К сожалению, регистр пострадал от огня, и часть содержащейся в нем информации утрачена или не может быть идентифицирована¹⁹.

На первом этапе строительство осуществлялось в соответствии с изначальным проектом, однако когда было возведено значительное количество лавок, Воротилов решил отступить от исходных планов²⁰. Как отмечено в «Сообщениях городского магистрата...», зодчий работал «... по плану и фасаду», но «... вместе с тем, «с прибавлением на аршин [0,71 м] ширины оных (лавок)»»²¹.

Не успев довести задуманное до конца, 14 ноября 1792 г. Степан Андреевич скоропостижно скончался. Работы продолжили его сын Ефрем и брат Петр. Род-

ственники зодчего оказались в непростой ситуации: заказчики желали как можно быстрее получить готовые торговые помещения, однако сроки окончания работ, и без того затянувшиеся в связи с болезнью и смертью Воротилова, неуклонно сдвигались. Вынужденные пользоваться деревянными дощатыми помещениями торговцы просто жаждали быстрее перебраться в каменные лавки. Дополнительные трудности были вызваны решением Воротилова выстроить башню над юго-западным проездом, служившую бы колокольней для Спасской церкви, приведшее к увеличению первоначальной сметы. В течение 1792-1793 гг. подрядчики дважды обращались в Городскую думу с просьбой о выделении дополнительных сумм для этой цели²². В итоге требуемая сумма для оплаты работ была разделена между заказчиками лавок в Гостином дворе по их количеству.

В июне 1793 г. Воротиловы подали прошение в Костромское наместническое правление, в котором объясняли задержку сроков окончания строительства Гостиного двора. Причина была проста – С.А. Воротилов, заключивший контракт с городом, обещал «... в кожевенной, рукавишной и сапожной линиях построить своим коштом [т.е. за счет собственных материалов – И.Б.] каменных пятнадцать лавок, должен был он вчерне их сделать прошлым еще летом [1792 г. – И.Б.], а совершенно их отделать к 15 числу будущего месяца августа [к августу 1793 г. – И.Б.]»²³, однако не успел. Ефрем и Петр оказались заложниками обстоятельств. Помимо подряда на Гостиный двор, они имели сторонние обязательства, в то время как расценки на строительные материалы и рабочие руки выросли, а

18 ГАКО. Ф.497. Оп.2. Д.8. Сообщение Костромского городского магистрата о постройке каменного гостиного двора в г. Костроме. ч.1. 16.11.1791 г. Л. 29.

19 Там же. Л. 42-43.

20 Кудряшов Е.В. Художественная культура Костромского края XVI-XIX вв... С. 71.

21 ГАКО. Р-513. Оп.1. Д.7. Л. 15.

22 Там же. Л. 11.

23 Там же. Л. 17.

деньги, причитавшиеся на покупку материалов и найм рабочих, были взысканы с заказчиков – будущих хозяев лавок – не полностью²⁴.

Дополнительные статьи расходов были обусловлены необходимостью возведения ворот у проезда к Спасской церкви и устройства проходов на углах торговых линий. Деньги не были получены за 2 устроенных сквозных прохода (каждый по 350 р., т.е. всего 700 р.), а также за указанные ворота (750 р.). Кроме того, изменение размеров лавок (и, соответственно, линий) привело к дополнительным трудностям – для того, чтобы сомкнуть две линии пришлось переделывать наугольную лавку возле прохода к Благовещенской церкви, что было оценено подрядчиками еще в 400 руб. Таким образом, итоговая сумма задолженности составила 1850 руб.²⁵.

Заказчики лавок в сапожной, кожевенной и рукавишной линиях – купец Иван Вавилов, мещане Иван Стригалева и Алексей Рукавишников – в поданном в Костромское наместническое правление прошении «прописывали», что С.А. Воротилов при поручительстве сына, братьев, а также «усольцев» Трубникова и Шумилова подписался на строительство в их линиях «... каменных лавок, дверей и кровель к ним железных, по плану и фасаду, с прибавлением на аршин [0,71 м] оных...»²⁶ при использовании собственных материалов ценой 1000 руб. за каждую лавку. Подряд подразумевал следующие сроки окончания работ: к лету 1792 г. должна была быть окончена черновая отделка и кровельные работы, а к 15 августа 1793 г. лавки должны были быть оштукатурены и выкрашены, в них должны

были быть высланы полы. Для выполнения поставленных задач вместе с Воротиловым должны были «безотлучно» работать не менее 30 рабочих²⁷.

Смерть зодчего нарушила все изначальные планы. Несмотря на все старания его сына и брата, к лету 1793 г. лавки не были достроены даже «вчерне», о кровле речи даже и не шло. Работников было куда меньше установленного контрактом количества в 30 человек, некоторые материалы не были изготовлены, а некоторые – готовы, но деньги за них уплачены не были²⁸. В большинстве своем заказчики заплатили за лавки по 800 руб., таким образом, дефицит бюджета на завершение строительства составлял около 200 руб. за каждое торговое помещение.

В итоге сложилась следующая ситуация: ряд купцов и мещан, вложивших средства в строительство Гостиного двора, требовали от «осиротевших» Воротиловых скорейшего выполнения обязательств по подряду. Сами Воротиловы не могли окончить работы в срок, так как далеко не все заказчики полностью рассчитались за свои лавки. Покойный Степан Андреевич обязался строить «своекоштно», однако недостаток средств не позволял его наследникам выкупить все требующиеся стройматериалы. Кроме того, цены на материалы и рабочие руки со времени начала строительства возросли, что дополнительно осложняло правильное сведение бюджета. Как результат – недостаток материалов, малое количество задействованных рабочих рук и задержка сроков сдачи помещений.

Наличие должников привело к составлению «реестра», в котором указаны названия строящихся торговых линий и количество лавок в них.

24 ГАКО. Р-513. Оп.1. Д.7. Л.17-18.

25 Там же. Л. 18.

26 Там же. Л. 19.

27 Там же. Л. 19-20.

28 Там же. Л. 21.

Так в суровской линии, которая проходила «по лицу главной Екатеринославской площади» и была параллельна мучному ряду («мушной каменной линии», возможно, имеются в виду Большие мучные ряды), насчитывалось «от одного прохода до другого» 26 лавок. От суровской линии к Спасской церкви – 6 лавок. Еще одна лавка, принадлежащая к кожевенной линии, располагалась «... от другого прохода к Благовещенской церкви». К данным линиям относятся одни ворота и два прохода, которые были устроены С.А. Воротиловым за счет материалов торговцев Михаила Дурыгина и Андрея Воробьева. В овощной линии «... по лицу к собору...» – 19 лавок, проход к овощной линии был построен на деньги подрядчика, из его же материалов. В кожевенной, сапожной и рукавишной линиях «... по лицу от Благовещенской церкви и от рва сухова [вероятно, имеется в виду осушенный ров II Кремля – И.Б.] ...» насчитывалось 15 лавок, строившихся из материалов подрядчика, ровно как и относившиеся к указанным линиям ворота. В документе указана недостающая сумма за данные лавки и ворота – 1000 р. за лавку и 750 р. за ворота. В передней линии возле Спасской церкви насчитывалось 6 лавок, построенных на средства заказчиков: 2 слева от храма (относились к суровской линии) и 4 в правой стороне (относились к прянишной линии). Еще 2 угловых лавки с обеих сторон от прохода «к мосту» были построены из материалов подрядчика. К указанным 8 лавкам у церкви проходы были устроены на средства заказчиков, ворота же «... з башнею и с колоннами» строились из общественной суммы, взимаемой с хозяев каждой лавки в Гостином дворе. Кроме того, в овощном ряду строились еще 6 лавок (5 на средства заказчиков и 1 на сред-

ства подрядчика), возведение которых началось позже прочих. В связи с этим возникла еще одна проблема – заказчики данных лавок не вносили средства на устройство ворот и проходов. Таким образом, всего в Гостином дворе строилась 81 лавка, при этом на каждые 20 лавки полагалось устроить ворота и проход. Всего должны были быть устроены 4 ворот и 4 прохода на общую сумму в 4400 р.²⁹.

Все заминки со своевременным внесением плат за работы и решением вопросов об устройстве необходимых для общего пользования ворот и проходов привели к тому, что даже в 1795 г. ряды в некоторых своих частях стояли «вчерне», «неокончанны». Если некоторые купцы овощной линии смогли занять свои лавки и начать торговлю еще в ноябре предыдущего года, то в суровской, яблочной и в большей части той же овощной линии строительные работы не были закончены и в июне 1795 г. – во многих лавках не были навешены железные двери, не оштукатурены стены, отсутствовала каменная отмостка полов³⁰.

Итогом затянувшейся саги о строительстве Гостиного двора стало отстранение Ефрема и Петра Воротиловых от работ. По всей видимости, это произошло в кон. 1794 г. Официальные причины этого решения так и остались неизвестными. Вероятнее всего, проблема все же заключалась в задержке сроков сдачи объекта.

Видимо, смена подрядчика положительно повлияла на ускорение производства работ. В ведомости от 1795 г. в Костроме уже числятся 2 каменных Гостиных двора (скорее всего, имеются в виду и Красные, и Большие Мучные ряды), в

29 ГАКО. Р-513. Оп.1. Д.7. Л. 23-25.

30 Там же. Л. 28-30.

которых торговали хлебными и прочими припасами, мелкими товарами, сукном и тканями³¹.

На заключительном этапе строительством руководил уездный землемер Иван Гове, исполнявший обязанности губернского архитектора. Он исправил смету, составленную еще С.А. Воротиловым. Под его руководством в 1795-1796 гг. достраивались сапожная, кожевенная и рукавишная линии и были переложены своды некоторых лавок³². Также была осуществлена внутренняя отделка торговых помещений (оштукатурены стены, замощены камнем полы, навешены железные двери и оконные ставни), благоустроена территория Гостиного двора и «выпланирована» улица возле Спасской церкви, напротив башни Гостиного двора³³.

К 1796 г. Гостиный двор был достроен полностью. Первоначально его прямоугольник не был замкнут, на углах были оставлены сквозные проходы со сводчатыми перекрытиями. В «задней» галерее (со двора) полы были выстланы в два ряда красного кирпича, в галерее установлены столбы и карнизы, а внутри лавок стены своды и потолки были оштукатурены («с гвоздями щекотурными»). При сооружении корпусов был использован тесаный белый камень, сцепленный железными крюками, покрытие крыш – по стропилам листовым железом, затворы – железные. Угловые проходы имели железное покрытие³⁴.

Любой архитектурный проект, несмотря на всю внешнюю красоту и презента-

бельность, так или иначе приспособляется под конкретные нужды местных жителей. Так было и с Гостиным двором, который в течение XIX в. неоднократно достраивался и переустраивался, что было связано с темпами роста продажи как местных, так и привозных товаров, и следственной необходимостью расширения торговых и складских площадей. В 1828-1833 гг. к задней галерее были сделаны деревянные и каменные приделки к кожевенной и сапожной линиям, составившие рукавишный ряд³⁵. В тот же период (1830-1832 гг.) по предложению губернской строительной комиссии под руководством архитектора П.И. Фурсова внутри Гостиного двора были возведены 4 каменных корпуса Мелочных рядов. Данные корпуса были построены взамен пришедших в ветхость деревянных лавок³⁶. Наличие деревянных лавок было связано с тем, что далеко не все костромские торговцы могли обзавестись собственными торговыми площадями в каменных рядах, поэтому многие из них стали возводить деревянные палатки и «лари» внутри Гостиного двора, зачастую не согласуя их с местными властями.

Е.В. Кудряшов отмечал активность местного купечества в деле приспособления помещений рядов соответственно собственным соображениям и нуждам: «... примерно с 60-х гг. XIX века складские помещения лавок были увеличены путем закладки арок дворовой галереи, пристроек к лавкам со двора, надстроек над кладовыми и т.д. Строительное отделение Костромского губернского правления, с разрешения которого производились все эти переделки, шло буквально на поводу у костромских куп-

31 ГАКО. Ф.497. Оп.3. Д.89а.

Ведомости о количестве жителей в г. Костроме, зданий, церквей, заводов, о занятиях. 1795 г. Л. 3(об).

32 ГАКО. Р-513. Оп.1. Д.7. Л. 32-33.

33 Кудряшов Е.В. Художественная культура Костромского края XVI-XIX вв... С. 71.

34 ГАКО. Р-513. Оп.1. Д.7. Л. 65-66.

35 Там же. Л. 34-35.

36 Кострома. Памятники архитектуры. М., 1974. С. 9.

цов, преднамеренно искажавших по своему произволу первоначальный облик Гостиного двора»³⁷. Еще 2 корпуса в северо-западной части Гостиного двора возводятся в 1874-1875 гг., однако и эти меры не «успокоили» костромских дельцов, желавших видоизменить ряды исходя из практических, а не эстетических нужд. В документах 1878 г. неоднократно сообщается о закладке арок со стороны двора³⁸. Еще одним вариантом для расширения площади были так называемые надстройки. Так в том же году костромским купцам Геннадию и Петру Трубниковым было разрешено сделать «... надстройку второго этажа над существующими каменными кладовыми по образцу смежных с ними кладовых»³⁹. В 1883 г. имела место «... закладка арок для лавок купеческой вдовы Екатерины Васильевны Акатовой». В 1885 г. была заложена галерея при лавке купца Геннадия Александровича Клеченова, еще спустя 3 года в принадлежащих ему же лавках в кожевенной линии были учинены «всякого рода перестройки»⁴⁰. И это лишь некоторые из тех изменений, которые были внесены в первоначальную конструкцию Гостиного двора в XIX в.

С течением времени изначальная планировка здания была полностью изменена.

Таким образом, архивные документы значительно дополняют опубликованные сведения о строительстве Гостиного двора г. Костромы. Они позволяют установить фамилии заказчиков лавок, уточнить размеры устраиваемых помещений, проследить хронологию застройки и разобраться во многих сопутствующих процессу строительства вопросах. Стоит отметить, что работы по всестороннему изучению истории строительства и функционирования торговых рядов г. Костромы продолжаются и в настоящее время. Речь идет и об археологическом изучении занимаемой ансамблем территории, и о работе с архивными фондами (в т.ч. в центральных архивах) и литературой. Вся совокупность полученной информации позволит наиболее полно раскрыть вопросы о процессе строительства рядов, его сроках, конструктивных особенностях возводимых построек, их дальнейшей реконструкции. Основным итогом данных изысканий станет введение в научный оборот новых сведения об истории застройки и быта центральной части г. Костромы в XVI-XIX вв.

37 Кудряшов Е.В. Архитектурный ансамбль центра Костромы... С. 17.

38 ГАКО. Р-513. Оп.1. Д.7. Л. 38-39.

39 Там же. Л. 40.

40 Там же. Л. 41-43.

НОВОЕ О ВЯЗЕМСКОМ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Костромской области в рамках научного проекта № 17-14-44001

О.В. Горохова

Военная академия РХБ защиты, г. Кострома

Значение красносельской усадьбы в жизни и творчестве князя Петра Андреевича Вяземского (1792-1878) как личными, так и костромскими исследователями явно недооценивается. Так же, впрочем, как и усадьбы Щельково в жизни и творчестве Александра Николаевича Островского когда-то.

Причем большинству костромских исследователей о первой ничего не известно.

Во всяком случае, в сборнике статей под названием «Костромская усадьба»¹ никаких упоминаний о красносельской усадьбе князей Вяземских нет.

Во втором выпуске «Памятников архитектуры Костромской области», посвященном Костромскому и Красносельскому районам, правда, сообщается, что «в 1-й четв. 19 в. в Красном имел усадьбу выдающийся русский поэт Петр Андреевич Вяземский. Она располагалась в юго-вост. части села неподалеку от площади и до сих пор сохранила остаток парка. В 1827 г. эта усадьба сгорела вместе со всем

имением»², но утверждается, что «после пожара в 1827 г., практически полностью уничтожившего село, усадьба, очевидно, не восстанавливалась. Впоследствии ее территория была застроена»³.

Этими предположениями все сведения об усадьбе, собственно, и ограничиваются.

И после того пожара, как нетрудно догадаться, бесприютный поэт больше не бывал в своем имении, либо жил там в шалахе и писал стихи на пеньке.

А между тем, красносельская усадьба была восстановлена если не в том же, то следующем году – к его летнему посещению, в продолжение которого он познакомился с Анной Ивановной Готовцевой и сообщил о ней Пушкину.

В 1816 г. в усадьбе был написан «Вечер на Волге», а 1854 г. о ней – «Рябина»:

*И предо мною – Русь родная;
Знакомый пруд, знакомый дом;
Вот и дорожка столбовая
С своим зажиточным селом...*

1 Костромская усадьба / Т.В. Йенсен, И.Ю. Кондратьева, Д.Б. Ойнас, А.И. Сорокин.- Кострома, 2005.

2 Памятники архитектуры Костромской области: Каталог. Кострома, 2000. Вып. II. С. 148.

3 Там же. С. 175.

27 августа 1817 г. из красносельской усадьбы Петр Андреевич Вяземский писал Александру Ивановичу Тургеневу (1784-1845): «Здравствуйте, мои Арзамасцы! Что сказать вам с берегов Волги? Лучше ничего не придумаю, как то, что я взял с собою в дорогу из книг: Жуковского и «Кума Матвея»⁴[Анри Дюлорана, 1719-1797], или «Кума Матвея» и Жуковского»⁵.

Родовая библиотека князей Вяземских в родовой усадьбе Остафьево Подольского уезда Московской губернии после закрытия государственного музея, существовавшего в Остафьеве в 1918-1930 гг., в количестве 40000 т. была передана Государственной библиотеке СССР имени Ленина (ГБЛ), но, как отмечалось ее исследователем, «это «ценное собрание» не было выделено в отдельное хранение», вследствие чего «в эти же годы книги из остафьевской библиотеки попадают и в другие организации – в «Международную книгу», в Музей изобразительных искусств в Москве, во многие библиотеки и архивохранилища страны» и даже «встречались также на полках букинистических магазинов и у некоторых коллекционеров»⁶.

ГБЛ, как уже сообщалось⁷, миновали также три привезенных им из Остафьева и ныне хранящихся в КОУНБ⁸ издания с владельческими надписями на шмуцтитуле коричневыми чернилами «P. Wiasemsky», т. е. «Pierre Wiasemsky» или «Prince Wiasemsky», которые поэт оставлял на своих книгах.

По сведениям на 1831 г. имение, помимо нескольких совместных владений, включало волостное село Красное с 407, в т.ч. 185 оброчными, и окрестные деревни Абрамово с 74, Сухарь с 26, Безгачево с 37, Матвеевскую со 106, Захарово с 27, Петровку с 19, Петрушино с 14, Волойки с 56, Рогачево с 43, Лазарево с 20, Квашнино с 5, Первушино с 22 и Новую с 10 мужскими душами крестьян, причем усадьба занимала 22 десятины, лес строевой – 450 десятин, лес дровяной – 814, бечевник (бурлацкая тропа) по берегу Волги – 535, пахотная земля – 356, неудобная – 588, сенокосная – 213, в т. ч. 79 на о. Малом на Волге, и ежегодный озимый посев составлял 534 четверти, яровой – 1068 четвертей⁹.

4 Дюлоран, Анри-Жозеф. Кум Матвей, или Превратности человеческого ума: в 4 ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1803.

5 Остафьевский архив кн. Вяземских: в 5 т. / под ред. и с прим. В.И. Саитова. СПб., 1899. Т. I: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812-1819. С. 83.

6 Светлов А. Книжное собрание князей Вяземских // Библиофил: Люди, рукописи, книги. Тайны и открытия. М., 2001. Вып. 2 (5). С. 53.

7 Горохова О.В. Собрание князей Вяземских в Костромской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской // Библиофильство и личные собрания. Первая междунар. конф., Москва, 31 марта 2011 г. М., 2011. С. 127-132.

8 Бегичев Д.Н. Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия: сочинение автора «Семейства Холмских»: в 3 ч. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1840; Вельтман А.Ф. Сердце и думка: приключения. Ч. 1. М.: Тип. Н. Степанова, 1838. 174 с.; Жирарден А.И. Маркиз де Понтаж / г-жи Жирарден, урожденной Дельфины Ге; пер. с фр. Ч. 1. СПб.: Тип. А. Смирдина, И. Глазунова и К°, 1836. 264 с.

9 ГАКО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 918. Л. 2-8.

ПО СТРАНИЦАМ РУКОПИСИ СВЯЩЕННИКА А. ГОРСКОГО: ХРОНОЛОГИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СОБЫТИЙ В КОСТРОМЕ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ В 1880-1888 гг.

Анциферов А.Л., Баукина Е.В.

ОГБУК «Музей природы Костромской области», г. Кострома

*«...Дневники, автобиографии и т. п.
имеют единственное в своем роде значение
и не могут быть заменены другими источниками...»
(А.С. Лаппо-Данилевский)¹*

Самая малозаметная и заурядная случайность становится важнейшим дополнением, а может и причиной уже более масштабного явления, такого, которое мы называем «историческим событием». Несомненно, важную роль для познания исторической действительности играют документы личного происхождения, например, такие, как частные рукописные дневники. В данном случае, рукопись Александра Горского¹, православного священнослужителя приходской

¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 592.

¹ Горский А. «Памятная тетрадь города Костромы, Спасской церкви, что за рекою Волгою священника Александра Горского» [рукопись]. Кострома: из фонда ОГБУК «Музей природы Костромской области». В/х № 1816. Акт № 8 от 18.09.2017 г.

Спасской церкви (год постройки – 1688), что в Спасской слободе Костромского Заволжья², является уникальным историческим памятником второй половины XIX столетия (более точно – 1880-1888 гг.), имеющим значение как подлинный источник для восстановления мельчайших исторических деталей и событий более крупного масштаба.

Подробности наследования данного предмета Музеем природы пока не достаточно ясны. Известно лишь краткое упоминание о нем в машинописной рукописи Е.К. Беяшиной «Из истории заволжско-

² Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. Издание редакции Костромских епархиальных ведомостей. Кострома: Губернская типография, 1911. С. 18.

го района»³ и указание на факт передачи дневника в Костромской краеведческий музей, составной частью которого (в виде структурного отдела) и являлся на тот период современный Костромской музей природы. Предметная характеристика документа, результаты исследований биографических и личностных данных автора дневника подробно изложены в предыдущих публикациях⁴.

Свой труд отец Александр обозначил на титульной странице как «Памятная тетрадь города Костромы, Спасской церкви, что за рекою Волгою Священника Александра Горского 1880 года октября 21 дня». Все повествование ограничено промежутком времени от 1880 до 1888 гг., с того момента, как автор приступил к службе на новом приходе. Записи производились не синхронно происходящим событиям, а часто с большим запозданием, по истечении продолжительного времени, по памяти, насколько это было возможно. Разумеется, это не лучшим образом сказалось на полноте освещаемых событий.

В нижеследующей части статьи представляются оригинальные выдержки из рукописи, представляющие собой хронологию фактов тех или иных чрезвычайных событий в городе Костроме и ее окрестностях, зафиксированных А. Горским на страницах своего дневника в период с 1880 по 1888 гг.

3 Беяшина Е. К. «Из истории заволжского района» [Рукопись]. Кострома: из фонда КОУНБ, 1966. С. 2.

4 Анциферов А.Л., Баукина Е.В. Костромское Заволжье конца XIX века в рукописных очерках священника А. Горского // Сборник научных трудов музея природы Костромской области. Выпуск 1: Естествознание и музейная педагогика. Кострома, ОГБУК «Музей природы Костромской области», 2016. С. 33-49.

1880 год: аномальная жара

— В июне несколько дней были очень жаркие – около 40 градусов тепла. Жара была ужасная. 1880 год совершенно жаркий, мука страшная. Все запасы продуктов портятся.

1882 год: засуха и холод

— Лето 1882 г. знойное и сухое. В июне сухо, был только один дождь; в начале августа – два дождя, а затем до конца лета – полнейшее бездождие. При постоянной сильной жаре следовало ожидать гроз, но их все не было.

— До 12 сентября погода благоприятная и теплая кроме немногих холодных дней. Первый снег выпал в ночь на 22 сентября, затем стало холодно. 5-го октября против Костромы лед остановился, переправа через Волгу довольно затруднительна.

— В ночь на 23 окт. Волга встала при 15 гр. мороза. К вечеру 24 окт. начали ходить пешие и с 27-го стали беспрепятственно и ездить.

— Осень 1882 г. холодная, но не продолжительная. Зима холодная и снежная. В декабре и январе были морозы более 30 градусов. Затем в январе и феврале неприятная погода, особенно надоела постоянная сильная вьюга.

1883 год: пожары при хорошей погоде

— 28-го Марта – пожар у купца Набатова, близ Успенской церкви города Костромы.

Примечание: Успенская церковь утрачена (год постройки – 1798)⁵. Находилась на берегу Волги вблизи улицы Верхней Набережной – современной 1 Мая, рядом

5 Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Справочная книга. С. 20.

с лесопильным заводом Бычковых (ныне предприятия «Костромамебель»).

— 29 марта. В 2 ч. утра пожар в моей приходской деревне Глебцево: сгорело 11 домов и несколько амбаров и сараев. У некоторых и скотина сгорела. Более других в сем случае потерял Федор Гаврилов. Загорелось не известно от чего, у вдовы раскольницы Дарьи Никитиной; у ней сказывают много погорело денег кредитных и не только. 3 Апр. в 3 ч. утра сгорела в Спасской Слободе кузница Петра Васильевича Савинова.

— 10 июня ливень (проливной дождь) в продолжении двух часов. Вообще говоря, ныне дождей довольно, а главное всегда вовремя; в остальное время прекрасная погода; ненастья вовсе почти не было. Было немножко холодных дней в июне месяце, но это Господь устраивает для нашего блага. Сенокос ныне ведрянной. Грибов, огурцов – обилие; ягод, хотя не всех родов, достаточно. Волга ныне не мелеет, как это было в прошедшем году.

1884 год: гроза, пожары и катастрофы

— 9 Июня – гроза, следствием которой был следующий несчастный случай: в Златоустовской церкви гор. Костромы повредило иконостас; сгорела Сущевская усадьба Зюзина и деревня Исады.

— 30-го июня произошла ужасная Кукуевская катастрофа. На московско-Курской железной дороге в этот день погибло 11 вагонов с 217 пассажирами. Причинами этой катастрофы был противный дождь, размывший дорожную насыпь.

— 7-го Сентября горящая на Волге баржа грозила опасностью Спасской Слободе; но по воле Божией, ветер понес ее сначала вдоль по течению Волги, а потом, к противоположному берегу, г. Костроме, в следствие чего сгорела

коммерческая пристань да Аристовская пустая баржа. Так видно было угодно Господу.

— 25 Апреля во 2-м часу утра сгорел надворный флигель у Чубарева.

1885 год: пожар, природные катаклизмы, болезни

— В ночь на 14 мая гнев Божий – великое попущение Божие постигло Спасскую и Никольскую Слободы, – это страшный пожар, начавшийся с дома Чокушкиных и истребивший лучшие части обеих Слобод. Собственно домов сгорело до 30, а всех строений – больше 50; всего убытков от пожара, сказывают, до 80 тысяч. Того, кого же любит Господь, наказует, говорит Апостол.

— С 13-22 мая уже до сего 9-го июня постоянно дождь и скверно. Вторая половина июня и первая июля – сильная жара, дождей почти нет. 3 июля побилло градом ржаной и яровой хлеб в деревнях Глебцево и Задубье. Много, говорят, градобитий и в других местах. Вторая половина июля и первая августа несколько переменено – зной уменьшился; в воздухе зловоние, говорят от горящих лесов.

— Лето знойное, грозное с градобитием. Осень дождливая. Урожай хлеба, особенно ярового, скудный; травы достаточно.

— В сем году в моем приходе были болезни: скарлатина, оспа, в дер. Глебцево горячка, от коей тут умерло двое, да в Говядиново один.

1886 год: пожар

— 3 августа опустошительный пожар в приходской деревне Середней; сгорело более 20 домов, да много так называемых холостых, огуменных построек. А между

тем, через 3 дня у нас храмовый праздник, – не радостный будет праздник у несчастных погорельцев. Да поможет Господь бедным снова устроиться. Господь наказывает и милует.

– Зима 1886 года умеренная, только в январе было несколько лютых морозов; снегу очень мало.

1887 год: пожары, затмение Солнца

– Весна 1887 г. с благовременными дождями, только утренние морозы много повредили цветку некоторых ягод, особенно земляники. Волга открылась 10 апреля. Лето дождливое с ветром и с громом, 27 июня необыкновенный град – в четверть фунта. Осень дождливая. Волга покрылась льдом 8 ноября. Вообще, год плодородный, – особенно урожай ярового хлеба обильный; травы много, но уборка худая, осенние наводнения затопили множество стогов сена.

– 15 Мая – сильный пожар в Селищах; 18 мая – опустошительный пожар в Костроме.

– 7 Августа сего 1887 г. – необыкновенное, давно небывалое полное затмение Солнца, вследствие прохождения Луны между Солнцем и Землей. Наблюдатели этого явления особенно недовольны сумрачным утром, в ясный день это явление было бы гораздо величественнее и поразительнее.

1888 год: заметки о погоде и катастрофа на железной дороге

– Весна 88 г. ранняя, в марте сначала тепло и ясно, затем, – холодно, дожди; лето почти все холодное и дождливое, в июле была жара, способствовавшая благоприятному сенокосу. Волга открылась 24-28 марта, и покрылась льдом 24 октября в 3 ч. Пополудни, 25-го начали

ходить, 27 – ездить. Осень, как большую частью бывает, не постоянная. Сентябрь 30 (исключение) – сильная гроза, продолжалась с 2-х часов ночи до 8 утра. Ожидался год урожайный, но вышло напротив, небывалое летнее наводнение вследствие постоянных сильных дождей, сильно затопило. 16 и 19 апреля – гром и молния, 15 октября выпало снега на 1/2 аршина, хорошая санная езда. 14-24 октября по Волге ледоход, но пароход еще возит; а 5 ноября – оттепель, снег почти весь стаял. В ноябре и декабре – жестокие морозы, с 22 ноября и декабрь почти весь морозный.

– 17 Октября 1888 г. – крушение царского поезда на Азовско-Харьковско-Курской железной дороге. Семейство Государя Императора чудесно спасено от гибели; установлено в этот день особенное празднование.

Тематическое содержание рукописи разнообразно, и среди прочих аспектов дневника наиболее отчетливо выделяются описания наблюдений редких климатических явлений и изменений в окружающей природе, заметки о погодных катаклизмах и чрезвычайных происшествиях.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КРУЖОК В КОСТРОМЕ В КОНЦЕ 1880-Х ГГ.

(ПО ДОКУМЕНТАЛЬНЫМ МАТЕРИАЛАМ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ).

Славнитский Н.Р.

Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург

Так называемая «сабунаевская» организация, получившая название по фамилии ее лидера М.В. Сабунаева, являлась самой крупной народовольческой группой во второй половине 1880-х годов. Ее ядром стал студенческий кружок в Санкт-Петербурге, но в то же время серьезные кружки имелись и в других городах, в том числе и в Костроме. Боле того, именно в этот город приехал М.В. Сабунаев, бежавший из ссылки в Сибири в октябре 1888 г. и познакомившийся здесь с С.А. Островским и другими¹. Тем не менее костромская и ярославская группы в ходе дознания были выделены полицией в отдельное производство, и в данной работе мы остановимся на деятельности (и судьбе) участников из Костромы, опираясь на документы министерства юстиции.

На официальном языке это звучало следующим образом: «При производстве в 1890 году в Санкт-Петербургском губернском жандармском управлении дознания о тайном противоправительственном кружке, именованном «Санкт-

¹ Цымрина Т.В. Народовольческая организация 1888-1890 гг. // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сборник статей по материалам III международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2011.

Петербургской революционной группой», между прочим, установлено, что один из видных участников этого сообщества дворянин Михаил Сабунаев после побега в октябре 1888 года из Сибири, где он находился в ссылке за совершенное им государственное преступление, преследуя цели противоправительственной агитации, организовал в городах Костроме и Ярославле, в среде учащейся молодежи, революционные кружки, а затем 15 сентября 1889 года созвал в Казани так называемый «съезд» для обсуждения с своими единомышленниками способов дальнейшей преступной деятельности. На съезде этом, в видах успешной пропаганды, было предположено разделить Россию на области, причем область Московская, в район которой входили губернии Московская, Нижегородская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Тверская, Вологодская и Калужская была поручена Сабунаеву, который, не ограничиваясь существовавшими уже в Ярославле и Костроме кружками, предпринял попытку организации таковых в городах Вологде и Владимире...

Сабунаев и главнейшие его пособники, по установлении их виновности, были привлечены к вышепомянутому делу о Санкт-Петербургской революционной

группе и отбывают наказание, определенное им по высочайшему повелению, впоследствии в разрешение указанного дела в 22 день января 1892 г., настоящее же дознание, произведенное также при Санкт-Петербургском жандармском управлении, имеет своим предметом исследование преступной деятельности лиц, вступивших в тайные сношения с Сабунаевым и входивших в состав кружков, обнаруженных в городах Костроме и Ярославле»².

В 1890 г. все они были задержаны полицией. Кроме самого Сабунаева были арестованы: акушерка В.А. Успенская, семинаристы Евгенов, Изюмов и Тарский, реалист 6-го класса Пазухин, гимназист Мухин (скоро освобожденный), кончавшие реалисты Федор Горский и Нарезков, Панибратцев, Попов, Княжевский, чиновники: Ершов, Н.И. Алякритский, кончившая гимназистка Елизавета Тарунина, студенты Алексей Волков, Гаврила Волков, Алексей Преображенский, Николай Коратыгин (в 1896 г. умерший в тюрьме), Владимир Каратыгин, Василий Апушин, Всеволод Барыков (работавший в Костроме как правый эсер в 1917 г.), Стрежнев, Яблочков и др. Часть из них была арестована по этом делу не в Костроме³.

По поводу этого кружка было «установлено», что еще с 1886 года в городе Костроме среди воспитанников местной гимназии, существовал кружок саморазвития, не преследовавший никаких противоправительственных стремлений, участники коего называли себя «членами библиотеки», так как на свои средства приобретали для целей самообразования книги исключительно легального со-

2 Доклад министра юстиции императору, утвержденный 19 сентября 1892 г. // РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 87 – 89 об.

3 Ростопчина М. Очерки по истории революционного движения в Костроме. Кострома, 1922. С. 4.

держания. Кружок этот по прошествии некоторого времени почти распался, но в 1888 году под влиянием проживавших временно в Костроме бывшего студента Казанского университета Георгия Яблокова и студента Демидовского лицея Алексея Волкова возобновились собрания, а также и совместные чтения участников кружка, решивших заняться изучением русской жизни «в видах осуществления социалистического идеала». В январе же 1889 года прибывший из Ярославля в Кострому Сабунаев путем пропаганды революционных идей успел склонить участников прежнего кружка саморазвития к революционной деятельности, выразившейся, как и в Ярославле, в чтении и воспроизведении на гектогарфе подпольных изданий, собирании материалов для изготовления подложных видов и проживания по подложным паспортам для целей преступной агитации»⁴.

То есть прибытие М.В. Сабунаева подстегнуло живших в Костроме «вольнодумцев» к более серьезной деятельности.

Наиболее активную работу развернул 23-летний сын дьякона Семен Александрович Островский, учившийся в Костромской духовной семинарии. Первоначально это заключалось в том, что он написал несколько статей и заметок, занимался изготовлением подложных паспортов, а также привлечением в состав кружка новых членов. А в то время, когда М.В. Сабунаев занялся созданием все-русской народнической организации и подготовкой съезда для этого (он состоялся в Казани), С.А. Островский отправился по его поручению во Владимир для формирования там аналогичного кружка. В этом городе он в декабре 1890 г. был задержан полицией и «подвергнут обыску», но ничего предосудительного тогда

4 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 102-104.

местная полиция не обнаружила, а о его связях с новой организацией народников не было известно. Поэтому арестовывать тогда Семена Александровича не стали. Тем не менее, он решил уехать в Вологду, где некоторое время жил на нелегальном положении, пока не был арестован (10 апреля 1891 г.)⁵, после чего был отправлен в столицу (где уже находились его товарищи) и заключен в одной из камер тюрьмы Трубецкого бастиона Санкт-Петербургской крепости⁶.

Деятельным помощником М.В. Сабунаева был 21-летний сын чиновника Владимир Михайлович Пани-Братцев – выпускник Вологодского реального училища⁷. Еще в Вологде он познакомился с политическими ссыльными, после окончания училища, он приехал в Кострому и там примкнул к группе М.В. Сабунаева, причем часто ездил в Санкт-Петербург, сыграл важную роль в налаживании связей с санкт-петербургским кружком, затем занялся «гектографированием, с целью распространения, брошюры преступного содержания «Как живется в Сибири», вел знакомство с Сабунаевым, был посвящен в его революционную деятельность и проживал, скрываясь от властей, по подложным видам»⁸.

25-летняя дворянка, Варвара Яковлевна Успенская, не окончившая курса гимназии и работавшая акушеркой, познакомилась с М.В. Сабунаевым через Г.А. Яблочкова, и предоставила свою квартиру для собраний кружка, в ходе которых и обсуждались организационные вопросы и способы пропаганды⁹. Кроме того, в мае 1890 г. в ее квартире М.В. Сабунаев встречался с А.Н. Трофимовым – сочувствовав-

шим партии Народная воля и работавшим в 1883 г. наборщиком в одной из народнических типографий в Санкт-Петербурге¹⁰. Когда это вскрылось, его выслали на 5 лет в западную часть Сибири под надзор полиции, а после окончания ссылки он поселился в Казани¹¹. Судя по всему, именно А.Н. Трофимову М.В. Сабунаев хотел поручить создание типографии, но сделать этого не успели. Упомянутый выше Г.А. Яблочков тоже был одним из лидеров костромского кружка, но в то же время принимал активное участие в создании общероссийской группы, поэтому был привлечен к дознанию вместе с М.В. Сабунаевым, отдельно от своих земляков.

22-летний дворянин Алексей Петрович Преображенский, учившийся в Демидовском юридическом лицее в Ярославле и приезжавший в Кострому на каникулы, стал, по сути дела, «связным», между костромским и ярославским кружками¹².

Еще одним членом кружка стал 21-летний сын священника Николай Иванович Алякритский, учившийся в Костромской духовной семинарии (впоследствии – довольно известный юрист и общественный деятель, работавший в Костромском крае и Москве). Его деятельность заключалась в том, что он посещал собрания кружка в Костроме и, по данным полиции, взялся за организацию аналогичного кружка в Вологде. Сам он, однако, на допросах признал лишь то, что был знаком с М.В. Сабунаевым, принимал участие «в совместных чтениях», а в Вологду ездил не для организации кружка, а с целью поступления в местную семинарию. При этом в Вологде Н.И. Алякритский находился одновременно с С.А. Островским и помогал ему скрываться от полиции¹³.

5 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 106-108.

6 РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 732. Л. 49 об.

7 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 108.

8 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 121 об. – 122.

9 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 105.

10 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 415. Л. 111 об. - 112.

11 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 186-192.

12 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 95-96.

13 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 112-114.

Вместе с ним был привлечен к дознанию 19-летний выпускник Костромской классической гимназии и студент Московского университета Владимир Константинович Каратыгин. Его также обвиняли в посещении собраний кружка, кроме того, экспертизой было установлено, что именно В.К. Каратыгин написал две рукописные статьи («Завещание Зотова» и «Из письма Коган-Бернштейна»), обнаруженные у М.В. Сабунаева¹⁴. Эти заметки были посвящены народовольцам, казненным в 1889 г. в Якутске по обвинению в вооруженном сопротивлении, и относились к категории «антиправительственных».

Несколько человек были привлечены к дознанию по причине того, что посещали собрания кружка. Это были:

20-летний сын псаломщика Павел Ананьевич Ершов, учившийся в Костромской духовной семинарии. Его однокашник, сын дьякона Васильев, а также 20-летний воспитанник этой же семинарии Макар Николаевич Изюмов (сын священника).

23-летний сын пономаря Василий Никифоров Тихорский, закончивший к тому времени курс в Костромской духовной семинарии и работавший писцом в Костромской казенной палате.

Самым молодым членом кружка оказался воспитанник Костромского реального училища Василий Всеволодович Пазухин, а самым старшим – 30-летний мещанин и бывший народный учитель Николай Иванович Крутовский¹⁵.

В состав кружка, таким образом, входили исключительно интеллигенты, представлявшие практически все основные учебные заведения Костромы, при этом большая часть из них училась в духовной семинарии. Всерьез развернуть свою де-

ятельность кружок не смог или не успел. Министр юстиции по итогам дознания писал, что члены кружка «проникнувшись сочувствием к революционному движению, оказывали Сабунаеву как материальную поддержку, так равно и ближайшее сочувствие для осуществления его преступных замыслов», а их «преступная деятельность не получила широкого развития и была пресечена последовавшим в декабре 1890 года арестом Сабунаева и ближайших его сообщников»¹⁶. Связано это, конечно, еще и с тем, что кружок замышлялся М.В. Сабунаевым всего лишь как часть всероссийской партии, причем заниматься активной антиправительственной пропагандой непосредственно в Костроме было сложно – почвы для этого в городе в то время не было.

Министр юстиции предложил не передавать дело в суд и решить его «в административном порядке» (это, впрочем, было в порядке вещей, подавляющее большинство дел политического характера рассматривались именно так). При этом он учитывал, что «большинство обвиняемых по настоящему делу впали в преступление по легкомыслию, свойственному их не зрелому возрасту и под влиянием более опытных революционных агитаторов» и во время дознания находились под стражей, настаивал на достаточно мягком наказании.

По его докладу, утвержденному императором, С.А. Островский был «подвергнут тюремному заключению» сроком на 8 месяцев, В.М. Панае-Братцев – на полтора года, Н.И. Крутовский – на год, А.А. Успенская, В.К. Каратыгин и В.Н. Тихорский – на полгода, П.А. Ершов – на 4 месяца, Н.И. Алякритский, М.Н. Изюмов и В.В. Пазухин – на три месяца¹⁷.

14 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 112-114.

15 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 114-115.

16 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 115-116.

17 ГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 436. Л. 133-135.

ЛОКАЛЬНЫЕ ТИПЫ КОСТРОМСКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.

Москалева Л. В.

*Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный
музей-заповедник «Костромская слобода»*

Костромская народная вышивка – уникальное явление народного искусства, отражающее местные художественные традиции, историю формирования народной культуры края. Костромская народная вышивка достаточно многообразна; она объединяет шитье, различающееся по технике исполнения, сюжетам и мотивам орнаментов, стилю, колориту, композиции, так как в каждой местности складывались свои узоры и приемы шитья. Исследователи характеризуют Костромскую губернию, как местность неоднородную в этнографическом отношении. Отдельные территории края в разные исторические периоды входили в состав московского княжества (XIV-XV вв.), затем Московской и Архангелогородской губерний (XVIII в.), что не могло не отразиться на культурных традициях населения.

В XIX-первой трети XX в., украшенные вышивкой предметы широко бытовали в среде крестьянского населения Костромской губернии, многие из них являлись подлинными произведениями народного искусства. Об этом свидетельствуют коллекции костромского шитья, представленные в музеях страны: Государственном Эрмитаже, Русском музее, Российском

этнографическом музее, Государственном историческом музее, Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике.

Значительная коллекция костромской вышивки хранится в Государственном Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге из Костромского, Кинешемского, Юрьевоцкого, Галичского, Солигаличского, Буйского, Варнавинского, Ветлужского уездов.

Народная вышивка представлена и в собрании Костромского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Коллекция комплектовалась с конца XIX века и на протяжении XX столетия. Состав музейной коллекции не отражает народную вышивку Костромского края во всем ее многообразии, не все районы показаны равноценно: наиболее полно – Костромской, Солигаличский, Чухломской, Ветлужский, Буйский, Галичский; остальные представлены единичными музейными предметами. Хронологические рамки коллекции охватывают столетие с середины XIX по середину XX веков. Наиболее ранний из предметов датируется 1858 годом. Собрание му-

Коллекция КИАХМЗ. Концы полотенца.
Льняное полотно. Вышивка тамбурным швом
цветной шерстью. Начало XX в.,
Костромской уезд. Фото Обуха С.В.(КОК 5827)

зейных предметов не равнозначно. Наряду с подлинными произведениями народной вышивки, отражающей местные художественные традиции в орнаменте, технических приемах, колорите, большую часть собрания составляют предметы первой трети XX в., периода, когда черты местных традиций по большей части

Коллекция КИАХМЗ. Концы полотенца.
Льняное полотно. Вышивка строчкой
«шов по письму». Начало XX в., г. Чухлома.
Фото Обуха С.В.(КОК 5451)

стерлись, и им на смену пришла вышивка, выполненная крестом в красно-черной гамме, в основном, по печатным рисункам журналов «Нива», «Родина», и так называемым «мыльным картинкам» т.е. узорам на обертках дешевого, доступного крестьянам мыла известных фабрик «Брокер и К». В Костромском крае старинные сюжеты вышивки и мотивы орнамента сохранялись дольше всего на концах полотенец. В народной культуре полотенце занимает особое место, являясь одновременно произведением народного искусства и предметом обрядовой жизни, орнамент которого имел глубокий смысл и раскрывал основы народного мировоззрения. На обрядовое употребление полотенца, указывают летописные источники; этнографы конца XIX-XX веков – Н.Ф. Сумцов, Д. К. Зеленин, Е. Э.Бломквист, Н. И. Гаген-Торн, Г.С. Маслова, И.И. Шангина и другие исследователи¹. Они отмечали, что полотенце являлось обязательным атрибутом обрядов жизненного круга, где оно исполняло функции оберега, употреблялось в обрядах аграрного, календарного циклов и других, возникших в более позднее время. Орнамент шитых предметов был тесно связан с вещью и определял ее назначение. Вышитые узоры на полотенцах, древние магические знаки-обереги, отражали мифологические представления о мире.

¹ Бломквист Е. Э. Полотенца в русском быту. Русский музей. Этнографический отдел. Л., 1926; Гаген-Торн Н. И. Обрядовые полотенца у восточных славян и народов Поволжья. ЭО. 2000. № 6; Зеленин Д. К. «Обыденные полотенца» и обыденные храмы. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901-1013. М., «Индрик», 1994; Маслова Г.С. Бытовые сюжеты в русской народной вышивке. СЭ, 1970. № 6; Шангина И. И. Образы русской вышивки на обрядовых полотенцах XIX-XX вв. (К вопросу о семантике древних мотивов сюжетной вышивки). Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. Москва, 1975.

Семантике народной вышивки посвятили свои исследования известные ученые В. В. Стасов, В.А. Городцов, Н. П. Гринкова, Б. А. Рыбаков, А. К. Амброз, Л. А. Динцес, Г.С. Маслова, В. Сурво, А. П. Косменко, В. И. Смирнов и другие². В данной статье, на основе обзора музейных коллекций ГРЭМ и КИАХМЗ, сделана попытка определить локальные типы костромской вышивки и ареалы их распространения в крае. Обзор коллекций позволяет говорить о достаточно широком распространении в костромской вышивке второй половины XIX-первой трети XX в. разнообразных мотивов и сюжетов народных орнаментов: геометрических, наиболее древних и архаических; финно-угорского происхождения: водоплавающие птицы, кони; связанных с мифологией славян: женские фигуры, всадники, птицы, древо жизни; мотивов, проникших в народную вышивку в феодальный период из искусства Новгорода, Владимиро-Суздальской Руси: лев-барс, пава, а затем Москвы – двуглавый орел; мотивов древних травяных узоров XVII в., городского искусства XIX столетия. Орнамент костромского шитья можно подразделить на 5 основных групп

² Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивке архаического типа. С А, 1966, № 1; Городцов В.А. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. «Труды ГИМ», 1926, вып.1; Гринкова Н. П. Термины вышивания в русских диалектах. «Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, 1939, т. XX; Динцес Л. А. Изображение змееборца в русском народном шитье. СЭ. 1948. № 4; Калиткин Н. Орнамент шитья костромского полушубка. Кострома, 1926. В предисловии к альбому В.И. Смирнов, изложил методологические принципы в изучении орнамента вышивки; Косменко А.П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984; Маслова Г.С. Народный орнамент Верхневолжских карел. «Издательство Академии наук СССР», Москва, 1951; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981; Древние элементы в русском народном творчестве (женское божество и всадники). СЭ, 1948, № 1; Стасов В.В. Русский народный орнамент. вып. 1. Шитье, ткани, кружева. СПб., 1872.

(даны по степени распространения): 1. Растительный; 2. Орнитомотфный; 3. Зооморфный; 4. Антропоморфный с архаическими элементами в быту; 5. Геометрический. Устойчиво повторяющиеся определенные мотивы орнамента, особая иконография отдельных мотивов, технические приемы шитья, колорит, стилистические особенности позволили выявить локальные типы вышивки и ареалы их распространения: «солигаличский» – встречающийся только на севере губернии в Солигаличском и Чухломском уездах; «узоры с мороза» – северо-запад и северо-восток – Солигаличский, Ветлужский уезды; «в танбур со пташечкам», сюжеты по мотивам лубка – юго-западная часть губернии; сюжеты-сказки по мотивам усадебной жизни – север губ. (Солигаличский, Буйский у.) Выявление бытования и наибольшего распространения того или иного орнамента (по материалам коллекций) довольно условно и не дает реальной картины на определенный период времени, т.к. классифицируется узор, созданный в разные периоды. Ареалы распространения локальных типов мотивов шитья, в основном, совпадают с историко-культурными территориями края: юго-запад, т.е. земли, расположенные по правобережью Волги – Нерехтский, Юрьевецкий, южная часть Костромского и Кинешемского уездов; Северо-запад, с уездами Галичским, Чухломским, Солигаличским, Буйским; Ветлужье и Поветлужье включающие Ветлужский, Варнавинский уезды и часть Макарьевского; земли, расположенные по реке Унже в пределах Кологривского уезда. Каждая из этих территорий характеризуется своими особенностями материальной и духовной культуры. Для южной части губернии – Костромского и Кинешемского уездов (материалы по Юрьевецкому, Нерехтскому в коллекции

не представлены) характерно применение всех известных в крае техник шитья; старинные швы встречались редко и бытование их было ограничено, в основном, в Гридинской волости Костромского у. и Кинешемском уезде. Характерна для уезда техника тамбурного шва, местное название – «в петлю». Предметы, украшенные тамбуром – наиболее яркая и самобытная часть костромской вышивки. Считается, что в крестьянской среде этот шов получил распространение с середины XIX века, что подтверждено музейными материалами – даты исполнения вышивок на полотенцах фиксируют 1858, 1861, 1863 годы. На распространение тамбурного шва в пределах губернии, у исследователей сложились разные мнения. Г.С. Маслова (известный этнограф) связывает применение тамбура с вышивальным искусством татар Поволжья. И.Я. Богуславская (искусствовед) такое утверждение не считает правомерным, т.к. техника

Коллекция КИАХМЗ. Конец полотенца. Льяное полотно. Вышивка тамбурным швом цветной шерстью. 1863 г., д. Харино, Костромской уезд. Фотография Обуха С.В.(КОК 5828)

Коллекция КИАХМЗ. Полотенце. Льяное полотно. Вышивка тамбурным швом цветной шерстью. Начало XX в., д. Бельково, Костромской уезд. Фотография Обуха С.В.(КОК 5312)

тамбура применялась в русском шитье XVII века: «Стилистически костромские вышивки не имеют ничего общего с одновременными татарскими, а использование шва, если и получило стимул от соседства с татарским населением, то костромские мастера применили его в собственном самобытном исполнении»³.

Анализ мотивов и сюжетов орнамента юго-запада губернии показал, что они достаточно разнообразны: встречаются зооморфные – конь, лев-барс (северо-восточного варианта), исполняемые чаще всего в технике «строчки»; орнитоморфные – обобщенный образ птицы, двуглавый орел, реалистические птицы; антропоморфные в бытовых сценах; растительные и геометрические, выполненные всеми известными на территории Костромского края швами. Архаические мотивы очень редки, отдельные сюжеты отмечены в селениях Шунгенской волости с. Саметь, д. Новленское: всадники, двуглавые

3 Богуславская И. Я. Лубочные картинки в костромской народной вышивке. Народное искусство. Исследования и материалы. Сборник статей. 1995. С. 157.

кони, ладьи с деревцем, сложная антропоморфная фигура с воздетыми руками (коллекция ГРЭМ). Самым распространенным мотивом растительного орнамента Костромской вышивки является дерево в различных вариациях. «Центральная роль дерева в вышивке восходит к мотиву мирового дерева – универсальной модели мира. Дерево жизни актуализирует мифологические представления о жизни во всей полноте ее смыслов, подчеркивая восходящую линию жизни: от рождения к максимальной стадии роста – цветению и плодоношению...»⁴. Мотив мирового дерева к концу XIX века утратил свой основной смысл и стал восприниматься как пышный куст, ветка, цветок. В шитье встречается геометризованное изображение дерева (в основном, в Кинешемском у.) и более позднего извода с пышными растительными узорами. В композициях с деревом-цветком часто изображались две птицы. Трактовка мотива птицы разнообразна и представлена в двух вариантах композиций: в самостоятельных сюжетах, где птица играет основную роль (в шитье Кинешемского уезда); в композициях с деревом жизни. Сюжет с птицами на ветках стилизованного дерева-цветка был очень распространенным и излюбленным во всех уездах губернии. Его вышивали в соответствии с местными техническими приемами, стилистическими особенностями. Сюжет дерево-цветок-куст с птицами, выполненный полихромным тамбуром, один из локальных вариантов шитья Костромского уезда, получивший название «в танбур со пташечкам». Подобные

4 Сурво В. В. О некоторых локальных особенностях вышивки русского населения Олонецкой губернии. Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003. С. 244.

мотивы отмечены в Тверской и Московской губерниях. Встречается три варианта сюжета дерева жизни с обращенными к нему птицами, выполненными в технике тамбурного шва цветным ярким гарусом:

1. Дерево изображено как стебель с тюльпаном на вершине и летящими к нему двумя голубками, расположенными по центру боковых краев (в тверской вышивке – по нижнему краю). Мотив птицы, выполненной тамбурным швом, реалистичен, передан в движении

2. Дерево изображено как вазон с симметрично отходящими от него ветками и цветами, повторяющими по рисунку первый вариант; вверху и внизу по боковому краю изображено два голубя в полете такого же рисунка.

3. Дерево осмысливается как пышный ветвистый цветок-куст, полностью заполняющий ткань конца полотенца, на верхних ветках, обращенные друг к другу и центру – маленькие птички. (тяготеет к московскому варианту). Свообразными и характерными только для шитья Костромского уезда сюжетами, источником которых явились лубочные картинки конца XVIII-начала XIX веков являются мифологические сладкоголосые птицы славянских легенд Сирина и Алконоста. Этот локальный мотив тамбурной вышивки Костромского уезда был выявлен И.Я. Богуславской на материале коллекции народной вышивки Русского музея⁵. Ее выводы подтверждает шитье на лубочные сюжеты из фондов Российского этнографического музея и Костромского музея-заповедника: кроме Сирина и Алконоста, встречаются двуглавый орел и сюжет «рейтар на петухе». Костромские вышивки точно передают иконографию Сирина и Алконоста. И.Я. Богуславская выделяет два слоя вышивки по лубочным картинкам:

5 Богуславская И. Я. Указ соч. С. 156.

экземпляры, следовавшие за лубочным оригиналом и «... вольно или почти вольно обращавшиеся с первоисточником»⁶. Данная группа вышивок зафиксирована только в Костромском уезде, Шунгенской и Мисковской волостях.

На севере Костромской губернии – в Солигаличском, Чухломском, Буйском, Галичском уездах известные сюжеты и мотивы шитья получили свою самобытную трактовку. Эти уезды граничили с вологодским краем. Здесь исстари проходили важные торговые пути и осуществлялась торговая и культурная связь с Русским Севером. Не случайно, культурные традиции этих территорий тяготели более к Северу, чем к Костроме. Чухломской уезд относится к так называемому «акающему острову», (куда входит и часть Солигаличского уезда). Исследователи полагают, что через эти земли прошло несколько разновременных миграционных потоков⁷. Особенностью шитья этих мест являлось распространение техники вышивания-строчки и ее разновидности «шов по письму» и общее композиционное решение – заключение орнамента в рамку меретки. В Чухломском уезде получила распространение белая строчка; в Солигаличском и Буйском – строчка с обводкой контура узора цветной ниткой; в Галичском уезде – и белая, и цветная строчки существовали одновременно. Сюжеты и мотивы орнамента народной вышивки этих уездов не отличаются большим разнообразием; в коллекциях представлены растительные (мотив мирового древа в различных композициях), орнитоморфные (обобщенный образ птицы, изображенной со сложенными крыльями, поднятой головой; геральдический двуглавый

орел, реалистические птицы – голубки, петухи, утки), геометрические и единичные предметы с зооморфными (Чухломской уезд) и антропоморфными мотивами (не типичное явление в вышивке этих мест). Локальный мотив орнамента Солигаличского (ряд селений на Совете) и Чухломского уездов, зафиксированный в конце XIX-начале XX в., представляет собой неопределенной формы причудливой очертаний фигуру, в центральной нижней части напоминающую (в одном из вариантов) «рожаницу». Подробные мотивы отмечены в Олонецкой (Каргополье, Пудожье и Заонежье), Вологодской губерниях, в вепско-карельском шитье. В. Сурво выделяет нескольких видов этих мотивов и считает, что одни из них представляют соединение антропоморфных и растительных образов, другие – зооморфных и растительных и связывает их с «мифологическими представлениями о мироздании как единстве растений, животных и людей. В узорах эти три ипостаси переплетаются, оказываются тождественными актуализируя представления о женском начале, о плодородии... Все эти понятия становятся особенно важными в предсвадебный период и непосредственно в свадебном ритуале, для которого и заготавливалось большое количество вышивок»⁸.

Шитье Кологривского уезда вызывает большой интерес. На этой территории губернии получили распространение архаические антропоморфные сюжеты: геометризованные женские фигуры с всадниками или конями по сторонам, женская фигура с птицами в поднятых руках; встречается вариант – дерево-цветок в центре, по сторонам – всадники или кони; геометризованная птица в отдельных композициях, занимающая все поле конца полотенца; птица с птенца-

6 Богуславская И. Я. Указ. Соч. С. 164.

7 Ганцовская Н. С. Лексика говоров костромского акающего острова: проблемы типологии. СПб «Наука». Кострома КГУ им. Некрасова 2007. С. 40.

8 Сурво В.В. Указ. Соч. С. 249.

ми, двуглавый орел. Выполнялись, в основном, старинным двусторонним швом «роспись» красной и кубовой хлопчато-бумажной нитью или цветной шерстью (редко, шелком) по отбеленному льняному полотну (по материалам ГРЭМ). Вышивка Ветлужского уезда представлена в коллекциях Российского этнографического музея предметами второй половины XIX в.; Костромского музея-заповедника – предметами первой трети XX века. Ветлужская вышивка из ГРЭМ стилистически едина, выполнена, в основном, в технике росписи, набора и счетной глади. Сюжеты не отличаются разнообразием: геометрические мотивы; геометризованные мотивы птицы, двуглавые птицы, одноглавый орел с опущенными крыльями. Этот мотив зафиксирован только в Ветлужском уезде. Г.С. Маслова отмечает сходство вышивки северо-восточной части Костромской губернии и Каргополья⁹. Объяснение этому явлению встречается в записках А.А. Ширского, члена КНО по изучению местного края, собравшему этнографический материал по Какшинской и Вохомской волостям в 20-х годах XX века, и отмечавшему достаточно смешанный состав населения этих мест, где среди прочих, проживали и выходцы из Олонецкой губернии.

9 Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки ... М.: «Наука», 1978. С. 189.

«Жители деревни Бородина Какшинской волости и теперь еще носят прозвище «олоньцы»... Вообще, чувствуется большое разнообразие в типе, цвете волос, глаз, говоре, обычаях»¹⁰. Экспедиционные материалы музея отмечают наличие в Ветлужском уезде выходцев и с Вятки¹¹. Полевые материалы фиксируют бытование шитья крестом и тамбуром, который назывался «веревочкой» и выполнялся разными способами: иглой, крючком, машиной. Традиционный сюжет вышивки – дерево с птицами, имел свое решение: рисунок мог быть не симметричным, иногда как бы небрежным, контуры деталей неровно очерчены. В каждой вышивке этот мотив был индивидуален, сходен лишь в общих чертах, стилистически.

Ряд узоров, выполненных тамбурным швом, и имеющих стилистическое сходство, получили название «узоры с мороза»; «их брали с морозного окна», т.е. разукрашенного морозом оконного стекла¹² (распространены в Ветлужском и Солигаличском уездах).

Локальные мотивы шитья отражают своеобразный уклад жизни и культуру различных территорий Костромской губернии, способствуют выявлению историко-культурных отношений населения.

10 Ширский А.А. Из легенд Ветлужского края. Труды КНО., Вып. 29. Кострома, 1929. С. 5.

11 КГИАХМЗ. Материалы экспедиции в Пыщугский и Павинский районы Костромской области. 1975. Каткова С.С. Тетрадь рассказов. Рукопись.

12 КГИАХМЗ. Материалы экспедиции в Солигаличский район Костромской области. 1975. Маслова С. Д. Тетрадь рассказов. Рукопись.

ЛИСТОВКИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1905 – 1907 ГГ. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ОБРАЗА КАЗАКА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Митров А.Г.

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромская государственная сельскохозяйственная академия»
Восточное окружное казачье общество
войскового казачьего общества «Центральное казачье войско»,
г. Кострома*

В годы первой русской революции, как известно, казачьи части и подразделения часто использовались для подавления беспорядков. Разумеется, не стала исключением и Костромская губерния. В условиях происходивших столкновений казаков и революционеров немаловажное пропагандистское значение имело освещение этих событий в документах противоборствующих сторон. В связи с этим современный исследователь истории казачества может увидеть, как воспринималось казачество представителями революционного лагеря, какой образ казака в связи с происходившей борьбой эти представители пытались создать.

Так, 26 июля 1905 г. в листовке «Казачи приехали» костромские большевики их рисовали следующими красками: «... Эти казаки – самый надежный защитник фабрикантов, самый крепкий оплот

царского правительства. Сытые, пьяные люди, должность которых только в том и состоит, чтобы ездить из города в город и бить без пощады нас, голодных, измученных рабочих...»¹. В данном случае как раз очевидно, что большевики стремились создать «образ врага», и этим врагом для рабочих должны были служить казаки, уровень жизни которых противопоставлялся бедственному положению рабочих. Такое же отношение к казакам демонстрирует статья в газете «Пролетарий» о костромской забастовке 3 – 26 июля 1905 г. «Наконец, т.к. солдаты были ненадежны, то были присланы 1 1/2 сотни никогда не виданных костромичами казаков ... Казачи разъезжали по улицам и пугали народ. ... Озлобление рабочих на царское правительство, на его опричнину, казаков и по-

¹ Заре навстречу. Костромской Совет в 1905 году. Ярославль, 1977. С. 48.

лицию, росло с каждым днем. «Вот, – говорили, – дождались мы от бабушки-царя гостинца, казацкой нагайки»... Среди рабочих стала очень популярна песня, привезенная одним товарищем из Иванова, мотив «Разлуки»:

*Нагайка, ты нагайка,
Тобю лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.*

...На социал-демократической массовке, разогнанной казаками после забастовки, было арестовано восемь человек. Когда их вели по рабочему кварталу, толпа отбила их»².

А здесь показательно, что нагайка воспринималась как основной атрибут казака, как именно то оружие, которым казаки угрожают рабочим и избивают их. Вообще появление стихов, в которых упоминалась казачья нагайка как средство подавления беспорядков, стало нередким явлением, о чем свидетельствует текст еще одной листовки:

*«На голод и на стон
Голодных русских масс
Ответ один у трона –
Лупить нагайкой нас»³.*

Любопытно отметить, что даже в книге Д.Н. Никифорова «Наглядность в преподавании истории» (1964 года издания) по поводу 11-й симфонии Д.Д. Шостаковича, посвященной революции 1905 г., сказано, что, наряду с другими звуками, передающими особенности происходивших со-

2 Революционное движение в 1905 – 1907 гг. в Костромской губернии. Сборник документов. Кострома, 1955. С. 117 – 118.

3 Пахомов И.Е. Большевики Костромы в революции 1905 – 1907 годов. Кострома, 1954. С. 85.

бытий, можно слышать и свист казацких нагаек.

В том же духе выдержана августовская листовка Костромского комитета РСДРП: «И вот, в прошлое воскресенье, когда мы осыпали проклятиями царский порядок и говорили о подготовке к бою с тиранами-правителями, полицейская и казацкая свора накинулась на нас безоружных... Только невиданная глупость казаков... помешала в волю потешиться над нами. Все товарищи успели благополучно скрыться»⁴. По сути дела, в этой листовке преобладают не факты, а эмоции – используются такие выражения, вызывающие отрицательное отношение к описываемому ими объекту, как «казацкая свора», «невиданная глупость казаков», которые, очевидно, должны были внушить рабочим не только ненависть, но и презрение к казакам.

Такие же выражения в отношении казаков присутствовали и в так называемом манифесте Костромского Совета рабочих депутатов и Костромского комитета РСДРП в декабре 1905 г.: «...Правительство, как обезумевший зверь, бросается на революционное движение. Оно грозит нещадным избиением, грозит введением военного положения, смертной казнью, грозит поголовными грабежами жителей посредством пьяной своры казаков и черной сотни»⁵.

В связи с этим любопытно сравнить подобные листовки с документом из правительственного лагеря, а именно – с рапортом макарьевского уездного исправника костромскому губернатору о противоправительственных митингах в г. Макарьево в августе 1906 г.: «...С утра 6-го команды были в полном сборе во

4 Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 749. Оп. 1. Д. 173. Л. 140.

5 ГАКО. Ф. 749. Оп. 1. Д. 173. Л. 192.

дворе полицейского управления... Меццане затеяли между собой ссору, видимо, нарочно для привлечения полиции, но оказавшиеся в толпе пьяные затеяли драку всерьез. Вышедшие пешие стражники без ружей забрали пьяных, но прочие стали на них наступать... Образовавшаяся несколько в стороне группа молодежи не оставляла сомнений насчет истинности их намерения, и я приказал конной страже разогнать толпу. Действуя нагайками, конные, как всегда бывает при действиях по толпе, задели много лиц из публики, собравшихся в качестве зрителей, и, наоборот – главные виновники успели скрыться... Через час получились сведения, что толпа снова собирается у нового собора... Конные очистили площадь и улицы, но действиями своими вызвали общее возмущение и нареkanie, что будто бы они были пьяны. На самом деле, они были только возбуждены предыдущей стычкой, видом залитого кровью их товарища – городского Маркова – и осыпаемой со всех сторон бранью»⁶.

Обвинения в адрес казаков и, в данном случае, конных стражников в том, что они «всегда пьяны», здесь отвергнуты. Утверждению революционных листовок о пьянстве казаков противопоставлено объяснение представителя государственной власти. Нелишним будет напомнить, что Устав внутренней службы воспрещал казакам «приносить водку въ казармы, пьянство, игру на деньги, шумъ и драку...». Также казак в увольнении должен «не заходить въ трактиры и портерныя лавки... Казакъ никогда не долженъ забывать, что онъ является на улице представителемъ полка и всего войска, на глазах у постороннихъ людей, которые всегда легко подмечаютъ чужую оплошность». Причем

за повторяющееся пьянство военнотружущие наказывались военной тюрьмой на срок от одного до двух с половиной месяцев⁷. Кроме того, появляться пьяным на людях не соответствовало и казачьим традициям. «В казачьих винодельческих краях культура застолий была очень висока. Это выражалось, в частности, в том, что пьяниц не было, всякий захмелевший казак был презираем и... стараясь никого не встретить, добирался домой, чтобы никто не видел его «неисправным». ... Коренной родовитый казак никогда не показался бы на людях в расстегнутом мундире, с разлохмаченным чубом, распоясанный и расхристаный»⁸. Да и утверждения о некоей особой «кровожадности» казаков современными исследователями отвергаются как очень преувеличенные. По мнению авторитетного историка В.П. Трута, «...нагайки использовались казаками при разгонах митингов и демонстраций далеко не всегда. Стремительный выезд казаков, со свистом и гиком навстречу демонстрантам, грозный вид казачьей конницы в большинстве случаев обращал последних в бегство»⁹. Также необходимо подчеркнуть, что, хотя казаки беспрекословно выполняли приказы по подавлению беспорядков внутри империи, никакого энтузиазма и гордости от такой службой они, зачастую, не испытывали. Об этом свидетельствует известный «Наказ Усть-Медведицкой станицы Донским казакам», в котором говорилось, что полицейская служба недостойна звания казака. Об этом же писал и казак-литератор, депутат Государственной думы Ф.Д. Крюков, от-

7 Кавалерия. Учебник для казака. С.-Пб., 1911. С. 56, 160.

8 Казаки. Под ред. Б.А. Алмазова. С.-Пб., 1999. С. 53.

9 Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 122.

6 ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 226. Л. 20 – 21.

мечавший, что его и других депутатов «запрос о законности нынешней доблестной службы казаков» привел к тому, что «нас, крамольников, ждали всюду по станицам, нас окружали тысячи простых людей... и, в конце концов, предлагали защиту на случай ареста, предлагали сами, по собственной инициативе»¹⁰.

Таким образом, во время первой русской революции казачьи части в Костроме активно использовались для охраны общественного порядка. Их действия в этом качестве нашли свое отражение в документах противоправительственного

лагеря. Тенденциозность этих источников, авторами которых являются представители партии большевиков, очевидна современным исследователям. Цель большевистских листовок, как документа пропагандистского – создать крайне отрицательный образ казака – верного прислужника царского режима, характерными чертами которого были сытость («зажравшиеся», далекие от народа), пьянство (потеряли человеческий облик, способны в этом состоянии на любое насилие), постоянное использование нагайки для расправ с рабочими.

10 Крюков Ф.Д. Казачьи повести. М., 2006. С. 184.

ВНЕПАРТИЙНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1905-1907 ГГ.

Сулоев И.Н.

ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», г. Кострома

С началом первой российской революции политические партии и организации начинают вести активную агитацию среди населения Российской империи. После учреждения 6 августа 1905 года первого русского парламента крестьяне становятся основным объектом воздействия политических сил, а также внепартийной интеллигенции.

По мнению отечественных исследователей, интеллигенция это «с одной стороны лица любых социальных слоёв и профессий, живущих интеллектуальными интересами и составляющих культурную среду общества, а с другой социальный слой, который объединяет людей, профессионально занимающихся интеллектуальным трудом и художественным творчеством и получающих доход от этой деятельности»¹. В конце XIX века в России формируется земская интеллигенция, состоящая из учителей, врачей, ветеринаров и пр. Представители земства постоянно проживали в сельской среде и имели возможность проводить агитацию

среди крестьян. С другой стороны, земство являлось для жителей села одним из основных источников информации о происходящих в стране событиях.

Влияние внепартийной интеллигенции на крестьян в России и Костромской губернии в период первой российской революции недостаточно изучено². В настоящей статье, на основе различных источников ставится задача исследования воздействия внепартийной интеллигенции на сельское население Костромской губернии в 1905-1907 гг.

В мае 1905 г., согласно постановлению Костромского губернского земского собрания, в уездах создаются на случай появления холеры врачебно-питательные пункты для оказания помощи нуждающемуся населению. Заведующими были назначены студенты близко стоящие к ре-

1 Большая Российская Энциклопедия / Ю.С. Осипов. М., 2008. Т.11. С. 431.

2 Ермак Л.Н. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966, Охраминская И.Л. Интеллигенция и политические партии России в условиях модернизации общества 1907-1914 гг. (на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний): автореф. диссер. канд. истор. наук. Кострома, 2003, Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе. М., 1986.

волюционным кружкам. Поэтому вскоре они стали раздавать крестьянам издания: «Донской речи», «Буревестника», «Аграрный вопрос аграрное движение», «Поземельный вопрос в России», «Кризис и безработица». Одновременно студенты распространяли в уездах противоправительственные прокламации, призывающие крестьян собираться на сходы для разрешения вопросов о прирезке земли, уничтожении податных налогов, изменении формы правления и созыва народного Учредительного собрания. Руководители питательных пунктов вели среди сельских обывателей устную пропаганду, разъясняя им в революционном смысле, содержание вышеупомянутых брошюр и прокламаций³. Таким образом, создаваемые местной властью учреждения использовались интеллигенцией для распространения воззваний политических партий и организаций, а также для ведения устной антиправительственной пропаганды среди крестьян.

В середине 1905 г. в России возникает Всероссийский крестьянский союз (ВКС). В июне – июле того же года интеллигенция начинает активную агитацию среди сельского населения за присоединение к Союзу. В июле 1905 г. посредниками в установлении связи между жителями д. Ильиной Валовской волости Макарьевского уезда и д. Федяево Мордвиновской волости Юрьевоцкого уезда, и ВКС становятся сельская учительница и студенты. 29 июля 1905 г. крестьяне Е. Челепигин и Н. Дерунов выехали на Учредительный съезд ВКС в г. Москву⁴. В Буйском уезде ячейка ВКС возникла в д. Глебово Контевской волости. Её организатором стала

учительница Глебовской земской школы, «дворянская девица» О.М. Ратькова⁵. 3 ноября 1905 г. она собрала сход жителей Глебовского общества в здании земской школы. Ратькова зачитала программу ВКС и предложила избрать делегата на съезд Союза. В результате, под влиянием учительницы, на съезд был избран бывший рабочий Путиловского завода, крестьянин И.А. Лобов. Часть расходов на поездку Лобову в г. Москву учительница оплатила из собственных средств⁶. В условиях первой российской революции внепартийная интеллигенция являлась связующим звеном между городом и деревней с одной стороны, а с другой – крестьянами и учредителями ВКС. Учителя использовали своё положение для ведения агитации среди крестьян, собирая в классах сельские сходы.

В ходе «приговорного движения» интеллигенция приняла активное участие в составлении и отправке сельскими жителями приговоров и наказов. В с. Яковлевском Шунгенской волости Костромского уезда в одной из местных чайных 30 ноября и 1 декабря 1905 г. проходили многочисленные митинги крестьян, на которые были приглашены приехавшие для описания земель Волков и Андреев. Они давали разъяснения по земельному вопросу и программе ВКС. Собрание крестьян признало справедливыми и заслуживающими поддержки требования Крестьянского союза. Поэтому после окончания схода сельские жители благодарили Волкова и Андреева за беседу и составили приговор, в котором выражали поддержку ВКС⁷. В условиях нехватки информации сельские жители использовали землемеров, как

3 Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф.383. Оп.2. Д.16. Л.55-56.

4 Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф.133. Оп.31. Д.146. Л. 6.

5 Флеров В.Н. Хроника села Контеево. Кострома, 2008. С. 88.

6 Там же.

7 Костромской листок. 1906. 1 января.

возможность получить необходимые сведения для решения своих проблемах. В свою очередь Волков и Андреев, отвечая на вопросы сельских обывателей, объединяли жителей села вокруг программы Союза. Поэтому интеллигенция влияла на составлении и отправку крестьянами приговоров и наказов, вовлекая жителей уездов в то или иное политическое течение.

Агитацию среди крестьян Костромской губернии наряду с земскими служащими вели студенты, вернувшиеся на каникулы или выходные, домой. В декабре 1905 г. в Есиплевской волости Кинешемского уезда студент Казанского ветеринарного института Иван Васильевич Бенедиктов собирал сельские сходы, на которых читал брошюры и прокламации изданий «Донской речи» и «Народное право», газету «Вперёд» от 2 декабря 1905 г., прокламацию РСДРП «Крестьяне к вам наше слово». Наряду с распространением литературы и листовок, студент агитировал крестьян вступать во Всероссийский Крестьянский союз⁸. Распространяемая литература носила разный политический характер. Издательство «Донская речь» печатала социал-демократического и эсеровского характера материалы. Газета «Вперёд» являлась большевистской. Все материалы имели одну политическую направленность, в данном случае социал-демократическую. Агитация Бенедиктова привела к тому, что среди сельского населения «стало заметно некоторое возбуждение они стали гораздо грубее при общении с членами правления, некоторые сельские жители отказываются платить деньги по решениям Волостного Суда, между ними много разговоров о прирезках от помещиков земли и держатся они вызывающе. Разъяснение аги-

татора сельские жители распространили и в других деревнях Есиплевской волости, так что и там видно возбуждённое состояние крестьян. В некоторых селениях приходилось уговаривать крестьян платить подати, и так говорят, что этого делать не следует»⁹. 14 июня 1906 г. в д. Мало Васильевском Спасской волости Кологривского уезда бывший студент математического факультета Императорского С-Петербургского университета П. Ф. Галунов читал жителям деревни газеты «Народное Дело» и разъяснял деятельность Государственной Думы¹⁰. Студенты привозили в деревню листовки и прокламации, которые распространяли среди крестьян. При этом литература принадлежала разным политическим партиям и зависела от партийных убеждений пропагандиста.

Таким образом, внепартийная интеллигенция приняла активное участие в вовлечении сельского населения в общественно-политическую жизнь страны. Преимущественно это были учителя, ветеринары, земские служащие, студенты, которые, проживали в сельской местности и имели возможность влиять на политические взгляды крестьян. В условиях революционных волнений интеллигенция стала связующим звеном между властью и крестьянством с одной стороны, а с другой – между сельским населением и политическими партиями и организациями. Внепартийная интеллигенция распространяла листовки нескольких близких друг с другом политических партий, но при этом часто оставалась вне партии. Под влиянием агитации сельские жители стали стремиться защищать свои социально-экономические и политические интересы.

8 ГАКО. Ф.120. Оп.2.Д.491. Лл.2-4.

9 Там же. Л. 2.

10 ГАКО. Ф.1113. Оп.1. Д.133. Л.49.

СУДЬБА Н.И. ЛАДЫЖЕНСКОГО — ПЕРВОГО ХРАНИТЕЛЯ СОБРАНИЯ Г.А. ЛАДЫЖЕНСКОГО

Павлова М.А.

*ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник», г. Кострома*

Частные коллекции во все времена играли значительную роль в деле сохранения, изучения и представления объектов культурного наследия. Примером собирательской деятельности в нашем крае могут служить многочисленные коллекции дворянских усадеб и частные собрания, создававшиеся в начале XX века. Основу фондов Солигаличского краеведческого музея составляет знаменитая коллекция Черевиных – произведения итальянских, фламандских и немецких мастеров. Кологривский краеведческий музей может гордиться уникальным собранием Геннадия Александровича Ладыженского: художника, педагога, страстного коллекционера.

Часто коллекция не только влияла на судьбу её собирателя, но и связывала судьбы его наследников. После смерти владельца коллекции наследники могли стать хранителями коллекции, не пополняя собрание, но сохраняя его целостность, или соединить свою жизнь с коллекционированием и увеличить наследуемое собрание.

В 1914 году художник-академик Г.А. Ладыженский возвращается в свой род-

ной город Кологрив. Долгое время после окончания Академии художеств он жил в Одессе и работал преподавателем в реальном училище, приезжая на родину лишь во время отпуска. Но в последние годы жизни состояние здоровья не позволило ему жить в одиночестве, и он едет в уездный город, взяв с собой настоящее сокровище – уникальное собрание предметов, представляющих культуру разных стран и исторических периодов. Имея опыт организации выставок и давно мечтавая об учреждении частного музея, Геннадий Александрович Ладыженский, ведёт активную переписку об открытии общедоступного музея в Кологриве. Но местная власть поддержки ему не оказывает, и Ладыженский собственными силами организует работу частного музея. После смерти Геннадия Александровича в 1916 году его собрание наследует племянник Николай Иванович.

Николай Иванович Ладыженский, старший сын его младшего брата Ивана Александровича. Родился Николай Иванович в Кологриве 18 июля 1893 года и был взят Геннадием Александровичем в Одессу для воспитания и полу-

чения достойного образования. В 1903 году Николай Ладыженский поступает в Одесское реальное училище и с успехом его заканчивает в 1910 году. В июле этого же года он подаёт прошение о допуске к сдаче вступительных экзаменов в Варшавский политехнический институт, прилагая к прошению аттестат, где показаны его отличные успехи по русскому языку, алгебре, геометрии, истории, естествознанию, географии, рисованию и черчению¹. Николай Иванович получает высшее образование и возвращается на родину в Кологрив. Здесь после смерти Геннадия Александровича Ладыженского он становится главным хранителем его коллекции.

После революционных событий 1917 года коллекция музея Г.А. Ладыженского была национализирована. Активная деятельность в Кологриве комиссара Наркомпроса Ф.С. Чумбарова-Лучинского, выполнявшего распоряжение о конфискации частных книжных собраний для создания библиотек в деревнях Кологривского уезда, стала поводом для обращения кологривских краеведов – членов Костромского научного общества В.П. Чистякова и Н.И. Ладыженского – в Наркомпрос с просьбой «приостановить разрушение коллекций Ладыженского»². При содействии Костромского научного общества в августе 1918 года была получена охранная грамота Наркомпроса на все коллекции Г.А. Ладыженского. В охранной грамоте удостоверялось, что коллекции «представляют высокую ценность и культурно-историческое значение не только для города Кологрива и Костромского края, но и для всей Российской ре-

1 Прошение Н. Ладыженского. // КМЗ КОК 27013,14.

2 Кологрив – лучший город земли. URL: <http://emiltim.livejournal.com/5251.html> (дата обращения 26.09.2017).

спублики и находятся под особой охраной Всероссийской Коллегии по делам Музеев и охране памятников искусства, ...а потому не могут подлежать ни реквизиции, ни раздроблению, ни вывозу»³. Ещё одна охранная грамота, выданная Московским библиотечным отделением Народного комиссариата просвещения в феврале 1921 года, сохраняла единство коллекции книг Г. А. Ладыженского.

Николай Иванович предложил за собственный счет приспособить нижний этаж своего дома для экспозиции, сделав теплую лестницу для сохранения постоянной температуры в музейных комнатах, открытых для посетителя⁴. Но его желание не было принято во внимание. В октябре 1918 года музей, созданный Г.А. Ладыженским, был реорганизован в Государственный художественно-исторический музей. Николай Иванович Ладыженский, ставший директором нового музея, и его сестра Клавдия Ивановна Ладыженская много сделали для постановки на учет, описания и сохранения уникального собрания Геннадия Александровича. Самим Ладыженским была проведена только опись коллекции оружия⁵, поэтому работникам музея предстояла очень сложная работа – поставить на учёт огромное собрание картин, предметов старины, ковров, фарфора, бронзы и многих других ценных предметов.

На протяжении нескольких лет семья Ладыженских и краеведы научного общества старались сохранить собрание му-

3 Охранная грамота Народного комиссариата по просвещению от 13 августа 1918 г: Копия документа // ККМ.

4 Кологрив – лучший город земли. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://emiltim.livejournal.com/5251.html> (дата обращения 26.09.2017).

5 Ладыженский Г.А. Опись оружия. Одесса. 1886 // КМЗ КОК 27022.

зая от разделения и расхищения⁶. Через несколько лет руководства музеем Николаем Ивановичем уходит с поста директора (точную дату установить пока не удалось). В 1922 году, после увольнения второго директора музея – Александры Николаевны Ладыженской, – руководство перешло к В.П. Чистякову, а затем к К.П. Счастливецу. В 1925 году художественно-исторический музей и краеведческий, открытый в 1919 году на основе коллекции В.П. Чистякова, были объединены⁷.

Николай Иванович Ладыженский после увольнения с должности директора музея в поисках работы уезжает из Кологрива. Далее информации о его жизни носит фрагментарный характер. О его дальнейшей судьбе можно судить лишь из воспоминаний его племянницы Ольги Александровны Ладыженской, изложенных А.И. Солженицыным в книге «Архипелаг ГУлаг», данных из Книги памяти Республики Удмуртия «Жертвы политического террора в СССР» и Книги памяти Костромской области. Известно, что он устроился на военный завод «Ижсталь» в Ижевске, где работал главным инженером. 28 декабря 1933 года он был арестован за то, что «считал недостаточными суммы, подписанные Орджоникидзе для расширения заводов»⁸, но был выпущен под домашний арест, так как квалифицированных работников на заводе не хватало. Потом снова арест, и приговор от 23 мая 1934 года на 10 лет «за неправильное использование

сумм»⁹. Николай Иванович Ладыженский погиб на лесоповале в один год, был реабилитирован 7 января 1957 года.

Николай Иванович Ладыженский также, как и Геннадий Александрович, связал свою жизнь с коллекционированием. В отделе редких книг и рукописей Нижегородской государственной областной научной библиотеки им. В.И. Ленина хранится библиофильская коллекция Николая Ивановича. В 1929 году по решению Костромского губернского исполнительного комитета в Кострому была вывезена часть книжного собрания Кологривского музея. Поводом к нарушению охранных грамот Наркомпроса 1918 и 1921 годов стала ликвидация Костромской губернии и переход Кологривского уезда в состав Нижегородской губернии. В 1940 году из собрания Кологривского краеведческого музея было изъято и отправлено в Горький 1497 книг. В Горьком эти книги поступили в фонд Губернской центральной общественной научной библиотеки им. В.И. Ленина (сегодня: Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека им. В.И. Ленина). На сегодняшний день тома, вывезенные из Кологривского музея, составляют фонд «библиотека Н.И. Ладыженского» (название дано по присутствующему на каждом экземпляре владельческому штампу Николая Ивановича, поставленному, в том числе и на томах из библиотеки Геннадия Александровича, уже после его смерти). В этот фонд вошла часть книг, принадлежавших Г.А. Ладыженскому и И.С. Некрасову (1836-1895) – писателю, исследователю древнерусской литературы, профессору и ректору Новороссийского университета в Одессе (видимо, именно тогда книги из его библиотеки были приобретены для коллекции Г.А.

6 Каталог / сост. Т.П. Сухарева, Е.Г. Смирнова; вст. ст. Т.П. Сухаревой; фотографии А.Н. Сыромятников; под ред. Н.В. Павличковой и И.С. Наградова. Кострома: Костромаиздат, 2017. 428 с.

7 Ладыженский Николай Иванович// Открытый список. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения 28.09.2017).

8 Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. URL: http://bookscafe.net/book/solzhenicyn_alexandr-arhipelag_gulag-9300.html (дата обращения 14.11.2016).

9 Там же.

Ладыженским). На многих изданиях имеется штамп «Библиотека Николая Ивановича Ладыженского»; владельческие надписи: «Ген. Ладыженский», «Н. Ладыженский», «Н. Л.», «Некрасов»; дарственные надписи: Н.П. Кондакова, И.Е. Забелина, С.П. Шевырева и других. Всего – 1148 экземпляров книг, брошюр и журналов 1765 – 1915 гг. выпуска на русском и иностранных языках¹⁰. Коллекция имеет универсальное назначение: издания по архитектуре, искусству, живописи, филологии. Также представлена художественная литература, медицина, точные науки, история: издания по всеобщей истории и истории отдельных стран. Большое место занимают практические руководства: по гражданской архитектуре, садоводству, сельскому хозяйству,

лечебники, травники. Широко представлены издания справочного характера. Среди редкостей – цельногравированные издания, литографированные лубки, литературные альманахи XIX в., журналы: «Весы», «Старые годы», «Русский библиофил»¹¹. Таким образом, мы видим, что представитель рода Ладыженских – Николай Иванович – связав свою судьбу с коллекцией Геннадия Александровича не только сохранял его собрание, но и пополнял его коллекцию, производил большую работу по учёту и описанию собрания Геннадия Александровича Ладыженского. Почему Николай Иванович оставил должность, каковы были его побудительные мотивы – нам предстоит узнать. Мы надеемся найти официальные документы, которые дадут ответ на этот вопрос.

10 Коллекция Н. И. Ладыженского // Нижегородская Государственная Областная Универсальная Научная Библиотека им. В. И. Ленина. URL: <http://www.nounb.sci-nnov.ru/kp/lad.php> (дата обращения 24.11.2016).

11 Там же.

АССИРИЙЦЫ – ВЫХОДЦЫ ИЗ СЕЛА СЕВИНЕ В ГОРОДАХ ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ В 1920-1930-Х ГГ.

Михайлов С.С.

*Научный сотрудник Музея истории и культуры
старообрядчества, член Союза писателей России Москва*

В XX столетии в составе населения городов Верхневолжья и прилегающих к нему областей произошли значительные изменения. Это в, том числе, касается и этнического облика местных жителей. Среди новых для региона народов появляются и представители этнических групп, происходящих не с территории России даже в границах прежней Империи и могущие даже показаться экзотическими для, вроде бы, исконно русских городов. К таким этносам относятся и ассирийцы, поселившиеся маленькими диаспорами, от одной до нескольких десятков семей каждая, начиная с 1920-х гг. Невзирая на такую малую численность, ассирийцы долгое время были интересным элементом городской культуры, работая на маленьких «стоянках» по чистке обуви, продавая сопутствующую сапожную фурнитуру и гуталин.

Восточные ассирийцы (сирийцы, сиро-халдеи, несториане, сурая, атурая), поселившиеся после 1918 г. в российских городах, подразделялись на два десятка племен-миллет, в состав которых входили также достаточно четко оформленные сельские сообщества. Расселение асси-

рийцев-беженцев в поисках нового жилья также происходило с учетом племенных и сельских особенностей. В их рамках в дальнейшем происходили и внутриэтнические контакты с диаспорами других городов. Этот фактор нельзя игнорировать при изучении ассирийской истории и культуры в нашей стране. В данной работе автор, опираясь прежде всего на свои полевые материалы и скудные публикации, попытается рассмотреть судьбу выходцев из одного ассирийского села, а именно с. Севине, которое до геноцида и изгнания христианского населения востока Турции в 1915 г. находилось в ассирийском районе Барвар в горах Хяккяри, в Курдистане, семьи выходцев из которого с 1920-1930-х гг. известны во многих городах Верхней Волги и сопредельных областей.

Полевая информация, использованная при написании этого материала, была получена автором в 1994 г. от представителя группы севиня Якова Юханновича Вартанова, а также в 2014-2016 гг. от уроженцев и жителей г. Владимира, Семена Баделевича Бит-Ишо (1931 г.р.) и Валерия Вениаминовича Даведьянова (1952 г.р.), жителя г. Иваново Сергея Саргизова

(1952 г.р.), также частично имеющих севи-найское происхождение (в основном уже от смешанных браков с ассирийцами других групп).

Село Севине до 1915 г., как мы упомянули выше, располагалось в горной ассирийской области Барвар, его жители относились к категории т.н. «полузависимых» ассирийцев-райя. В селении, по сведениям русского вице-консула В. Маевского, на 1899 г. было 20 дворов,¹ что, по аналогии со многими другими ассирийскими горскими населенными пунктами, можно поставить под сомнение. Дворов было явно больше, что, к примеру, со ссылкой на рассказы родителей говорил автору Я.Ю. Вартанов, возможно, указанному дипломату называли лишь число кланов, живших в селе. Барвар располагался рядом с территорией аширетного («независимого») ассирийского маликства Диз и барварная находилась в определенной зависимости от его маликов. В Барваре также находилось село Кочанис – резиденция духовных и светских глав ассирийцев, патриархов из рода Мар-Шимунов. Его население считалось самостоятельной группой и в состав барварная, как правило, не включалось.

Вначале мы попытаемся разобраться с расселением ассирийцев-барварная из с. Севине (севиная) по городам интересующего нас региона по публикации современного ассирийского историка, игумена Стефана (Садо) из Санкт-Петербурга. Он на протяжении многих лет занимается изучением судьбы своего народа в России, более обращая внимание на моменты, связанные с Церковью, а также сталинскими репрессиями. В его книге мы видим достаточно большое число репрес-

сированных выходцев из Барвара, которые проживали в разных городах. Часто о деревнях, в которых они родились, нет никаких сведений и фигуранты имеют записи, что они якобы являются уроженцами иранской Урмии, поскольку имели иранские паспорта. Как правило, приводимый автор пишет истинное место рождения в том случае, когда располагает другими сведениями о человеке и диаспоре, в которой он проживал. У Садо мы встречаем и данные о репрессированных севиная в Москве, Владимире, Иваново, т.е. из городов, о которых он знал информацию лично, но о многих местах у него явно просто нет сведений².

Однако, во всех официальных сведениях, касающихся ассирийцев нашей страны, есть много подводных камней. Это не только скудный объем информации по жителям того или иного города, которых в позднее время на местах часто отказывались писать ассирийцами в документах. Прежде всего, всех беженцев, кто шел в Россию через территорию Ирана, снабжали паспортами этой страны – ее власти имели виды на сопредельные турецкие земли и намеревались использовать местных христиан как разменную карту. По этой причине уроженцы турецких областей везде значатся как, якобы, выходцы из иранской Урмии. Истинную исходную принадлежность той или иной ассирийской семьи или группы семей можно выяснить только путем сбора полевой информации, хотя иногда даже представители старшего поколения, которое ныне представляет чаще всего внуков беженцев, не всегда бывают в курсе истинного положения дел. Часто, будучи осведомлены о наличии у деда или бабушки в

1 Маевский В.Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. Тифлис, 1904. Приложения. С.68.

2 Садо Стефан. Мартиролог ассирийцев СССР. СПб., 2017. С.179, 188-189, 196,221, 270, 428-429, 495-496 и др.

прошлом иранского паспорта, информанты их родиной считают записанную там Урмию.

Из бесед со старожилами нам стала ясна следующая картина. К первой половине 1920-х гг. почти все уцелевшие во время исхода и оказавшиеся на русской территории севиная оказались в Москве, где им удалось компактно поселиться в районе Сретенки: Уланский, Даев, Луков, Живарёв переулки и улица Домниковка, район Каланчёвки. Во главе этой небольшой диаспоры, которая едва насчитывала два с половиной десятка семей, стоял прежний глава селения Шавель, о котором мы скажем чуть ниже. Мне ничего не смогли поведать о судьбе священника (каши) из сельского храма Мар-Курьякус (святого Кирика), но до Москвы смог добраться один из диаконов (шамаша), которого звали Яку Хенно. Этот человек прожил весьма долгую жизнь – по словам знавших его, он умер в возрасте около ста лет. В московской ассирийской диаспоре и многим москвичам других национальностей он был более известен как сильный целитель, лечивший с помощью старинной Библии на ассирийском (новоарамейском) языке.

Но, какова причина, по которой односельчане, сумевшие сохранить компактное поселение даже в Москве, вдруг после 1925 г. оказываются разбросанными по, как минимум, нескольким городам? Свет на это нам проливает эпизод из книги Г. Андреевского, взятый из какого-то архивного дела или газетной статьи того времени. В конце 1924 г. произошел серьезный конфликт между представителем севиная, Яковом Иосифовичем, носившим русскую фамилию Семёнов, и проживавшего в единственном в Москве чисто ассирийском доме на Самотёке среди колонии аширетных ассирийцев

племени дизная малике по имени Осип Лазар. Последний сохранял свою власть над соплеменниками, попавшими в столицу Советской России, входил в состав комиссии по распределению мест для чистки обуви, через которую также старался проводить свою политику. Семенов осмелился возразить Лазару, а тот через непродолжительное время, собрав не менее трех сотен мужчин-дизная, попытался устроить погромы в местах проживания односельчан обидчика, отказавшихся выдать последнего. Расправа была предотвращена милицией и дворниками, малик в конце концов две недели провел в ГПУ. Оттуда он пытался угрожать, требовать контрибуцию как за оскорбление, так и за арест. Видя безвыходность сложившегося положения, малик-раис севиная, Камбар Мирзаев, был вынужден писать властям с просьбой защитить его соплеменников и односельчан от куда более многочисленных в Москве и агрессивных аширетных дизная, с детства знакомых с оружием³.

Именно после этих драматических событий и попадают отдельные семьи севиная во Владимир, Иваново, Шую, Ковров, возможно в Ярославль, Рыбинск и ряд других, еще невыясненных нами городов. Во Владимире известная нам по изучению прошлого городской диаспоры семьях Бит-Ишо поселилась как раз в начале 1925 г. К севиная здесь принадлежал муж Бадель, супруга Шмуни являлась представительницей группы кочисная, жителей села Кочанис, резиденции патриархов Мар-Шимунов. Бит-Ишо приехали в город, где уже какое-то время жила семья отца Шмуни – Даниила Ишо.

От С.Б. Бит-Ишо, сына Баделя и Шмуни, автору известно, что в Коврове до войны проживала семья тезки и однофа-

³ Андреевский Г. Москва 20-30-е годы. М., 1998. С.86.

мильца его отца. Когда он в 1950-х гг. занимался реабилитацией Баделя Бит-Ишо, во владимирском областном КГБ ему по ошибке попытались дать документы на ковровского тезку и однофамильца репрессированного родственника, также арестованного в 1938 г. У того Баделя Бит-Ишо было восемь детей (у владимирского только пять). Он также происходил из Севине и оказался родственником, с семьей которого после 1930-х была потеряна связь. В материалах о жертвах репрессий по гор. Ковров упомянут лишь некий Иосиф Бит⁴. К сожалению, у нас нет информации о его происхождении (упомянут город Урмия), возможно он также севиня, или же выходец из сел. Марван области Нудыз, уроженцы которого также проживали в Иваново, Владимире, Нижнем Новгороде и других городах этого региона.

В Иваново семьи севиня появились также после 1925 г., это были Бит-Павловы и Муши. В г. Шуя, той же Ивановской области, по словам С. Саргизова, жила семья его родственников, из которой происходили Лазарь и Леонид Саргизовы. Появление ассирийцев этой группы в указанном городе легко объясняется прохождением через него однопутной ж.д. ветки из Коврова в Иваново, по которой после 1925 г. они могли сюда попасть. Также одна-две семьи выходцев из Севине, по рассказам старожилов, в то же самое время появляются в Нижнем Новгороде (в советское время – Горький), где также жили барварная из других населенных пунктов.

Отдельно нам хотелось бы остановиться на личности малик-раиса с. Севине, которого соплеменники звали Шавель, а по официальным документам он всегда проходит как Камбар Георгиевич Мирзаев. Как мы уже упомянули, он со-

хранял свою власть над односельчанами даже в условиях Советской России. По словам Я.Ю. Вартанова, Шавель до 1925 г. открыто ходил по Москве с маузером, а до самого последнего момента, т.е. до ареста и высылки, держал серого в яблоках коня, на котором разъезжал по городу. Он регулярно объезжал все города, где жили севиня, мог подолгу гостить у подопечных. В.В. Даведьянов привел мне детские воспоминания своей матери, в доме отца которого во Владимире гостил малик. Маленькой девочкой та часто наблюдала, как по утрам этот важный гость, которому боялись перечить и стар, и млад, совершал молитвы на восток, где к тому же стояло здание русской православной церкви, почему-то накрыв голову полотенцем.

Шавель в России женился третий раз, выбрав в супруги юную красавицу. Для этого все севиня, разбросанные по городам Верхней Волги и соседних губерний (они еще не были переименованы в области), собирали ему на калым необходимые двести золотых червонцев. До своего ареста малик регулярно отправлял молодую жену на отдых в Бейрут, о чем та хвасталась всем знакомым. Эти рассказы и привели чуть позже к аресту ее мужа – поездки за границу навели подозрение НКВД.

От С. Саргизова мне удалось услышать о проживании как минимум одной семьи севиня в Ярославле. К сожалению, с этими родственниками связь оказалась потерянной очень давно и помочь с выходами на их потомков он не смог. Нам также известно, что какие-то барварная, пока неизвестно из какого именно селения, жили в Рыбинске. Учитывая расселение семей, принадлежащих к той или иной группе, по линиям железной дороги, а в некоторых случаях – и по Волге, мы можем предположить, что к севиня, которые выехали

⁴ Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР.. С. 179.

из Москвы в 1925 г., могли принадлежать и единичные ассирийские семьи, которые жили в Ростове Великом, Переславле Залесском, Угличе и Калязине. По рассказам старожилов, в этих городах еще в послевоенные десятилетия стояли палатки смуглых чистильщиков обуви. Ныне выяснить какие-либо подробности вряд ли удастся – они могли быть получены только полевым путем.

По рассказам представительницы миллет куная, Нины Барутовы Завзу, много давшей автору информации по истории ассирийцев Москвы и ряда других мест в XX столетии, семья барварная среди около десятка семей других групп, в основном джильвая, по крайней мере в 1940-1950-х гг. жила в «городе сапожников» – в Кимрах (запись 1995 г.). Сведениями о том, были ли они севиная, или же происходили из другого селения, она не располагала.

В Костроме, согласно областной «Книге памяти...», было репрессировано два представителя ассирийского народа. Один из них, Адам Лазаревич Осипов, однозначно принадлежал к иранским урмижнана, второй, Матвей Ишо, чистильщик обуви, хотя по традиции тоже показан уроженцем Урмии, явно принадлежал к одной из горских групп⁵.

К сожалению, мои информанты-севиная ничего не смогли вспомнить о проживании их родственников или иных известных им соплеменников этой группы в Костроме. Учитывая то, что к настоящему времени потеряны многие связи и даже память о них, нельзя исключать принадлежность этого человека и его семьи (возможно и еще нескольких?) именно к севиная. Это сейчас можно было бы определить только из устной беседы с родственниками или потомками. Фамилия Ишо здесь вряд ли может что-то дать – она является весьма распространенной и ее ныне в России носят ассирийские семьи из разных миллет.

Работа по исследованию истории ассирийских общин европейской части России, в том числе и по истории выходцев их села Севине, горного район Барвар, продолжается. Возможно, в ближайшее время мы сможем записать рассказы и других потомков беженцев из него, получим от них новые, важные для выяснения максимально полной картины полевые сведения.

5 Книга памяти жертв политических репрессий Костромской области. Т.2. Кострома, 2010. С.203; Т.3. С.331.

ТРИ ПРАЗДНИКА. СТРАТЕГИИ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОСТРОМСКОГО КРАЯ*

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00379 «Региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов (на материале полевых этнографических и этнолингвистических исследований в Костромском крае в XX - XXI вв.)».

Слепцова И.С.

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

В настоящее время мы наблюдаем новую жизнь традиционных календарных праздников, что обусловлено изменениями в политическом и социокультурном устройстве страны в последние десятилетия. При этом адаптация традиционных праздников в современных условиях может осуществляться в рамках разных стратегий, связанных с разными подходами в культурной политике и с разным видением и пониманием традиционности как таковой. Можно сказать, что эти подходы связаны с разным прогнозированием будущего нашей культуры и страны в целом и отражают столкновение позиций разных социальных групп в борьбе за это будущее. Выделим несколько основных стратегий социокультурных преобразований, связанных с разными социальными стратами, и обозначим их условно как «дохристианско-традиционалистскую»,

«православно-традиционалистскую», «советскую» и «постсоветскую».

Мы рассмотрим различные стратегии поддержания традиции и ее трансформации на примере трех календарных праздников (Масленица, Ярилки, Владимирская), известных на территории Костромского края. На основе анализа локальных версий упомянутых праздников покажем формы их функционирования и специфические особенности, а также место и роль в современном праздничном быту горожан.

* * *

Обращение властей к традиционным праздникам для решения политических задач происходило на протяжении последнего столетия несколько раз. В первое послереволюционное десятилетие с

этой целью властными структурами был инициирован процесс создания революционных праздников на основе традиционных (таких как Рождество, Пасха и др.), которым их организаторы старались придать новое содержание, соответствующее задачам революции и имеющее пролетарскую символику¹. Новый этап и новый подход к использованию народных праздников относится к 1950-1960-м годам, когда стала ясна необходимость создания социалистических форм культуры, отвечающих культурным запросам населения и целям его воспитания². Доминирующими стали унифицированные советские формы, которые централизованно внедрялись через систему образования и учреждения культуры. Праздники организовывались работниками культуры в рамках реализации официально утвержденных программ. При этом основной акцент делался на преодолении традиционности и на связи с актуальными явлениями в советской действительности, результатом чего становилась утрата традиционной символики и смысловая редукция традиционных праздников.

Все это привело к тому, что в позднесоветский период календарные праздни-

1 Иникова С.А. Советские праздники в русской деревне // Российский этнограф. Этнологический альманах. М., 1993. С. 122-139; Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009; Шаповалов С.Н. «Осовечивание» религиозных праздников в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 246-249; Шангина И.И. Традиционные и новые праздники и обряды в 1920-е годы // Традиционная культура русского народа в период 1920-1930-х годов: трансформация и развитие. М., 2016. С. 453-482; и др.

2 Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985; Полищук Н.С. Развитие русских праздников // Русские: Народная культура (история и современность). Т. IV. Общественный быт. Праздничная культура. М., 2000; Иникова С.А. Новые праздники XX – начала XXI в. // Русские Рязанского края. Т. 2. М., 2009. С. 558-583.

ки в значительной степени утратили прежние функции. На первый план выходили задачи социокультурного программирования: сохранение и репрезентация культурных традиций, нравственных и эстетических норм, правил поведения, поддержание преемственности поколений через усвоение младшим поколением культуры прошлого и формирование национального сознания. Основные усилия при этом были направлены на совершенствование методов использования элементов традиционного праздника, которые в современных условиях должны были быть адресованы разным социовозрастным группам. Поэтому вырисовывается закономерность: чем более распространенным и известным является праздник, тем меньшим своеобразием он обладает.

В постсоветский период интерес к традиционным праздникам не уменьшился, они стали рассматриваться как средство воспитания любви к малой родине, формирования локальной идентичности. Кроме того, всегда оставались актуальными и рекреационные функции. Не последнюю роль в этом процессе играли и экономические проблемы, решить которые предполагалось при помощи развития культурно-познавательного и событийного туризма, что вызвало необходимость придания отдельным территориям определенного узнаваемого облика. Одним из способов для этого была организация, так называемых, «брендовых праздников»³. В некоторых случаях этот проект оказался успешным, в других – такие искусственные праздники быстро угасли.

3 О брендинге территорий на материалах Костромского края см.: Динамика традиции в региональном измерении. Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края / Отв. ред. и сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова. М., 2016.

* * *

Мы выбрали для нашего анализа три разных по характеру, способам проведения, адресатам и идеологической направленности праздника, чтобы на этих примерах продемонстрировать, как один и тот же культурный посыл: вписать традиционные культурные формы в современный праздник, – реализуется в конкретных мероприятиях, организуемых различными акторами (индивидами и социальными группами) в рамках разных стратегий социокультурных преобразований.

Все перечисленные праздники имеют давнюю и разную историю на территории Костромского края и продолжают существование в настоящее время (или существовали в недавнем прошлом), занимая свое место в праздничном календаре местных жителей, но различаясь при этом прагматикой. Масленица, которая в Галиче XIX в. была, вероятно, самым большим праздником, в советское время пережила период частичного запрета и возрождения в 1950-1960-е годы, когда этот праздник вошел в перечень официально поддерживаемых и стал Проводами русской зимы. Праздник Ярилки (Яриловка)⁴, отмечаемый через неделю после Троицы, в XIX в. также был одним из наиболее массовых в Галиче, но постепенно его популярность падала. В XX веке Ярилки были известны только в прилегающей к городу д. Олюшинской (совр. ул. Олюшинская), где они сохранялись в живом бытовании еще в начале 1980-х годов. Праздник Владимирская, отмечаемый 6 июля, имеет не столь давнюю историю, как два первых. Его возникновение, вероятно, относится к XIX веку и связано с посещением святого

родника в лесу недалеко от деревень Никулино и Шемятино Макарьевского района. Почитание источника началось после обретения на растущей рядом с ним березе иконы Владимирской Божией Матери, в честь которой там была построена часовня. Несмотря на разрушение часовни в советское время продолжалось паломничество к источнику, который считался целебным. В настоящее время праздник известен под названием «Ходить на поток».

Характерной чертой всех упомянутых праздников является их зависимость от административных ресурсов. Это в первую очередь относится к масленице, ставшей одним из наиболее массовых праздников и символом народности. Написание сценария этого праздника и его конкретное воплощение полностью находится в руках специалистов из отделов культуры и центров досуга. Методическая помощь оказывается вышестоящими организациями, ими же контролируются и формы проведения праздника. В этих условиях весьма проблематично сохранение локальных особенностей, тем более, что местные работники все чаще ориентируются на образцы, транслируемые интернетом, результатом чего является эклектичность, упрощение и унификация праздничных элементов. Как и в других регионах, сценарий проведения масленицы включает в себя театрализованное представление, которое ведут сказочные персонажи (Зима, Весна, Дед Мороз, Вьюга и т.д.), концерт фольклорных коллективов и различные интерактивные мероприятия, проводимые для зрителей: игры, конкурсы, спортивные состязания и катание на лошадях. Организуется торговля выпечкой, шашлыками, блинами и чаем, выставки работ народных мастеров, ярмарка товаров и т.п.

4 Сведения о Ярилках в Костромском крае собраны Н.А. Зонтиковым в очерке «Прощание с Ярилой». URL: <http://kostromka.ru/zontikov/yarilo/1.php> (дата обращения 20.09.2017).

Современная масленица существенно отличается от традиционной, она содержит элементы, которые привнесены в ее состав как в советское время (масленица как праздник Проводов зимы), так и в постсоветский период, когда в местные варианты этого праздника начинают вводиться не только нехарактерные элементы, вроде сжигания чучела, но и современные версии развлечений, имитирующих традиционные (катание на квадроциклах, соревнования спортивного типа, карнавальные шествия и т.п.). Причем, в силу того, что обрядовая семантика праздника уже не осознается ни авторами сценария, ни присутствующими на празднике зрителями, актуальной становится только его развлекательная и эстетическая составляющая. Это иногда приводит к неадекватной интерпретации обрядовых атрибутов. Например, чучело Масленицы, имевшее и в досоветской, и в советской традиции отрицательные коннотации (изгнание грехов и плотского начала перед Великим постом или выпроваживание символа Зимы), изготавливается в виде красавицы в русском сарафане, символизирующей «Широкую масленицу». Однако развлекательно-игровой характер, повторяемость и вписанность в систему праздников регионального значения позволяет масленице оставаться одним из наиболее сохранившихся и востребованных современных праздников. В данном случае используется сочетание разных стратегий социокультурных преобразований, предполагающее сохранение как дохристианских и православных, так и советских элементов, что обеспечивает высокую степень устойчивости данного праздничного конструкта и его воспроизводимость как в рамках официального праздничного календаря, так и в естественном бытовании.

Праздник Ярилки, который в традиции сопровождался ряженьем, шествием с чучелом Ярилы и бросанием его в пруд, а также устройством складчины и гуляньем с пением частушек и пляской, к 1980-м годам уже ушел из активного бытования⁵. В этот период праздник еще продолжал бытовать на ул. Олюшинская, которая до последней четверти XX века сохраняла устойчивый состав населения, поэтому праздник поддерживался силами самих жителей, и его проведение было освящено традицией. Однако после смерти одной из пожилых жительниц – наиболее активного его организатора, праздник довольно быстро угас, поскольку оказался не нужен современным жителям этой улицы, многие из которых переехали из других мест и не имели о нем никакого представления.

В начале 2000-х годов были попытки использовать этот праздник для привлечения туристов и создания на его основе своеобразного культурного бренда. По замыслу организаторов, он должен был иметь характер исторической реконструкции. При составлении сценария были привлечены опубликованные в дореволюционной литературе сведения о существовании в Галиче Ярилок в достаточно вольной трактовке. Конечно, по отношению к этому мероприятию нельзя говорить об исторической реконструкции. То обстоятельство, что праздник был ориентирован на особую категорию населения – туристов, выдвигало на первый план перед его организаторами совершенно особые задачи. Праздник должен был иметь яркую, привлекательную и интересную для современного человека форму. Это обу-

⁵ Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. По материалам Центрального района РСФСР. М., 1989. С. 242-243.

словило подход к традиции как к «сырому» материалу, который можно переделывать в зависимости от своих целей. Отсюда и субъективная интерпретация семантики, использование не характерной символики, перенесение акцентов, произвольная комбинация отдельных элементов и т.д. В рамках проведения фестиваля «Узоры озера» было создано особое пространство для праздника, отмеченное идолами Ярилы на горе возле ДК и Купалы около Галичского озера. Вокруг этих двух фигур, расположенных в маркированных локусах, и разворачивались основные праздничные мероприятия. Туристы, для которых этот праздник был экзотикой, не имели внутренней мотивировки для участия в нем и могли выполнять только роль зрителей, несмотря на введение интерактивных акций: старинных игр и развлечений (вроде катания с гор на заячьих шкурках). В этой среде праздник приобрел функции, отличные от тех, которые он выполнял в естественной (аутентичной) среде бытования. У местного населения праздник не получил поддержки, поскольку в исторической памяти горожан не осталось каких-либо воспоминаний о нем. Собственно, они были такими же «туристами» на этом празднике. После нескольких попыток проведения стало ясно, что это мероприятие требует больших финансовых затрат и не оправдывает себя в экономическом плане, а также не вызывает интереса у населения, поэтому праздник в этом виде прекратил свое существование. Решающую роль в данном случае сыграли недостаток внутренней мотивации как у участников, так и у организаторов праздника. Важной причиной неудачи реконструкции явилось то обстоятельство, что организаторы праздника не сумели опереться на существовавшую

в недавнем прошлом местную традицию, не привлекли к его проведению живых участников. В данном случае перед нами образец использования дохристианско-традиционалистской стратегии в сочетании постсоветской (рыночной), результатом чего оказывается неудача в выстраивании социальных коммуникаций и, как следствие, отсутствие достаточной мотивации привлекаемых социальных агентов (сообществ).

Другой характер имеет **праздник Владимирская** (иконы Владимирской Божьей Матери), который до сих пор отмечается паломничеством на святой источник (Поток) большого числа людей, приезжающих из разных мест Костромской и соседних областей⁶. Особенно много народа собирается в те годы, когда праздник приходится на выходные. В последние десятилетия при поддержке церкви возле источника восстановлена разрушенная в советские годы часовня и сооружена купальня. Параллельно со стихийным паломничеством в день иконы Владимирской Божьей Матери совершается молебен и крестный ход. В часовне все входящие считают своим долгом оставить какую-либо сумму денег, произнести молитву и зажечь свечи. Многие приносят туда и цветы, что, возможно, связано с действиями, характерными для следующего за Владимирской Иванова дня. Однако, по нашим наблюдениям, сохраняются и дохристианские (или неканонические христианские) практики, связанные с омовением в источнике и развешиванием на близлежащих деревьях одежды, ленточек и проч., что, по бытующим представлениям, является залогом выздоровления. Вода из источника счита-

6 Полевые материалы автора, 2015 г.

ется святой, поэтому ее пьют, наливают в разные емкости, а также окунают в нее березовые веники, которые изготавливают из ветвей близлежащих деревьев. Некоторые собирают в окружающем лесу разные травы. Все это забирается с собой и используется при необходимости для лечения. Завершается паломничество к источнику прикосновением (обнимают или прижимаются спиной) к «черной березе» с висящей на ней иконой и совершением молитвы, поскольку это дерево также считается обладающим целебной силой. Посещают «Поток» и в другие праздники, например, в Иванов день, когда около него «копают» травы, в Троицу, когда «берут» ветки с березы, и в Крещение, когда специально приезжают за водой. Некоторые паломники, у которых есть родственники и знакомые в соседней деревне Никулино, заходят к ним в гости, чтобы поздравить их с престольным праздником Ивановым днем, который отмечается там на следующий день, при этом устраивается небольшое застолье.

В этом случае мы наблюдаем сочетание разных социокультурных стратегий, находящихся в состоянии внутреннего конфликта. С одной стороны, это активно развивающаяся в постсоветский период православно-традиционалистская стратегия, которая проявляется в поддержке церковнослужителями почитания святого места: сооружение часовни и купальни, проведение молебна с освящением источника. Эта тенденция массово поддерживается паломниками, которые не только участвуют в молебне, но и используют освященную воду и другие атрибуты. С другой стороны, в празднике сохраняется существенное влияние дохристианско-традиционалистской составляющей, правда, в значительно адаптированной православием еще в досоветский период

и активно возрождающейся в настоящее время во многих регионах. К элементам дохристианской традиции можно отнести пережиточные формы культа дерева (растительности) и воды, а также лечебной магии (омовение в источнике и развешивание деталей одежды на деревьях близ него), что, возможно, является проекцией атрибутики двух других важных календарных праздников: Троицы и Иванова дня (Ивана Купалы).

* * *

Проанализированные нами три способа адаптации традиционных праздников помогают построить объяснительные модели их трансформации в современных условиях и оценить влияние на процессы изменений различных акторов – индивидов и социальных групп.

Из трех рассмотренных праздников в настоящее время только один – Владимирская – продолжает естественное бытование. Стихийно сложившиеся практики почитания сакрального объекта, поддержанные церковью, оказались наиболее живучими и востребованными. Важным фактором, обусловившим его существование, является прагматическая направленность. Если говорить о масленице, то можно отметить всего лишь два сохранившихся в быту традиционных элемента: приготовление блинов, а также разведение костров, которое теперь в некоторых местах выполняется детьми и подростками. Это действие для них лишено какого-либо магического смысла и является календарно-приуроченным типом развлечений. Праздник Ярилки полностью исчез из быта как утративший свое значение для населения. Он мог бы стать локальным праздником для жителей одной улицы (аналогичным Дню улицы), однако разобщенность данной социаль-

ной и территориальной группы, а также отсутствие лидера, заинтересованного в его поддержке, не позволили реализоваться этой возможности.

Сравнение традиционных версий с современными демонстрирует как некоторые общие закономерности (реконструкторские усилия, осуществляемые представителями разных социальных групп), так и существенные отличия. Хотя эти праздники и раньше различались по своему наполнению, в разной мере сочетая дохристианские и христианские

верования, в целом они существовали в рамках установившегося еще в XIX веке консенсуса между православным праздничным календарем и остатками прежних языческих праздников, приуроченных к периодам солнцеворота. При этом все три рассматриваемых праздника в большей или меньшей мере сохранили элементы, связанные с земледельческой магией и поклонением природным стихиям (вода, огонь, земля).

ТРАДИЦИОННЫЙ СЕЛЬСКИЙ ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТРОМСКОЙ И ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Чеснокова Е.Г.

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

Все чаще исследования, посвященные похоронно-поминальной обрядности, обращаются к проблемам трансформаций и инноваций, которые происходят в этой сфере. Безусловно, наблюдаемые в обществе изменения не могут не отражаться в том числе и на комплексе практик и представлений, сопровождающих смерть человека. Изменение условий жизни, смещение ценностных приоритетов и формирование новых установок требуют модернизации как смыслового наполнения обрядовых действий, так и их формального выражения. Одновременно с этим привязка к такому критическому моменту в жизни, как смерть близкого, позволяет похоронному обряду сохранять большой «запас прочности», особенно в ситуации, когда названные выше факторы оказывают ограниченное влияние.

В сельской местности Верхнего Поволжья похоронный обряд в целом включает в себя немало традиционных элементов: сохраняется общая последовательность действий, воплощающих концепцию перемещения покойного из мира живых в мир мертвых; маркирование значимых временных вех; состав

ключевых элементов предметного кода. Более заметные изменения происходят на уровне пространственного распределения этапов похоронного обряда и в составе участников ритуальных практик.

Версия похоронного обряда, представленная в Костромской и Владимирской областях, соответствует общерусской традиции¹, в том числе и традиции, распространенной в Верхневолжском регионе². В данном обзоре мы рассмотрим несколько отдельных эпизодов традиционного похоронного обряда, сохранявшихся в сельской местности вплоть до последнего времени. Выявить

1 Носова Г. А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М., 1999. С. 61-163; Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русские. Сер. Народы и культуры. М., 2005. С. 517-532.

2 Шустрова И.Ю. Очерки по истории русской семьи Верхневолжского региона в XIX – начале XX века. Ярославль, 1998. С. 70-75; Киселев А.В. Формирование и развитие традиционных религиозных представлений русского населения Верхнего Поволжья в XIX-XX вв.: дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02, Ярославль, 2003. С. 136-137; Жесса-Анстет Э., Шустрова И.Ю. Похоронно-поминальная обрядность русских Верхневолжья в XIX-XX вв. // Век нынешний, век минувший : Ист. альманах. Ярославль, 2000. Вып. 2. С. 18-24.

традиционные черты современной сельской похоронно-поминальной обрядности позволяет сопоставление записей кон. XIX – нач. XX в.³ с материалами текущих полевых этнографических исследований⁴.

Приготовление к похоронам часто начинается заранее. Как сообщает В.И. Смирнов: «Справные» люди задолго собирают себя. При жизни шьют себе «весь обряд» и заказывают домовину – гроб»⁵. Многие сельские жители, с которыми мы встречались в ходе исследований, вспоминали, как их старшие родственники готовили себе гробы и хранили их в доме, как правило, на чердаке. До настоящего момента сохраняется обычай запасать погребальную одежду: «Это у меня одежда в небытие всё. Когда я перестану дышать, пусть меня в это во всё одевают. <...> А зачем мучить людей? И чтобы кое в чем меня тут бросили? Думаю, уж если господь дома приберет, то всё готово»⁶. Как мы видим, сегодня этот обычай поддерживается желанием избавить родственников от части забот, связанных с похоронами, и в немалой степени стремлением обеспечить себе достойный внешний вид. Даже в слу-

чае, когда не был собран отдельный узел, человек может указать родственникам на одежду, в которой желает быть похороненным. О такой ситуации нам рассказали в Селивановском районе Владимирской области в 2016 году: тяжело больная женщина попросила свою дочь похоронить ее в одном из двух ее любимых платьев, что и было выполнено. В трансформированном варианте обычай «собирать себя» продолжает жить в форме откладывания пожилыми людьми денег на похороны. В условиях активного развития ритуальных услуг обеспечение исполнения похоронного обряда зависит не столько от наличия конкретных ритуальных предметов, сколько от возможности их приобретения родственниками в случае необходимости.

В материалах «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева упоминается обычай оставлять деньги «на помин души»⁷, который продолжает бытовать и сегодня. В традиционном варианте принято приходиться прощаться в дом, где находится гроб с умершим, оставляя деньги в ногах у покойного. Поскольку в настоящее время все чаще покойный уже не оказывается в доме⁸, возникает адаптированный вариант, который мы наблюдали в пос. Красная Горбатка Селивановского района Владимирской области. Похоронная церемония началась, когда гроб с умершей, привезенный ритуальной службой из морга, поставили на табуретки перед домом, в котором она жила. После того, как некоторые из присутствующих произнесли прощальные речи, остальные по очереди подходили к гробу, прощались с покойной и клали к ногам деньги.

Обязательным элементом традиционного похоронного обряда является раз-

3 Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева : (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993; Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии //Этнографическое обозрение. 1914. Т. 103. С. 81-178; Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2004. Т.1.: Костромская и Тверская губернии. Далее: РКЖБН; Смирнов В. Народные похороны и причитания в Костромском крае //Тр. Костром. науч. о-ва по изучению местного края: Второй этногр. сб. Кострома. 1920. №. 15. С. 21-126.

4 Полевые исследования в Костромской области проводились в рамках работы по проекту РГНФ № 15-01-00379а «Региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов (на материале полевых этнографических и этнолингвистических исследований в Костромском крае в XX - XXI вв.)»

5 Смирнов В. Указ. соч. С. 31.

6 ПМА-2016: №03 (Костр. обл.; Мантуровский р-н).

7 РКЖБН. С. 361.

8 Соколова А.Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187-202.

брасывание веток по дороге на кладбище. Источники сообщают, что для этого могла использоваться «еловая зелень»⁹ или «изрубленный можжевельник»¹⁰. Жители Межевского района Костромской области нередко уточняли, что раньше было принято кидать на дорогу пихтовые ветки: «... ну считается, в основном это хвойные, но у нас это пихта. Принято так. Если уж бывает такое, что пихты не знают родственники, где-то ее взять надо ведь – значит, просто какое-то хвойное»¹¹. К настоящему времени практика унифицировалась, и практически во всех районах на дорогу бросают еловый лапник.

В статье В.И. Смирнова упоминается распространенный в Костромском Поволжье обычай, «...но не повсеместно и притом постепенно исчезающий, вешать на углу дома, в котором кто-нибудь умер, с наружной стороны около окна, или опускаемая из окна небольшой кусок полотна, до полу-аршина длиною, богатые вешают целое полотенец, “чтобы душа покойника летая и тоскуя около дома, могла утирать слезы этой тряпочкой”»¹². Несмотря на предположение о возможном исчезновении этого обычая, он сохраняется и по сей день не только во многих районах Костромской области, о чем нам неоднократно рассказывали местные жители¹³, но и в близлежащих регионах¹⁴.

9 Смирнов В. Указ. соч. С. 34.

10 Завойко Г. К. Указ. соч. С. 94.

11 ПМА-2016: №23. (Костр. обл.; Межевской р-н).

12 Смирнов В. Указ. соч. С. 32.

13 Чеснокова Е.Г. Материалы по похоронной обрядности. Межевской район Костромской обл., 2016 г. Зап. и подг. к публ. Е.Г. Чесноковой // Динамика традиции в региональном измерении. Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края. Москва, 2016. С. 432.

14 Жесса-Анстет Э., Шустрова И.Ю. Указ. соч. С. 19; Лепешкина Л.Ю. Традиционные обряды и ритуалы жизненного цикла в повседневной культуре народов Среднего Поволжья: XIX-XX вв.: дис. ... кандидата исторических наук: 24.00.01, Тольятти, 2011. С. 62; Шустрова И.Ю. Указ. соч. С. 71.

Особенно устойчивым элементом похоронного обряда можно назвать маркирование значимых временных вех, начиная со дня смерти человека. Совершение особых ритуальных практик приурочено: ко дню похорон, которые, как правило, проводятся на третий день после смерти; ко времени проведения персональных поминальных дней: 2-й день после похорон, 9-й и 40-й дни после смерти, а также годовщина смерти. Календарные поминальные дни приурочены к церковным праздникам. Обычно накануне родственников прибираются на могилах, чтобы в праздничный день место упокоения их близких было чистым и обустроенным, как и их собственный дом. В зависимости от района особо выделяются дни, приуроченные к Пасхе или Троице. В Мантуровском районе Костромской области особенно почитается Родительская суббота перед Троицей: «Большое – вот Родительская суббота и Троица. Это всегда большой праздник считается. <...> После Пáски вот ходят еще, а Троица – всегда народ. Столько народу на кладбище, все идут к своим могилкам. Порядок всегда у всех. Стараются, у кого есть родственники. А у кого нет теперь уже... Ну по соседству. [Соб.: А если на нескольких кладбищах родственники похоронены, то нужно посетить все?] Да, да, да. В Троицу обязательно уже всех посетить надо. [Соб.: А другое поминание – вообще все родительские входят?] Да, все у нас родительские. Ну Троица вот самое большое»¹⁵.

В некоторых районах Костромской области¹⁶ и в большинстве районов Вла-

15 ПМА-2016: №01 (Костр. обл.; Мантуровский р-н).

16 Слепцова (Кызласова) И.С. Культурно-бытовой уклад населения малых городов Костромской области по материалам полевых исследований 1982-2002 гг. // Динамика традиции в региональном измерении. Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края. М., 2016. С. 43.

димирской области¹⁷ большее значение придается посещению кладбища в Пасху: «[Соб.: У вас Пасха основной поминальный день?] *В.Ш.*: Да, да-да-да. Хотя все знают, что нельзя, но все равно все по привычке ходят. *Соседка В.Ш.*: А почему [нельзя – *Е.Ч.*]? Выходной день – все идет!»¹⁸ Стоит отметить, что с недавнего времени поминальные практики, приуроченные к Пасхе, вследствие активной работы церкви все чаще совершаются в Радоницу: «[Соб.: На Пасху или на Радоницу ходят?] На Радоницу. Но здесь тоже принято ходить на Пасху, но я отучаю, потому что это неправильно – на Пасху ходить на кладбище. [Соб.: А как вы им объясняете? Вы читаете проповеди во время службы?]

Проповеди, да, да. Перед Пасхой, в такие дни, как Вербное воскресенье, да.

Там народ собирается вербу освящать. Им заранее говорю, что на Пасху нельзя»¹⁹.

В сельской местности складываются такие бытовые, социальные и экономические условия, которые позволяют традиционным формам похоронного обряда долгое время оставаться актуальными. Несмотря на то, что структура похоронно-поминальной обрядности в целом претерпевает существенные трансформации, некоторые отдельные эпизоды продолжают сохраняться в почти неизменном виде. Как мы видим, такие устойчивые элементы представлены как на стадии приготовления к похоронам, так и на стадии проводов покойного и его дальнейшего поминовения.

17 Соколова А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX – начале XXI вв. (на материалах Владимирской области): дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.07, Москва, 2013. С. 129.

18 ПМА-2017: №22 (Костр.обл.; Нерехтский р-н).

19 ПМА-2017: №07 (Костр.обл.; Парфеньевский р-н).

РАЗДЕЛ 4.
Опыт краеведческих
исследований и изучения
истории образования

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX- НАЧАЛЕ XX В.
(ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Панина Н.В.

Ярославский филиал ПГУПС, г. Ярославль

Профессиональное образование в Костромской губернии начинает оформляться во второй половине XIX века. Определенное влияние на его становление оказала деятельность Ф.В. Чижова, задумавшего крупномасштабный проект по открытию пяти промышленных училищ: Костромского механико-технического училища, Костромского среднего механико-технического училища, Кологривского низшего сельскохозяйственного технического училища, Макарьевского ремесленного училища, Чухломского сельскохозяйственного ремесленного училища. Подобные предпринимательские инициативы наблюдались и в других губерниях Верхнего Поволжья. Богатый опыт этих учебных заведений представляет научный интерес.

Изучение деятельности Костромских промышленных училищ базируется на привлечении большого круга исторических источников: законодательных и

нормативно-правовых актов; материалов съездов по техническому и профессиональному образованию; материалов отраслевых, промышленных, педагогических съездов и совещаний; трудов представителей официальных кругов, ученых, педагогов, общественных деятелей, принимавших непосредственное участие в реформировании профессионального образования; делопроизводственных материалов; периодической печати; источников личного происхождения. При этом необходимо отметить, что именно региональные исторические источники позволяют раскрыть специфику деятельности учебных заведений, выявить те проблемы, с которыми они сталкивались, т.к. система профессионального образования на протяжении второй половины XIX- начала XX в. постоянно реформировалась и изменялась.

Основным законом, регламентировавшим развитие профессионального об-

разования в России, являлись «Основные положения о промышленных училищах», принятые 7 марта 1888 г. и действовавшие до 1917 года¹. В них впервые в России были сформулированы принципы организации системы специального образования; определены главные пути подготовки квалифицированных рабочих, мастеров и техников; профессионально-технические учебные заведения включены в общую систему учреждений народного образования.

Важнейшими нормативными источниками являются уставы профессиональных учебных заведений. Так, в 1889 г. Министерством народного просвещения были разработаны типовые уставы², которые рассылались по учебным округам и использовались руководителями данных учреждений для осуществления образовательной деятельности. Уставы содержали сведения об учебно-организационной структуре, примерные учебные планы в соответствии со специализацией учебного заведения, расписание штатов училищ, определявших их финансирование, требования к учащимся. Для Костромских промышленных училищ душеприказчиками Ф.В. Чижова – А.Д. Поленовым и С.И. Мамонтовым было разработано «Положение о пяти промышленных училищах имени надворного советника Ф.В. Чижова», которое определяло основные направления деятельности учебных заведений, порядок приема учащихся, работу

Попечительского совета³. В соответствии с «Положением», душеприказчики несли личную ответственность за развитие и процветание костромских училищ. Они наделялись правом ходатайствовать перед правительством по вопросам, касающимся управления и деятельности чижовских училищ, присутствовать на заседаниях коллегиальных органов, выступать в качестве попечителей⁴.

Наиболее информативным источником является делопроизводственная документация. В нее входят опубликованные и архивные документы, которые носят разноплановый характер; вопросы профессионального образования рассматривались на всех уровнях государственного управления.

Обширный материал содержится в архивных фондах самих профессиональных учебных заведений: общей дирекции промышленных училищ имени Ф.В. Чижова (ГАКО, Ф. 445), Костромского промышленного училища имени Ф.В. Чижова (ГАКО, Ф. 410), Макарьевского ремесленного училища имени Ф.В. Чижова (ГАКО, Ф. 857). В них содержатся как нормативно-распорядительные документы (приказы, инструкции, распоряжения), так и документы коллегиального обсуждения – журналы педагогического совета, заседаний хозяйственного комитета, которые воссоздают картину тех насущных проблем, как учебных, так и хозяйственных, которые существовали в сфере профессионального образования в рассматриваемый период.

Протоколы заседаний педагогического совета содержат многочисленные сведения о приеме новых учащихся и вступительных испытаниях, о взаимодействии с родителями, о проблемных учениках и

1 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 10. СПб., 1894. С. 1087-1099.

2 Устав средних технических училищ // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 12. СПб., 1896. С. 860-934; Устав низших технических училищ // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 12. СПб., 1896. С. 935-982; Устав ремесленных училищ // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 12. СПб., 1896. С. 985-1006.

3 ГАКО. Ф. 445. Оп. 1. Д.4. Лл. 9-24.

4 ГАКО. Ф. 445. Оп. 1. Д.4. Л. 10.

мерах воздействия на них и многие другие. Здесь же мы находим данные, касающиеся социального происхождения, возраста, уровня предварительной подготовки учащихся, их места рождения⁵. Подобный материал позволяет составить социальный портрет учащихся.

Протоколы заседаний хозяйственного комитета отражают экономическую деятельность учебного заведения, те хозяйственные вопросы, которые возникали в связи с организацией учебного процесса: закупка необходимого количества дров, проведение ремонтных работ, поставки металла и инструментов для учебных мастерских.

В одном из распоряжений директора промышленных училищ по вопросам учебно-воспитательной работы за 1899 год находим подробное описание верхней одежды учеников Макарьевского ремесленного училища. Они должны были носить форменный картуз темно зеленого цвета, сшитый из сукна, а в зимний период – башлык из желтого сукна, русскую поддевку из черного толстого сукна на вате и подкладке из бумазеи, шапку из искусственного барашка, имеющую форму конуса. В праздничные дни обучающиеся надевали куртку и брюки из серого шерстяного сукна⁶.

Деятельность промышленных училищ Костромской губернии также представлена опубликованными делопроизводственными материалами и отчетами. Эти источники⁷ отражают историю создания

училищ, годовые отчеты учебной деятельности, численный состав учащихся, характеристику преподавательского состава, финансовые показатели.

В Отчетах содержится подробная информация о внешнем и внутреннем облике помещений училищ, их состоянии. Так, например, Костромское среднее механико-техническое училище помещалось в «двухэтажном, частью с полуподвальным этажом, здании. Массивная дубовая дверь открывается в очень большой вестибюль, заканчивающийся широкой каменной лестницей в семь маршей... Здание училища каменное, на цоколе, облицованном гранитом...покрыто оцинкованным железом...»⁸. Подобные материалы позволяют достаточно точно реконструировать помещения, воссоздавая их первоначальный образ.

На основе отчетных данных нам удалось собрать подробную информацию о педагогическом коллективе Костромского промышленного училища (см. Таблица 1). Данные таблицы позволяют определить численный состав педагогов училища, их образовательный уровень, профессиональную сферу. Подобные сведения служат отправной точкой для изучения биографий преподавателей и подготовки в дальнейшем памятной книги.

Изучение и анализ архивных документов позволяют выделить особую группу визуальных источников. Среди них мы находим сохранившиеся фотографии, проекты и чертежи зданий, именные аттестаты учеников и т.п. Использование подобных источников дает возможность наглядно отобразить особенности эпохи, ответить на вопросы, интересующие музейных посетителей: что представляла

5 ГАКО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 43. Лл. 9-12.

6 ГАКО. Ф. 857. Оп. 1. Д. 30. Л. 41.

7 Промышленные училища Ф.В. Чижова в Костромской губернии. М., 1900; Отчеты о состоянии промышленных училищ Ф.В. Чижова за 1898-1899 учебный год. Кострома, 1899; Отчеты о состоянии промышленных училищ Ф.В. Чижова за 1902-1903 учебный год. Кострома, 1904; Отчеты о состоянии промышленных училищ Ф.В. Чижова за 1908 год. Кострома, 1909 и др.

8 Отчеты о состоянии промышленных училищ имени Ф.В. Чижова за 1898/9 учебный год. Кострома, 1899. С. 23-24.

собой форма ученика профессионального училища, как выглядел аттестат выпускника, на каких станках обучали, какую учебную литературу использовали и т.д.

Таким образом, использованный круг источников дает возможность объективно и разносторонне представить процесс

становления и развития профессионального образования на территории Костромской губернии. Привлеченные материалы позволяют раскрыть различные аспекты проблемы функционирования профессиональных учебных заведений второй половины XIX-начала XX в.

**ТАБЛИЦА 1.
ПРЕПОДАВАТЕЛИ И РУКОВОДИТЕЛИ МАСТЕРСКИХ КОСТРОМСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО
УЧИЛИЩА ИМЕНИ Ф.В. ЧИЖОВА¹⁰**

ФИО	ОБРАЗОВАНИЕ	ДОЛЖНОСТЬ	ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАЕМЫЕ В УЧИЛИЩЕ
Чурилов Николай Петрович	окончил физико-математический факультет Харьковского университета со степенью кандидата	директор	техническое черчение
Орлов Егор Иванович	окончил физико-математический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени	инспектор	химическое производство, геометрия, счетоводство
Сперанский Иван Владимирович	окончил Киевскую духовную академию	законоучитель	закон Божий
Брюханов Аполлинарий Аполлинариевич	окончил Московское высшее техническое училище	преподаватель специальных предметов	механика, устройство машин, геометрия, черчение
Колесов Владимир Алексеевич	окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества	преподаватель рисования	рисование
Марков Сергей Владимирович	Окончил Московский университет с дипломом 1-й степени и Московское высшее техническое училище	преподаватель общеобразовательных и специальных предметов	математика, устройство машин, техническое черчение, механическое производство

¹⁰ Таблица составлена на основе данных Отчетов Костромских промышленных училищ имени Ф.В. Чижова за 1908 г. Кострома, 1909. С. 2-7.

*Костромской край и сопредельные территории
в древности, Средневековье и в Новое время*

ФИО	ОБРАЗОВАНИЕ	ДОЛЖНОСТЬ	ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАЕМЫЕ В УЧИЛИЩЕ
Мышковский Павел Григорьевич	окончил Санкт-Петербургский университет	преподаватель специальных предметов	коммерческая география, политэкономия, счетоводство
Остроумов Николай Иванович	окончил Московскую духовную академию	преподаватель общеобразовательных предметов	русский язык
Соколов Владимир Александрович	окончил физико- математический факультет Московского университета с дипломом 1-й степени	преподаватель общеобразовательных предметов	физика, естественная история
Смирнов Павел Александрович	окончил Санкт-Петербургский технологический институт	преподаватель общеобразовательных и специальных предметов	математика, геометрия, черчение, геодезия
Куренский Виктор Николаевич	окончил Санкт-Петербургский технологический институт	руководитель практических занятий в слесарно- паятельной мастерской	устройство машин
Карякин Николай Александрович	окончил Московское высшее техническое училище	руководитель учебными заводами	химическое производство, рисование в приготовитель- ном классе
Флоров Александр Александрович	окончил Московское высшее техническое училище	руководитель практических занятий в механических мастерских	строительное черчение, техническое черчение, строительное искусство
Дементьев Леонид Леонидович	окончил Санкт- Петербургский электротехнический институт	руководитель прак- тических занятий в электротехнической лаборатории	электротехника, алгебра

ДИНАСТИЯ ВОСКРЕСЕНСКИХ, УРОЖЕНЦЕВ КОСТРОМЫ, НА СЛУЖБЕ В ДИРЕКЦИИ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Калинина Е. А., ИРИ РАН г. Москва

Судакова О. В., генеалогическое общество Карелии г. Петрозаводск

В Петрозаводске, рядом с Кресто-воздвиженским собором, находится старое Зарецкое кладбище, где похоронены представители учительской династии Воскресенских.

Два с лишним века династия Воскресенских живет и трудится на ниве просвещения Олонецкой губернии – Карелии. Среди них были священники, педагоги, библиотекари... Свое повествование мы начнем с Ивана Дмитриевича Воскресенского, уроженца Костромской губернии, приехавшего в Петрозаводск из Санкт-Петербурга в 1809 г.

Иван Дмитриевич Воскресенский

Род Воскресенских берет свое начало в Костромской губернии. Отец И. Д. Воскресенского Дмитрий Семенов был пономарем в одном из приходских храмов г. Костромы. В 1787 г. в семье Семеновых родился сын Иван. Он пошел по стопам своего отца – в 1802 г. поступил в Костромскую духовную семинарию. Здесь следует отметить, что в конце XVIII в. в российских семинариях в среде учащихся было принято брать себе прозвища (фа-

мили). Иван назвался Воскресенским, видимо по названию собора в Костроме Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, в котором служил его отец. Так и пошел род Воскресенских.

В октябре 1806 г., окончив Костромскую духовную семинарию, Иван Воскресенский, как лучший ученик, получил право поступления в Санкт-Петербургский Педагогический институт в числе казеннокоштных студентов. Об успешном обучении Ивана в институте говорит его «Свидетельство об окончании института», выданное ему Конференцией института 20 июля 1809 г.: «Объявитель сего, бывший Императорского Санкт-Петербургского Педагогического института студент Иван Воскресенский... при добропорядочном поведении и прилежании, оказал по сим предметам хорошие успехи»¹.

По окончании обучения в Педагогическом институте проводилось распределение казенных воспитанников на должно-

¹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф. 13. Оп. 1. Д. 502. Л. 26.

сти учителей в провинциальные учебные заведения. В 1809 г. Конференция Педагогического института определила воспитанника И. Д. Воскресенского в Олонецкую губернию на учительскую должность в Петрозаводское уездное училище. В Центральном государственном историческом архиве Петербурга сохранилось дело «Об определении студентов Педагогического института И. Д. Воскресенского и В. И. Березниковского учителями в Петрозаводское и Вытегорское училище»². Они характеризовались Конференцией института, как способные и благонравные студенты. Иван Воскресенский приехал в Петрозаводск и «к своей должности явился» 13 августа 1809 г.³

В начале 1810 г. он женился на Екатерине Фаддеевне Безруковой, дочери секретаря Горной экспедиции в канцелярии Петровских Олонецких заводов. Уже в конце 1810 г. в семье Воскресенских появился первенец – Николай, затем родились второй сын Павел и дочь.

Как многие учительские семьи, молодая чета Воскресенских жила бедно. Учителя уездных училищ в первой четверти XIX в. получали оклад – 300 руб. в год⁴, а получение чинов и учительская карьера для них было делом весьма проблематичным. Для улучшения материального положения своей семьи И. Д. Воскресенский совмещал должность учителя и секретаря, письмоводителя Олонецкой дирекции училищ, а также в отсутствии постоянного

законоучителя дополнительно вел уроки Закона Божьего. Тяжелые условия быта и суровый северный климат Олонецкой губернии оказали негативное влияние на его здоровье. Он скоропостижно скончался от чахотки в феврале 1817 г., в возрасте 30 лет. Смерть Ивана Дмитриевича обрекла его семью на нищенское существование. Шестилетнее служение (1809-1817) в училищном ведомстве не давало ему право на пенсионное обеспечение, а единовременная материальная помощь, оказанная вдове, была незначительна и составила 400 руб.

Директор Олонецких училищ С. А. Башинский попытался помочь вдове Екатерине. Он ходатайствовал перед попечителем Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уваровым об определении сына Н. Воскресенского в число казеннокоштных воспитанников Петрозаводского уездного училища. Это позволило бы юноше получить бесплатное образование с выплатой стипендии в 150 руб. в год. Здесь следует отметить, что с февраля 1815 г. по положению Комитета министров такие стипендии выдавали только воспитанникам губернских гимназий. Финансовая поддержка предназначалась для учащихся высших классов, желавших поступить в учительское звание, которых впоследствии предполагалось назначить учителями в уездные и приходские училища округа. Казеннокоштные воспитанники были обязаны отработать в звании учителя уездного училища в течение шести лет после окончания обучения.

В качестве веских причин такого назначения директор указал на крайне бедственное положение семьи Воскресенских после смерти мужа: «по весьма бедному их состоянию, ей [Екатерине Воскресенской, – Е. К., О. С.] едва достало на расписку мужниных долгов, а теперь

2 Об определении Студентов Педагогического института И. Д. Воскресенского и Березниковского учителями в Петрозаводское и Вытегорское училище // ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 398.

3 Там же. Л. 6.

4 Примерное исчисление сумм на ежегодное содержание университетов, гимназий и уездных училищ в России // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. I. Стб. 33-34.

поддерживает себя благодеяниями некоторых особ, каковых здесь так мало, что иногда она и насущного пропитания не имеет... Отец его по смерти своей служил учителем на малом жалованье и никакого не мог приобретать и оставить сиротам состояния»⁵. Тем не менее, личную просьбу С. А. Башинского не удовлетворили, т. к. такое право имели только учащиеся гимназий. Николай стал казеннокоштным воспитанником только тогда, когда поступил на обучение в Олонецкую гимназию (1821).

Николай Иванович Воскресенский

Николай Иванович Воскресенский успешно окончил Олонецкую гимназию в 1829 г. и был определен учителем в Вытегорское уездное училище. В его формулярном списке указаны этапы всей учительской службы и продвижение по карьерной лестнице. С 1829 г. он работал в Вытегре, с 1830 г. являлся учителем Олонецкого уездного училища, в 1836 г. вновь вернулся в Вытегорское уездное училище, а в 1837 г. был назначен смотрителем Вытегорских и Пудожских уездных училищ. В 1835 г. получил чин титулярного советника, это соответствовало по Табели о рангах IX классу, а в июле 1846 г. – чин коллежского асессора. Отметим, что чин коллежского асессора (VIII класс) давал потомственное дворянство. Так, благодаря значительному педагогическому стажу (35 лет), добросовестному отношению к своей работе Н. И. Воскресенский получил ряд прав и привилегий и более высокий социальный статус. За добросовестный и многолетний труд на учительском поприще Николай Иванович был награжден орденами Св. Станислава III степени и Св. Владимира IV степени.

Сохранившиеся архивные докумен-

ты свидетельствуют о достаточно активной деятельности Н. И. Воскресенского в должности учителя и штатного смотрителя училищ, а также о высокой оценке его труда училищным начальством. Например, директор училищ М. И. Троицкий после обозрения Вытегорского уездного училища в 1844 г. в своем отчете писал: «Отличное во всех отношениях устройство этого училища было мне очень известно за время моего семилетнего пребывания в городе Вытегре, и ныне, после ревизии показали, что они поддерживаются в таком же состоянии и, в особенности по части учения, ибо при произведенном испытании учеников значительное число оных оказали выше хорошего успеха во всех положенных и в преподавании предметов, исключая историю и географию, в которых успехи не столь удовлетворительные. Таковые замечательные успехи почти во всех учебных предметах, свидетельствуют о неослабно длительном наблюдении за ходом учения смотрителя Н. И. Воскресенского, равно о способности и усердии преподавателей»⁶.

В апреле 1846 г. деятельность Н. И. Воскресенского была отмечена попечителем Петербургского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным, который на основании представления итогов ревизии Вытегорского училища в 1845 г. «за усердие и за разумное наблюдение за ходом учения» объявил ему благодарность⁷.

У Николая Ивановича было большое семейство. Он женился на Дарье Карловне Спенглер, дочери генерал-майора барона Карла Спенглер. У них родилось семеро детей. Четверо сыновей: Евгений (1845), Николай (1847), Иван (1855), Дмитрий (1860) и три дочери Александра (1849), Екатерина (1851), Мария (1858).

5 Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. 17. Оп. 5. Д. 1/1. Л. 356.

6 НА РК. Ф. 17. Оп. 6. Д. 8/9. Л. 530.

7 Там же. Л. 536.

В 1862 г. Н. И. Воскресенский был уволен на пенсию с правом ношения мундира, в августе 1878 г. он скончался и был похоронен на Троицком кладбище в Петрозаводске.

Павел Иванович Воскресенский

Павел Иванович Воскресенский, брат Николая Ивановича, после окончания Петрозаводского уездного училища в числе казеннокоштных учеников продолжил свое обучение в Олонецкой гимназии. В 1831 г. он стал учителем уездного училища в Петрозаводске.

Ольга Васильевна Воскресенская

Учительскую династию Воскресенских продолжила супруга Николая Николаевича Воскресенского Ольга Васильевна Воскресенская (в девичестве Щербакова). Она открыла в Петрозаводске частную школу. Следует пояснить, что в России частные школы получили официальное разрешение только с 1834 г., когда было издано «Положение о домашних наставниках и учителях»⁸. Согласно этому Положению учреждались особые звания домашних наставников, учителей и учительниц.

О деятельности школы Воскресенской (как тогда ее называли) нам стало известно из воспоминаний одного из ее учеников Н. К. Чукова (1876-78 гг.), впоследствии ректора Олонецкой духовной семинарии, иерарха Русской православной церкви митрополита Григория. Он, в частности писал: «В ее школе [Воскресенской, – Е. К., О. М.] обучалось около 20 мальчиков и девочек. Плата за обучение была рубль в месяц. Ученики сидели в зале, у сдвинутых столов, с одной стороны мальчики, с другой девочки в порядке поступления и успехов... Обучение велось индивидуально. Каждому ученику давалось свое

8 Положение о домашних наставниках и учителях // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 9, ч. 1. № 7240.

задание»⁹. В школьную программу входили учебные предметы: закон Божий, арифметика, чтение и письмо. Ученики учились по книгам К. Д. Ушинского и И. И. Паульсона. «По этим книжкам мы читали, учились рассказывать и для упражнения в письме оттуда же переписывали те или иные статьи, – писал Н. К. Чуков. – Книжка И. И. Паульсона давала довольно богатый материал для чтения, и я, помимо задаваемого, много прочитывал там вперед, особенно почему-то увлекаясь помещенными в конце каждого отдела пословицами и поговорками»¹⁰.

Николай Чуков с большим уважением относился к своей первой учительнице и не забывал ее. После окончания Санкт-Петербургской духовной академии (1895 г.) вернулся в Петрозаводск и, в первый же день, как он сам написал: «сделал необходимые визиты: побывал у первой своей учительницы Ольги Воскресенской, открывшей мне, так сказать, «первые двери в храм премудрости» и поблагодарил ее....»¹¹.

Валентина Николаевна Воскресенская

У Николая Николаевича и Ольги Васильевны Воскресенских было девять детей: Николай и Мария (1872), Владимир (1873), Валентина (1877), Анатолий (1879), Зоя (1881), Леонид (1884), Виталий (1886), Александр (1888). Все они получили хорошее образование.

Династию учителей продолжила дочь Николая Николаевича и Ольги Васильевны Воскресенских Валентина Николаевна Воскресенская. Она обучалась в Мариинской женской гимназии (1887-1894). По домашним обстоятельствам Валентине

9 Сорокин В. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб, 2005. С. 9.

10 Там же. С. 10.

11 Там же. С. 55.

Николаевне пришлось окончить обучение раньше положенного срока, однако, несмотря на это, она получила право работать учителем. В семейном архиве сохранилось «Свидетельство об обучении в Мариинской женской гимназии», где указывается, что В. В. Воскресенской, «прошедшей курс трех низших классов гимназии, представляется право на звание первоначальной учительницы и учительницы народных училищ, если она в течение полугода будет исполнять обязанности помощницы учителя или учительницы при каком-либо начальном народном училище»¹².

С 1894 г. Валентина Николаевна Воскресенская работала учительницей в селе Кяпписельга Повенецкого уезда. В 1903 г. она вышла замуж за Николая Александровича Макарьева, землемера Повенецкой уездной земской управы. После свадьбы они переехали в Повенец. В семье Макарьевых кроме старшей дочери Марии, ставшей помощницей матери в домашних делах, родилось еще шесть сыновей: Сергей (1906), Александр (1908), Николай (1909), Петр (1913), Владимир (1915) и Арсений (1918).

В XX веке учительскую династию Воскресенских в Карелии продолжили – М. Н. Макарьева, М. П. Макарьева, Г. А. Алексеева, О. В. Воскресенская, а в Санкт-Петербурге – Владимир Петрович и Анна Петровна Макарьевы.

Подводя итог, необходимо сказать, что таких самоотверженных тружеников в истории народного просвещения было немало. Это был именно определенный социальный и психологический тип личностей, реализующих себя в социальной роли «просветителей», готовых отказаться от материальных благ в пользу духовных приобретений, преданных избранному делу. Педагоги при всей тяжести учительского труда на окраинах России, обучали детей грамоте. Не обеспеченные материально ни в настоящем, и ни в будущем, они выполняли работу учителя с большим усердием более 30 лет. Тому примером может служить учительская династия Воскресенских, которая свой факел знаний хранит с начала XIX в. и каждое ее поколение по сей день передает его частичку людям, зажигая в их сердцах огонь новых познаний.

12 Семейный архив Макаровых: Свидетельство В. Н. Воскресенской об обучении в Мариинской женской гимназии.

КОСТРОМИЧИ – ПЕРВОКУРСНИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1917/18 АКАДЕМИЧЕСКОГО ГОДА

В.П. Пушкив

*К.и.н., с.н.с. Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова*

*Не бездарна та природа,
Не погиб ещё тот край,
Что выводит из народа
Столько славных – то и знай!
Н.А. Некрасов*

Исходя из тезиса об интеллектуальной составляющей географического фактора данная публикация по БД «Первокурсники Московского университета 1917–18 г.» и на фоне включающей более 27 тыс. персоналий БД «Выпускники Московского университета 1877–1916 гг.» продолжает исследование региональных аспектов формирования отечественного интеллектуального потенциала. В 1917 г. резко расширилась география первокурсников (212 городов), тогда как за предшествующее 40-летие их было 202. Война и революция обусловили смещение научных интересов в сторону фундаментальных и прикладных дисциплин. Губерния была представлена 50 студентами из Костромы, Галича и Кинешмы (г/о из семей духовенства).

Настоящий доклад является продолжением масштабного проекта по ис-

следованию источников формирования интеллектуального потенциала дореволюционной России. В ходе работы был выявлен уникальный массовый источник («Алфавитный список студентов, принятых в 1917/18 академ. году»), который позволяет рассмотреть данный вопрос на материале года великих перемен¹. Документ содержит ФИО первокурсников, даты их рождения, сведения о сословной принадлежности, вероисповедании и оконченом среднем учебном заведении. По этим данным была составлена база данных, которая представляет со-

¹ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 14л. Д. 13312. Машинопись с рукописной правкой, переплетенная в дело стандартного формата. Общий анализ этой БД см.: Пушкив В.П., Пушкив Л.В., Завьялов С.М. Списки первокурсников Московского университета 1917–1918 академического года как массовый источник (по материалам Архива МГУ) // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке. М., 2009. С. 302–311.

бой электронную таблицу в формате MS-Excel, включающую 12 полей и передающую всю информацию источника.

В первом семестре 1917/18 учебного года новобранцами Московского университета стали около 2500 человек, причем впервые в качестве полноправных студентов было принято 156 женщин. Несмотря на военно-революционное время, доля москвичей на первом курсе составила не более 1/3 набора. Принципиально важно, что и в этот тяжелый год Московский университет в полной мере сохранил свой всероссийский характер и ведущую роль в подготовке кадров отечественной интеллектуальной элиты. Об этом убедительно говорит очень широкая география первокурсников, которые съехались из 80 губерний и областей страны (всего их было 89, для части студентов место получения среднего образования не указано). Были представлены все экономико-географические районы и учебные округа. О широте и многообразии «корневой системы» отечественного интеллектуального потенциала свидетельствуют 212 населённых пунктов, взрастивших достойную Московского университета талантливую молодёжь. Показательно, что за 40 предшествующих лет таковых источников отмечено лишь 202.

50 костромских первокурсников (см. табл. 1 «Приложения») занимают весьма высокое 10-е место, уступая лишь самим москвичам (860 чел.), большинству из 11 составивших Московский учебный округ губерний (среди которых главенствовали 163 владимирца) и выходцам из оккупированной Польши (115 человек). Для сравнения отметим, что за предыдущее сорокалетие (1877–1916) 612 костромичей стали выпускниками Московского университета, также заняв 10-й ранг и по этой характеристике. О кардинальных

изменениях научных приоритетов нового революционного поколения талантливой костромской молодёжи на фоне долговременного тренда свидетельствуют следующие наблюдения. В военное время произошла «смена вех» – резкое смещение акцентов с медицинских, юридических и историко-филологических дисциплин в пользу фундаментальных и прикладных наук. Так, удельный вес юридического факультета снизился более чем в четыре раза – с 32,4% до 8% (всего четыре первокурсника), а медицинского и историко-филологического – почти вдвое (соответственно с 36,7% до 20% – 10 новобранцев и с 10,6% до 6,0% – три человека). Зато абсолютное большинство первокурсников (33 человека, или 66%) выбрало физико-математический факультет (18 человек на естественном и 15 на математическом отделении). Для сравнения укажем, что долевая структура всего нового набора 1917/18 учебного года. в 2388 человек имеет вид: физмат – 53,0%, медфак – 22,8%, истфил – 17,5% и юрфак – 9,7%.

Некоторые первокурсники вскоре после зачисления меняли свои академические интересы (выявлено два перехода с математического отделения физмата на естественное и один – с историко-филологического факультета на естественное отделение физмата), другие же по каким-то причинам («по прошению») покидали стены университета (пять человек 12, 16, 22 сентября и 15 ноября 1917 г.). «По свидетельству» – т.е. на основании документов, которые выдавались специальными комиссиями Московского Учебного округа по результатам испытаний «за полный гимназический курс» принимались те абитуриенты, которые не имели классического гимназического образования (бывшие семинаристы, реалисты и воспитанники

других типов средней школы), получившие домашнее образование, а также гимназисты, поступавшие в университеты по прошествии более чем двух лет после получения аттестата.

О высоком уровне академической подготовки костромских гимназистов говорит очень большая доля (18,0%) молодых людей, награжденных золотыми и серебряными медалями (соответственно три и шесть), в том числе шестеро из 1-й костромской и двое из галичской гимназии. Показательно, что семеро из девяти медалистов поступили на медицинский факультет. Первыми студентками Московского университета стали две воспитанницы частной женской гимназии из Костромы: «дочь статского советника» Надежда Дружинина-Кислякова, зачисленная на медицинский факультет, и «дочь мещанина» Людмила Кошелева (физмат), а также «дочь потомственного дворянина» Ирина Картыгина (юрфак). Естественно, что подавляющее большинство новобранцев оказались православными, за которыми также вполне ожидаемо шли пять иудеев, назвавшие себя «сыновьями мещан» и «мещанами» (по характеру фамилий представителей других национальностей не выявлено).

Среди первокурсников помимо 42 представителей средних учебных заведений самой Костромы присутствовали также и уроженцы двух уездных городов: шесть гимназистов из Галича и два выпускника реального училища из Кинешмы. Из главного же губернского города вышло 32 гимназиста (28 человек из 1-й и по два из 2-й и частной женской Григоровской), а также восемь бывших семинаристов и два воспитанника губернского реального училища.

По своему сословному происхождению костромские первокурсники представляли все основные слои общества, среди которых однозначно лидировали 18 выходцев из духовного сословия. Интересно, что в этой группе 17 студентов назвались «сыновьями священников» (в том числе один иудейского вероисповедания) и всего лишь один – «сыном дьякона». Весьма характерно, что половина университетских новобранцев духовного звания имели семинарское образование. Ведущее положение представителей духовного сословия свидетельствует о его высоком интеллектуальном потенциале. Вдвое меньше был удельный вес детей чиновников и мещан (соответственно 10 и 9 первокурсников). Среди первых восемь человек записались просто как «сыновья чиновников» и лишь двое дали точный ответ: «дочь статского советника» и «сын коллежского асессора». У вторых же помимо шести «сыночек мещан» (среди них могли быть и дети рабочих) и одной «дочери мещанина» нашелся даже один действующий «мещанин». Каждый десятый костромской уроженец (пять человек) принадлежал к дворянскому сословию: трое сыночек и одна дочь «потомственных дворян» и один «сын личного дворянина». Купечество было представлено четырьмя первокурсниками: это трое сыночек почетных граждан (двое «потомственных» и один «личного») и один «сын купца». Крайне мало (по два человека) оказалось выходцев из семей интеллигенции («сын врача» и «сын учителя») и крестьянства («сын крестьянина» и «крестьянин»). Последним оказался принятый на математическое отделение физмата воспитанник губернской гимназии 24-летний Сергей Руссов. Для сравнения отметим, что сре-

ди 163 первокурсников 1917 г. из Владимирской губернии было 46 выходцев из крестьянства. Обращаем внимание на отсутствие среди костромичей громких дворянских фамилий и титулованных особ, а также детей военнослужащих.

Среди фамилий 50 костромских университетских новобранцев явных лидеров не обнаружено (по два студента было Виноградовых и Горских). Однако бросается в глаза большое количество фамилий (не менее 15), имеющих церковно-семинарское происхождение (Богословский, Виноградов, Покровский, Сперанский, Троицкий и др.). Обратим также внимание на присутствие ряда «птичьих» фамилий (Воробьев, Лебедев, Орлов) на фоне отсутствия «рыбьих» и «звериных» и одиночном наличии Иванова, Петрова, Сидорова и Смирнова. В наборе имен и отчеств преобладали имеющие единичную встречаемость (соответственно 15 из 27 и 14 из 25). Самым же популярным оказалось имя Николай (шесть имен и семь отчеств), что наводит на мысль о некоей имперской ментальности родителей первокурсников. Примерно о том же может свидетельствовать и двойное сокращение числа Иванов при переходе от отчеств к именам (четверо против двух). Среди имен на втором месте оказались пять Сергеев (имя великого князя), тогда как среди отчеств студентов Сергеевичей не встретилось. Достаточно неожиданно на третьем месте среди имен оказались четыре Виктора (в отчествах это имя также отсутствовало). Но вполне ожидаемым среди отчеств ста-

ло третье место Александровичей – три человека. Кроме того, было по три носителя у имен Алексея и Владимира и по два – у Бориса, Дмитрия, Ивана, Леонида и Михаила, а среди отчеств было по три Владимировича и Павловича и по два Анатольевича, Васильевича, Ефимовича, Михайловича, Петровича и Федоровича. Абсолютному большинству костромских первокурсников (33 человека) было от 18 до 20 лет (по 12 человек родилось в 1899 и 1898 гг., 11 – в 1897). Более же раннее время было представлено шестью студентами 1896-го, а также 1894, 1893, 1892 и 1890 гг. рождения (по два человека). Самым возрастным оказался поступивший на юрфак 27-летний «сын священника» Борис Горский. Распределение дат рождений студентов по временам года выявило их весенний подъем (16) по сравнению с осенью (12), зимой и летом (по 11 рождений). На уровне же отдельных месяцев самыми «урожайными» оказались январь и март (по восемь рождений), за которыми шли сентябрь (шесть), апрель, май, июль, август (по четыре), июнь, октябрь, ноябрь (по три), февраль (два) и один единственный первокурсник родился в декабре месяце.

Первому студенческому набору революционного времени предстояла трудная жизнь, но хочется думать, что некоторым из них все же удалось получить высшее образование, сохранить традиции Московского университета и передать их своим детям и внукам.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список уроженцев Костромской губернии – первокурсников Московского
университета 1917/18 академического года

Невский	Алексей	Александрович	сын священник	физм-м	10.01.1899	1 гимн
Покровский	Константин	Александрович	сын чин	физм-м	21.02.1899	1 гимн
Горский	Феодосий	Александрович	сын чин	юрид	19.07.1898	Галич. гимн
Левашов	Алексей	Алексеевич	сын личн двор	мед	03.03.1899	1 гимн
Доброхотов	Тимофей	Анатольевич	сын куп	физм-м	02.01.1898	Кинешем. р/у
Кошелева	Людмила	Анатольевна	дочь мещ	физм-е	10.11.1898	Григор. гимн
Иванов	Владимир	Артемьевич	сын мещ	физм-м	23.06.1897	Кинешем. р/у
Левите	Исайя	Бер-Вульфович	сын мещ	физм-м	22.08.1893	гимн
Петров	Василий	Васильевич	сын мещ	физм-е	18.01.1897	2 гимн
Косторский	Феодосий	Васильевич	сын священник	физм-е	29.08.1897	дух сем
Лебедев	Иосиф	Викентьевич	сын священник	физм-м	20.10.1897	1 гимн
Сидоров	Александр	Владимирович	сын пот пг	физм-м	06.08.1897	1 гимн
Кравков	Глеб	Владимирович	сын пот дв	физм-м	01.05.1897	1 гимн
Картыгина	Ирина	Владимировна	дочь пот дв	юрид	21.09.1899	гимн
Попов	Леонид	Всеволодович	сын священник	физм-е	18.01.1899	1 гимн
Диличенский	Николай	Геннадиевич	сын чин	мед	23.03.1899	1 гимн
Румянцев	Виктор	Георгиевич	сын чин	физм-м	03.08.1899	1 гимн
Беляев	Дмитрий	Дмитриевич	сын мещ	физм-е	29.03.1899	1 гимн
Королев	Виктор	Ефимович	сын крест	физм-м	16.03.1898	1 гимн
Орлов	Николай	Ефимович	сын пот пг	мед	03.03.1899	1 гимн
Виноградов	Владимир	Иванович	сын священник	физм-е	18.09.1897	дух сем
Яковлев	Владимир	Иванович	сын священник	истф	05.06.1896	дух сем
Аристов	Всеволод	Иванович	сын пот дв	физм-м	30.05.1897	1 гимн
Губанов	Николай	Иванович	сын учит	истф	18.07.1899	Галич. гимн
Берман	Бенциан	Исаакович	сын священник	мед	30.07.1898	2 гимн
Рощин	Сергей	Константинович	сын чин	физм-м	04.04.1896	Галич. гимн
Слуцкий	Леонид	Менделеевич	мещ	физм-м	29.02.1890	реал уч
Сперанский	Александр	Михайлович	сын священник	физм-е	02.11.1894	дух сем
Дружинина-Кислякова	Надежда	Михайловна	дочь стат сов	мед	01.10.1892	Григор. гимн
Воробьев	Сергей	Никифорович	сын лпг	физм-е	11.09.1894	1 гимн
Богословский	Виктор	Николаевич	сын священник	физм-е	15.11.1896	дух сем
Вишневецкий	Евгений	Николаевич	сын священник	физм-е	14.01.1899	дух сем
Смирнов	Иван	Николаевич	сын дьяк	истф	30.03.1898	1 гимн
Воскресенский	Иван	Николаевич	сын чин	физм-е	08.03.1892	Галич. гимн
Сошников	Макарий	Николаевич	сын мещ	физм-е	18.01.1896	1 гимн
Свободов	Николай	Николаевич	сын кол асс	физм-е	13.09.1898	1 гимн
Парфенов	Сергей	Николаевич	сын чин	мед	20.03.1899	1 гимн
Гласов	Алексей	Павлович	сын священник	физм-е	11.05.1897	дух сем
Горский	Борис	Павлович	сын священник	юрид	27.01.1890	гимн
Русов	Сергей	Павлович	крест	физм-м	14.09.1893	гимн
Оглоблин	Михаил	Петрович	сын чин	физм-м	05.10.1898	гимн
Назаров	Сергей	Петрович	сын священник	мед	20.09.1898	Галич. гимн
Мусин	Файвель	Рафаилович	мещ	юрид	25.07.1896	реал уч
Груздев	Борис	Сергеевич	сын священник	физм-е	21.12.1898	1 гимн
Ахманов	Виктор	Сергеевич	сын священник	физм-е	12.04.1897	1 гимн
Квашнин	Дмитрий	Сергеевич	сын пот дв	мед	30.01.1898	Галич. гимн
Введенский	Николай	Сергеевич	сын священник	мед	11.04.1897	дух сем
Виноградов	Михаил	Федорович	сын врача	физм-е	26.05.1896	1 гимн
Троицкий	Николай	Федорович	сын священник	мед	17.06.1898	1 гимн
Розенсон	Соломон	Шмулевич	сын мещ	физм-е	14.04.1898	1 гимн

О ВЛИЯНИИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ НА ОПЫТ СОЗДАНИЯ Е. В. ЧЕСТНЯКОВЫМ ДЕТСКОГО САДА В Д. ШАБЛОВО КОЛОГРИВСКОГО УЕЗДА

Самоделова Е.А.

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва

Для формирования граждан нового общества XX века стал особенно важен авторитет учителя, имеющий две ипостаси: 1) личную и 2) основанную на знакомстве преподавателя-воспитателя с известными людьми. Личный авторитет учителя включает обладание знаниями и уникальными умениями, богатый жизненный опыт, внимание к детям, уважение их родителей.

Ефим Честняков интересовался новыми методами детского воспитания и, вероятно, знал о целом ряде Санкт-Петербургских общественных педагогических организаций для сирот и детей бедняков («Общество содействия дошкольному воспитанию детей», с 1907 г.; «Детский городок Петроградской части», с 1909 г.; «Детский труд и отдых», с 1913 г.), созданные по образцу детских площадок в Лондоне и Нью-Йорке. В начале 1870-х гг. было создано Петербургское Фрёбелевское общество, названное в честь Фридриха Фрёбеля (1782-1852) – последователя учения Песталоцци и инициатора детских садов со свободным развитием детей в Германии. Честняков во время

второго приезда в столицу (в 1913-1914 гг.) мог посетить «детские площадки» и/или прочитать о них в бесплатно раздаваемых брошюрах¹.

О летних занятиях на детской площадке в Петрограде оставила восторженный отзыв девочка 12-ти лет:

«Как весело на детской площадке; все играют, поют, маленькие дети роются в песке, им дают разные игрушки.

А какая прелесть на площадке! Кругом все зелень: кусты, деревья, разные травы, цветы... Мы сидим в будочке, когда идет дождь, и там рисуем, наклеиваем и делаем маки. Один раз нам Е.А. рассказывала сказку про красную шапочку, и мы эту сказку должны были нарисовать, кто как может»².

Е.В. Честняков, кроме специальности школьного учителя начальных классов,

1 См. об этом: Самоделова Е.А. Начала этнопедагогики Е.В. Честнякова в Костромской губернии // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности. Чебоксары, 2017. С. 100-105.

2 Нелюбов Н.С. Обзор деятельности Общества «Детский городок Петроградской части» 1910-1915 гг. Летняя площадка. Зимний городок. Пг., 1916. С. 9.

обладал навыками учителя-художника, учителя-скульптора, учителя-фотографа. Крестьяне-односельчане уважали его за то, что он из двух старых овинов построил «шалашку» / «горницу» (дом-театр), устраивал кукольный театр на праздники, возглавлял обходы домов ребятишками-«наряжонками» с исполнением календарных песен и обрядовых приговорок, владел приемами народной медицины, предсказывал будущее.

Дополнительный авторитет Честнякова базировался на его действительном знакомстве с И.Е. Репиным и на выдумке о дружбе с Лениным (основанием послужило обучение живописи Ефимом в Казани в 1903-1904 гг., где в Казанском университете получал профессию юриста и В.И. Ульянов). Уроженцы д. Хапово и д. Бурдово вспомнили придумку Е.В. Честнякова о том, что он якобы был однокашником В.И. Ульянова (Ленина) и дружил с ним: «Говорил: «Ленин – мой друг, я на одной парте сидел с им»³ и т.п

С 1 декабря 1920 г. по 1925 г. (по др. сведениям – в 1924-1925 гг.) Честняков создал своеобразную школу искусств под названием «детский сад» – с двойной коннотацией: как образчик «советского новояза» и как аллюзию на райский сад с невинными душами детей. Возможно, Честняков организовал в д. Шаблово «детский сад» как начальное воспитательное заведение для маленьких детей именно тогда, когда в г. Кологриве появился первый пионерский отряд. Рядом с Кологривским краеведческим музеем расположено двухэтажное деревянное здание, в нем находится головное учреждение Государственного природного заповедника «Кологривский лес» имени М.Г. Синицы-

3 Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. Кострома, 2007. С. 121.

на (организован в 2006 г.), там имеется мемориальная доска: «Здесь в августе 1924 года был открыт первый пионерский лагерь». Если дата основания «детского сада» Честнякова в 1924 г. окажется правильной, то воспитательную работу с детьми в Кологривском уезде в первые послереволюционные годы можно полагать системной, охватывающей разные возрасты ребятишек и деревенские / городские места проживания.

Честняков в черновике отчета в Отдел народного образования (в Уездный исполнительный комитет) г. Кологрив (сохранился в записной книжке художника) расценивал «детский сад» как «начало универсальной коллегии Шабловского образования»⁴. Честняков высказал идею «универсальной культуры», единой для русских и инородцев, для всех слоев общества, для горожан и сельчан («деревенцев»): чтобы каждый стал «всеобщим гражданином», житель «культурного города», вошел в «Грядущий Светоград», но остался в единении с природой.

О действительном строительстве прекрасной школы для детей Честняков сообщает в поэме «Титко»:

Решили строить всей деревнею
Универсальную коллегию.
И был тогда объявлен клич,
Что зданью надобен кирпич⁵.

Честняков показал, какой получилась его идеальная школа:

4 _Цит. по: Голушкина Л. «Я давно родился на Земле...» // Новые открытия советских реставраторов /Сост. С.В. Ямщиков. М., 1968. Б/с. Та же цитата: Игнатъев В.Я., Трофимов Е. Мир Ефима Честнякова. М., 1988. С. 137; URL: <http://www.virtualrm.spb.ru/ru/virtual/muzeums/kostroma/chestniakov> – дата доступа: 23.03.2016.

5 Честняков Е. Поэзия /Сост., вст. ст. Р.Е. Обухова. М., 1999. С. 201.

Тит не Дарвин и не Нестор,
По делам – большой «профессор».
За три года хоть устал,
Но коллегия создал, –
На диво универсальную,
Не шаблонную, не формальную.
Там есть светоч для голов
Разных возрастов, полов.
Есть ученье и театр,
Дел любых полезный ряд.
По вкусу для любых натур –
Набор и выбор всех культур⁶.

Честняков был против бригадного метода в обучении (против так называемого американского Дальтон-плана, насаждаемого в советской школе в 1920-е годы). Учитель А.Г. Громов вспоминал: «Честняков <во времена Счастливецва, когда он заведовал педтехникумом> довольно часто заходил и в классы. Его интересовал и сам педагогический процесс и очень странный, практиковавшийся тогда и в Кологривском педтехникуме, бригадный метод. «Кому-то легко, а кто-то воз тянет, – заметил о существовании метода Ефим Васильевич. – Конечно, «попытка – не пытка, а спрос – не беда», но когда нет напряжения уму, а только все снахвату – это рождает пустословие, потерю языка»⁷.

О своей творческой деятельности Честняков писал в стихотворении «Дивный мир»:

Я строил дивный мир с улыбкой,
Свой, новый мир, чудесно-зыбкий, –
Дворцы, палаты, шалаши, –
Среди селений и в глуши, –
И на холмах и среди долины, –
Из камня, дерева и глины...⁸

Честняков высоко ценил деревянное зодчество крестьян Костромской губ. и говорил младшему современнику – учителю и земляку А.Г. Громову: «Ты не запомнил старинные дома с высокими крыльцами, лестница шла около стенок, как в теремах раньше у бояр. А крыльцо не глухое, вроде балкона, и колоннами удивляет. А все топором да ножом делалось»⁹. Оригинальные здания разных архитектурных стилей Честняков видел в путешествиях в Санкт-Петербург, Казань, в Коломяки у И.Е. Репина и др.; он отразил их в собственных живописных полотнах.

Считая экологию важной составляющей народной культуры, обеспечивающей будущее народа, Честняков в произведениях словесности и живописи воспевал дома и другие постройки из глины. Деревянные дома имеют ряд недостатков: они легко поддаются пожарам, ради сооружения их приходится губить лес. Поэтому Честняков грезил о кирпичных домах для родной деревни и отразил мечту в сочинении «Марк-строитель»:

«Иные лепят опыты построек, модели разные из глины, разных форм и величин. И маленькие есть, и есть такие, что войти в них могут взрослые, не только дети. Когда постройки вылепят, на части их распилят для обжиганья и удобства переноски. И получается, как будто Сказкин городок построек интересных из глиняных частей, отлично обожженных, настолько, что не боятся даже и дождя.

Потом имеем мы намеренье постройки эти воплотить в больших сооружениях. Взамен своей деревни мы получим городок из глины обожженной. Насколько необычен он, что на земле подобного нигде вы не найдете. Не то я высказать хочу, что будет лучшим он на свете, но то, что он – вполне наш, здешний. Он самобытно за-

6 Честняков Е. Поэзия /Сост., вст. ст. Р.Е. Обухова. М., 1999. С. 201.

7 Там же. С. 291-292.

8 Там же. С. 51.

9 Там же. С. 306.

родился и имеет образ свой, как многое на свете, что новообразно и что приносит новые угоды, и красоту, лелеет взор, и душу оживляет, и интересно всем, своим и иностранцам»¹⁰.

Честняков поведал учителю А.Г. Громову свою мечту о глинобитных домах, сохраняющих деревья от порубки: «А Назар думает строить глинобитный дом с водопроводом. Я давно говорил Счастливецу, что надо использовать глину для построек. Не кирпич, а глину. Глинобитные дома... Сколько бы они спасли от огня, от пожаров. Да и лес надо экономить, беречь. К избытию тянемся, а оно рядом, в земле»¹¹. Такие дома не были измышлением Честнякова: их делали крестьяне южной части России, жители степной зоны.

Из Санкт-Петербурга в родную деревню Честняков привез «волшебный фонарь» с картинками для детей и фотоаппарат с набором фотографических пластин для фотосъемки важных обрядовых событий в жизни крестьян, для создания портретов односельчан. У одной из современниц сохранилось в памяти представление о том, что Честняков собирался использовать фотографии для создания деревенского музея.

В меморатах местных жителей оживают даже конкретные архитектурные пейзажи, продемонстрированные Честняковым: «И кино казал. Проекционный фонарь какой-то тожо, полотно вешал и пояснял всё. Покажет там, как то-то-то. Помню, Венецию показывал, как эти вот... Где он взял? И Венеция, по-моему, была картина даже у его!»¹².

10 Честняков Е.В. Сказки, баллады, фантазии / Сост. Р.Е. Обухов. М., 2012. С. 268.

11 Честняков Е. Поэзия. С. 312.

12 Записи автора. Аудиофайл WS760463.wma – Просвиров Н.И., 1929 г. р., род. в д. Лучкино, живет в д. Хапино Кологривского р-на, зап. в г. Кологрив, 24.08.2016.

Показательно, что Честняков так проникновенно комментировал изображенное на «туманных картинах», что многие крестьяне думали, что он побывал во всех этих зарубежных городах и лично сфотографировал их:

«В этот раз я и Тоня <племянница> рассматривали фотокарточки, которые Е.В. сделал, находясь за границей. Из того, что он рассказывал, я запомнила, что он был в Италии, Германии. О том, что Е.В. бывал за границей, говорила мне и Мария, к которой он всегда направлял меня на ночлег.

<...> На фотокарточках были храмы, монастыри. Фотокарточек было много, целая сумочка. Я рассматривала их через приспособление с увеличительным стеклом. Я осмелилась спросить о том, сколько лет он учился, Е.В. ответил, что сорок лет. Рассказал, где он был, но названия эти для меня были непонятны, и я их не запомнила»¹³.

Учитель А.Г. Громов описал свое восторженное удивление, когда оказался в доме-театре Честнякова: «Занимательные декорации, лепные фигуры, маски большие и маленькие, некоторые из них были подвешены и болтались от движения среди них самого хозяина-чародея и, казалось, улыбались с насмешливой хитрецей. Какие-то гнутые ходули, необыкновенные стулья из причудливых деревянных корней <...> разрисованные полотнища, сказочные чудовища, сделанные и из глины, и из дерева; птицы и птички-свистульки, маски животных с рогами и без рогов. И среди всего этого царства сам хозяин с фонарем в руке – все это было так удивительно, что самая смелая

13 Пути в избах. Трикнижие о шабловском праведнике, художнике Ефиме Честнякове /Сост., автор предисл. и коммент. Р.Е. Обухов. М., 2008. С. 293 – М.В. Смирнова, 1910 г. р., г. Мантурово.

фантазия отступала перед тем, что было перед глазами»¹⁴.

Интересно, что в театре Честнякова хранился реквизит для спектакля «Руслан и Людмила» Пушкина: об одноименной опере, на которую водили городских пролетарских детей, упоминали в брошюре руководители детской площадки в Санкт-Петербурге¹⁵. А.Г. Громов описал гордость Честнякова от прикосновения крестьянских детей к творчеству великого русского поэта: «А это – “кот ученый” (помните у Пушкина?), а тут вот борода Черномора и копье Руслана. Вот от бороды-то только что осталось...»¹⁶.

На специальном транспорте – маленькой ручной двухколесной тележке – Честняков привозил разнообразный реквизит (куколок-«глинянок», маски, маленькую гармошку наподобие концертино, свирели и иные дудки, отрезки ярких тканей и т.п.) в соседние деревни и с помощью местных ребятишек устраивал выездной спектакль, похожий на постановку народного «бродячего» театра и на «ожившую» сказку.

Этнопедагогический компонент в сказках Честнякова представлен множеством факторов: 1) фольклорными сюжетами и мотивами, волшебными сказочными героями, заимствованными из местного и одновременно общерусского сказочного фонда; 2) возможностью разыграть сказку на сцене, превратив ее в театральную постановку – с пением, игрой в куклы, с маскарадом; 3) приуроченностью сказочного представления к календарному (церковноприходскому) празднику, причем содержание произведения остается

не привязанным к конкретному праздничному ритуалу. В Кологривском уезде при жизни Честнякова колядки уже перестали осознаваться как обрядовые святочные песни, поэтому авторскую «Коляду» исполняли не на Святки, а «во Фролы», то есть в День Святых Флора и Лавра – покровителей лошадей и другого крупного домашнего скота, а на одноименной картине изображены приметы лета – босые дети с подсолнухами и куры на траве.

Эстетическое воспитание детей у Честнякова также основано на этнопедагогике (появившейся уже после смерти художника): он выбирал местные фольклорные сюжеты и встраивал их в привычный годовой обрядовый цикл, театральная атрибутика создавалась из подручных средств и материалов (глины, дерева, а цветные камешки растирались на краски для рисования), ценность представляли песни и народная музыка.

В поэтическом творчестве Честняков в завуалированном виде, вероятно, отразил дискуссию о сказке второй половины 1920-х годов, когда некоторыми деятелями культуры этот жанр признавался вредным для подрастающего ребенка, погружающим его в ложный мир мечтаний и отвлекающим от реальных дел:

Лучше б сказок не иметь,
А иметь, то лишь одну, –
Лучшую на всю страну, –
Сказку-явь и сказку-быль,
Где героем не бобыль.
Хочешь в нашей сказке жить, –
По рецептам лишь творишь¹⁷ («Титко»).

Честняков прививал детям любовь к родному краю, гордость за земляков, сохранение культурно-исторического наследия «малой родины», чувство со-

14 Честняков Е. Поэзия. С. 300.

15 Нелюбов Н.С. Обзор деятельности Общества «Детский городок Петроградской части» 1910-1915 гг. Летняя площадка. Зимний городок. Пг., 1916. – 124, XXXIV с.

16 Честняков Е. Поэзия. С. 301.

17 Там же. С. 197.

причастности к ее истории. Честняков с горечью описал свои чувства основателя «детского сада» для крестьянских детей, когда «универсальная коллегия Шабловского образования» (она же «займище искусств») прекратила существование:

Я тратил время, пламень чувств
Бесплатно в займище искусств,
Но до сих пор, с полвека лет,
Дороги к нам народной нет¹⁸.

Однако этнопедагогика, воплощенная в практической деятельности Честнякова и после прекращения работы детского сада в д. Шаблово, продолжалась до конца жизни художника. Более того, Честняков стал распространять приемы народной педагогики, соединенные с методикой художественного образования (понимаемого в широком смысле), на ребяташек окрестных деревень. В храмовые праздники (традиция их отмечать сохранилась в крестьянском быту и при советской власти) он стал ходить со своей тележкой-«коляской» в другие деревни

и вовлекать местных ребяташек в самодеятельные спектакли, поставленные на основе собственных сценариев, которые были построены на фольклорных сюжетах. Жители деревень Кологривского р-на, 1920-1930-х годов рождения, вспоминают о собственном участии в подобных спектаклях или о других маленьких артистах – своих друзьях и знакомых. Сохранились воспоминания о том, что Честняков не просто приходил в соседнюю деревню с каким-то одним мероприятием, но устраивал целый праздник с хорошо продуманной режиссурой. Так, после ряженья детишек в особые обрядовые одежды и театрального представления на сказочные сюжеты, после кликанья «Коляды», в д. Лучкино Честняков дожидался возвращения взрослых с работы и показывал им и детям покупные «туманные картины» про Венецию и другие зарубежные города (см. выше), демонстрировал собственные живописные полотна: «Он вот на это, на обшивку дома картины вешал. Вся-я-кие тут были!»¹⁹.

18 Честняков Е. Поэзия. С. 204.

19 Записи автора. Аудиофайл WS760463.wma – Просвириков Н.И., 1929 г. р.

ИСТОРИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ УСТНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ ЖИТЕЛЕЙ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ, ЧЬЕ ДЕТСТВО ВЫПАЛО НА ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Волкова Е.Ю.

Костромской государственной университет, г.Кострома

Составление объективной картины исторического прошлого Костромского края периода Великой Отечественной войны невозможно без устных свидетельств переживших ее людей, в частности, детей. Личная беседа носит доверительный характер, что позволяет поднять много культурно бытовых вопросов, оперативно уточнить или расширить информацию. Автор собрала интервью у десятков ветеранов, а также привлекла к этой работе почти 400 студентов Костромского государственного университета.

Начало войны четко врезалось в память всех детей. Мирная жизнь остановилась в воскресенье 22 июня 1941 г. Очень точно это выразила Короткова Зинаида Григорьевна из д.Терентьево, Костромского района, закончившая в 1941 г. 5-й класс: «Был теплый июньский день. Наливалась густой зеленью рожь. Манило запахом клевера, поспевали травы. И вдруг деревенскую тишину нарушил крик: «Война началась!» Так наступила новая жизнь. Тоска бродила по всем из-

бам. Жизнь заключалась в тяжелой работе и ожидания писем с фронта»¹.

В 1941-45 гг. Костромской край был тыловым регионом. Тем не менее, война внесла существенные коррективы и в городе и в деревне. Обыденные заботы об одежде, жилье, топливе, пище превратились в трудно решаемые проблемы. Дома в деревнях Костромского края, а порой и в городе, освещались керосиновыми лампами, коптилками, лучинами, самодельными свечами. Были проблемы со спичками. Оставшиеся в деревнях курильщики при закуривании высекали искру первобытным способом. Корольков В.М. из Солигаличского района вспоминает: «Спички были редкостью, поэтому утром, чтобы разжечь печь, крестьянки бегали по селу, от избы к избе, за горящим угольком»². Его дополняет Попо-

1 Короткова Зинаида Григорьевна, 15 дек. 1930 г., д.Терентьево, Костромской район, записал Дворецкий А.В. в 2010 г.

2 Корольков Валентин Михайлович, 1933 г.р., д.Лосево, д.Плосково, записал Курзин М.Ю. в 2009 г.г.

ва Л.В. из Октябрьского района: «Чтобы добыть огонь, варили в золе паклю (мятый лен), потом сушили его в печи. Искали кремниевые камни, высекали искру, от нее зажигали паклю, к которой прикладывали уголь, а он, разгораясь, давал огонь»³. Катастрофически не хватало соли. Но и здесь хозяйки находили разные пути решения проблемы. Например, матери Королькова Вали, Муравьевой Антонины с другими женщинами в выходные ходили в Солигалич на соляные источники и выпаривали соль или просто привозили соленую воду. 13-летняя Замураева Нина с матерью ходили за солью пешком за 75 км в Шарью⁴.

А как же жили дети в военное время? Порой даже небольшие рассказы раскрывают картину военного лихолетья. Ложкина Мария Ивановна (1932 г.р.) с семьей жила в д.Селище Макарьевского района. «Семья была большая, – вспоминает она, – родители, пять братьев и три сестры. Отца, Ивана Григорьевича, еще в 1936 г. репрессировали на пять лет за то, что он был верующим и ходил в церковь. Находясь уже на поселении, он заболел и во время операции умер. Смерть отца очень плохо сказалась на всех нас, но приходилось продолжать работать.

Когда началась война, четверо из пяти братьев ушли на фронт. Старший брат Николай (1913 г.р.) попал в плен и там был убит. Алексей (1917 г.р.) был ранен в 1942 г., приходил домой на побывку на полгода и снова ушел на фронт. Как только ушел сразу его убили под Ленинградом. Иван

(1920 г.р.) тоже был ранен, но остался жив и вернулся домой. Сергей (1922 г.р.) служил старшиной в Монгольской народной республике и также пришел домой. Только Александр (1915 г.р.) на войне не был, так как с детства был хромой, поэтому помогал дома. Он шил сапоги, подсменки, сам выделывал кожи.

Старшая сестра Александра (1925 г.р.) работала в колхозе. Сначала она боронила на быках, а потом стала бригадиром. Сестра Нина (1926 г.р.) с началом войны ушла в швейную мастерскую в Макарьев. Шила для фронта гимнастерки, рюкзаки и др. Когда началась война, я окончила четыре класса. Уже с 10 лет мне приходилось бороться на быках, возить навоз, сено, молотить. Вручную веяли зерно, чистили и сушили картошку мешками и отправляли на фронт. Платили государству мясом, яйцами, молоком»⁵.

Нельзя равнодушно слушать Циркулеву Елену Васильевну, родившейся 30 апреля 1934 г. в д.Лисицыно Мантуровского района: «Отец умер еще в 1937 г. от тяжелой болезни. С началом войны слегла и мама. Нам с братом Сашей (1935 г.р.) приходилось ходить по соседним селам просить милостыню. Однажды зимой мы с Сашей везли на санках из леса охапку хвороста, чтобы протопить избу, где лежала больная мать. Нас увидел председатель колхоза. Он был комиссован по ранению из армии (не было одной руки). Когда он нас увидел, то заплакал. И вечером к нашему дому от колхоза привезли большую вязанку дров»⁶.

В городах положение было не намного лучше. Например, жительница Ко-

3 Попова (Жаравина) Любовь Вуколовна, 1 сент. 1928 г., д.Малая Кленовая, Октябрьский район, записала Владимирова О.Н. в 2009 г.

4 Корольков Валентин Михайлович, 1933 г.р., д.Лосево и д.Плосково, Солигаличский район, записал Курзин М.Ю. в 2009 г.; Боборыкина (Замураева) Нина Ивановна, 1928 г.р., д.Середняя, Пыщугский район, записал Боборыкин И.Е. в 2009 г.

5 Ложкина Мария Ивановна, 1932 г.р., д.Селище, Макарьевский район, записал Галаничев И.А. в 2010.

6 Циркулева Елена Васильевна, 30 апр. 1934 г., д.Лисицыно, Мантуровский район, записала Смирнова С.А. в 2009 г.

строма Зверева Вера Александровна рассказывает: «Когда началась война, из детей я была самой старшей, мне – 15 лет, братьям – 13 и 9 лет, сестре – 4 года и самому маленькому брату – 8 месяцев. После школы я помогала маме по дому. Поскольку было печное отопление, летом запасали дрова, таскали из леса хворост, на плечах носили деревья. Для самовара собирали в лесу шишки. Ходили с мамой на убранные колхозные поля, где снова и снова его перекапывали, чтобы найти оставшуюся картошку, морковь, свеклу и др. Иногда что-то найдешь, а порой ничего, ведь все горожане ходили на его перекопку. Все, что находили, несли на себе. Мама шила кое-какие вещи и меняла на картошку. Ходила в Саметь за 10-12 км от города. После школы я бежала ее встречать. Поделит пополам мешок картошки и несем домой. Ходили с мамой выгружать соль из трюма баржи. Мы одевали на плечи специальное приспособление, на которое клали мешок с солью. Было это очень тяжело, но усталости не чувствовала, хотелось заработать побольше. Платили за эту работу солью. Потом ее продавали стаканами (соль, спички стоили очень дорого). Мама очень уставала. Она еще кормила братика грудью. Он сосет, а молока нет. Из-за переутомления и недоедания она потеряла зрение, развилась так называемая «куриная слепота». Потом мама устроилась на работу в госпиталь санитарочкой. Нам стало немного полегче. Иногда вспоминаешь все это военное время и думаешь: как мы могли все это вынести и пережить»⁷.

Печален рассказ и Павлова Вадима Васильевича: «Когда началась война, мы жили в Нерехте на ул.Красной армии в своем доме. Его построил отец, Василий

Васильевич в 1936 г. из перевезённых из деревни риги и овина. В начале 1941 г. отца призвали в армию на польско-литовскую границу. Мать Мария Сергеевна даже не сумела его проводить, так как была на работе. Ушли на фронт также два брата отца: Павел Васильевич и Андрей Васильевич, и брат матери Паутов Иван Сергеевич. Никто из них не вернулся с войны.

Без отца жилось плохо. Мать на своей машинке шила для солдат нательное бельё и рукавицы с двумя пальцами. Мы с братом ходили в садик, брат Виталий с 1937 года рождения, а я – с 1939-го. В доме было холодно. Большая комната была закрыта, жили на кухне, спали на печи и полатах, там было теплей, приходилось топить «буржуйку». Дров не было, и поэтому зимой мать ездила ночью в лес за 6 км на санках за дровами. Бывало и такое: лесники встречали ее на дороге и отбирали пилу, топор и дрова. Приходилось объезжать полем по всем сугробам, чтобы не попасть на лесников. А летом все соседские мальчишки на больших тачках ездили за прутьями и корнями. Переезжая речку в брод, перевозили сначала одну тачку затем другую все вместе, так как одному не под силу было. Привозили домой, а мать рубила пучки на зиму. Был страшный голод. Приходилось даже из садика носить хлеб домой. Из крапивы варили щи. Питались гнилой картошкой, из которой мать делала оладьи (называли лялюхи). Ели столбцы (полевой хвощ), колбки, щавель, цветки клевера, турнепс. Красную свеклу варили, потом вялили в печке на противне и ели вместо конфет. Хлеб получали по карточкам. Стояли ночами в очереди. У каждого на руке были написаны номера, а если проспишь ночью, будешь последним...»⁸

7 Зверева (Терновская) Вера Александровна, 1926 г.р., г. Кострома, записал Рябыш Е.В. в 2009 г.

8 Павлов Вадим Васильевич, 1939 г.р., г. Нерехта, записал Павлов В.В. в 2009 г.

На территории Костромского края не велось боевых действий и, казалось, что уж еды-то, особенно в деревне, можно было найти. Но все было гораздо сложнее. Большое количество продуктов забиралось на фронт, взрослые целый день были на работе. Поэтому зачастую дети становились главными снабженцами. Способы были разные. Например, они ходили по деревням выменивать вещи на продукты. Бекенева Н.А. из д.Казанка Костромского района вспоминает: «Один раз нас мать послала собирать (просить милостыню – Е.В.), может, кто что даст. Ничего нам не дали. Только самой маленькой сестренке Оле подавали, а мы стояли вокруг и смотрели голодными глазами. Нам говорили, что мы хорошо одеты, а им и одеть-то нечего. А нам все шила мать. Больше мы не ходили попрошайничать»⁹. Порой родители вынуждены были продавать единственное хорошее платье дочери или платок, обувь и даже игрушки, чтобы купить еды. Так, у 10-летней Гусевой Софии из Костромы была кукла, большая, красивая, в хорошем платье. «Я с ней гуляла, – говорит София Александровна, – и все думали, что я с ребенком гуляю, но потом мама ее продала за 20 рублей, так как деньги были нужны на еду. Мне было очень жаль её, но ничего не поделаешь, есть то хочется»¹⁰.

Многих выручал лес. Маленькие дети там буквально пропадали, сами наедались и приносили домой. Например, 8-летняя Бобылькова Галя из с.Георгиевское Межевского района любила ходить в лес за ягодами и грибами.

9 Бекенева Надежда Алексеевна, 1936 г.р., д.Казанка, Костромской район, записала Федорова Н.В. в 2009 г.

10 Гусева София Александровна, 1931 г.р. Г.Кострома, записал Курпяков М.П. в 2010 г.

«Леса были богаты и огромны. Можно было заблудиться, но дети хорошо его знали, понимали его и любили. Иногда земляники, черники и черёмухи набирали по 30-50 стаканов, а бруснику и клюкву собирали вёдрами»¹¹. Соболева Е.А., жившая в годы войны в Мантурове, говорит: «А уж что касается леса, он был нашим другом. Мы знали в округе все грибные, ягодные места и не ленились бывать там, притом часто без взрослых. Зато зимой не знали недостатка в грибных солянках, а клюкву заготавливали много ведерными ларями. Все это помогало избегать голода, хотя чувство недоедания всем нам, детям войны было хорошо знакомо»¹².

Порой дети использовали и незаконные пути добывания пищи. Но взрослые старались этого не замечать, так как понимали, что только голод толкал детей на эти преступления. Например, 10-летняя Денисенкова Галя из деревни Корелы Вохомского района вместе с друзьями воровали с полей, т.к. «покушать хотелось получше». Смирнов Павел с друзьями «воровали горох в поле, с молотилки в кепке носили зерно и др.». Баданин П.В. вспоминает: «Забирались за огурцами, яблоками в огороды соседей. Бывало в отсутствие меня – и в наш огород. Однажды в обеденный перерыв мы с приятелем Алексеем Жаровиным угостили работающих с нами женщин огурцами, добытых накануне вечером. Огурцы всем понравились, особенно их хозяйке. По нашему хихиканью соседка Паня поняла, чьи это огурцы. И только наша прыткость спасла наши спины от валявшейся ве-

11 Майорова (Бобылькова) Галина Алексеевна, 3 янв. 1932 г., с.Георгиевское, Межевской район, записала Бередниченко Д.В. в 2010 г.

12 Соболева Екатерина Александровна, 31 авг. 1931 г., Мантурово, записала автор в 2009 г.

ревки. Но через несколько минут хозяйка огурцов со всеми вместе задорно смеялась над собой»¹³. Гусев Б.Н. рассказывает: «Лазили в огороды за морковь, репой, яблоками. Но делали это очень осторожно, ползли метров 20 через крапиву и траву. В колхозе были большие посадки гороха. Когда он созревал, то его ходили воровать ночью все ребята, в том числе и председательские дети. Потом в каждом доме варили гороховый суп, и все делали вид, что ничего не случилось»¹⁴.

Наконец, пришел долгожданный День Победы, с которым были связаны все надежды, мечты, окончание лишений и страданий. В каждом населенном пункте по-разному узнавали о нем. Скворцова Л.А. из с.Селищи Костромского района говорит: «Тот день я никогда не забуду.

Как сейчас помню, утром я пошла на колодец. Гляжу, соседка, тетя Лариса Баскова, выбежала на улицу в одной ночной сорочке и давай кричать, радоваться: «Война кончилась!»¹⁵ Живцова Т.А. из д.Батурино Солигаличского района вспоминает: «В день Победы почтальонка, чтобы сообщить всем радостную весть, сняла с головы красный платок, привязала его к палке, сделала что-то подобие флага и так шла по деревне с сообщением, что кончилась война. А люди, кто плакал, то радовался»¹⁶.

Таким образом, сведения, полученные в результате личных бесед с участниками войны, помогают восполнить мельчайшие детали военного лихолетья, которые невозможно найти в официальных документах или архивных материалах.

13 Баданин Павел Васильевич, 1933 г.р. д.Петрецово, Вохомский район, записал Богатов В.В. в 2009 г.

14 Гусев Борис Николаевич, 6 окт.1939 г.р., д.Евсяково, Судайский район, записала автор в 2013 г.

15 Скворцова Людмила Александровна, 19 окт.1930 г., с.Селищи, Костромской район, записал Симаков И.В. в 2009 г.

16 Живцова (Аксенова) Тамара Александровна, 1940 г.р., д.Батурино, Солигаличский район, записал Баженов В.Н. в 2009 г.

АНДРЕЙ СИЛЬВЕСТРОВИЧ МОРОЗОВ И ЕГО ДЕТИЩЕ: К 100-ЛЕТИЮ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Соловьева Л.В.

Областная универсальная научная библиотека, г. Кострома

У каждого поколения костромичей сложился свой образ главной библиотеки области. Кто-то еще помнит, старинный особняк на проспекте Сталина (сейчас проспект Мира), кто-то – просиживал и корпел над составлением конспектов уже в новом здании, на улице Советской, кто-то до сих пор называет нашу библиотеку «крупа», памятуя, что библиотека носила имя Н.К. Крупской. Основная часть наших читателей – это, конечно же, студенты костромских вузов и техникумов, творческая интеллигенция. Люди самых разных профессий и возрастов приходили сюда ежедневно, чтобы получить книги, журналы, принять участие в читательской конференции или литературном вечере. Но в библиотеке не только брали книги на дом, готовились к экзаменам, но и страдали от неразделенной любви, назначали свидания. Мы не знаем, сколько сердец разбилось, а сколько пар сложилось благодаря этим стенам, сколько людей накрепко связали свою жизнь с нашей библиотекой. Костромской журналист Владимир Смorchков, вспоминает, как в бытность свою студентом – историком

костромского «педа», после выпускного, «шли по безлюдной, еще крепко спящей Советской, чтобы возложить цветы к зданию библиотеки»¹.

В 50-е – 60-е годы двадцатого столетия жили, работали люди, оказавшие заметное влияние на духовную жизнь нашего города, во многом определившие содержание культурной жизни Костромы тех лет. Их всех можно было встретить в библиотеке имени Н.К. Крупской. Это и Альберт Кильдышев, который «в валенках, прямо из экспедиции вваливался в отдел литературы по искусству и набрасывался на книгу, чтобы найти в ней подтверждение или опровержение своим мыслям, которые навеял увиденный в Солигаличском крае деревянный храм»². Это и лекции, которые читала Полина Кульженко, это выставки костромских художников, которые вызывали резонанс, как например, выставка Николая Шувалова. Другом библиотеки, непременно участником множества литературных

1 Смorchков В. Безграничное пространство библиотеки // Сев. правда. 2008. 31 окт. С. 3.

2 Там же. С. 3.

вечеров были Игорь Дедков, С. Лесневский, Н. Скатов, В. Игнатъев, М. Пьяных, Ю.В. Лебедев, лучшие творческие силы нашего города, гости из других регионов. А сколько исторических открытий сделал Виктор Бочков, который работал в нашей библиотеке.

29 октября 2017 года исполнится 95 лет со дня рождения Андрея Сильвестровича Морозова, который возглавлял Костромскую областную библиотеку 16 лет, с 1950 по 1966 год. Андрей Сильвестрович Морозов пришел на работу в библиотеку в непростые годы. Поколению А.С. Морозова – «фронтовому поколению» пришлось нелегко. На их долю выпали все трудности военного времени, годы репрессий, восстановления страны. Игорь Дедков писал, что о «поколении судят по его наиболее характерной и стойкой части». А.С. Морозов – воплощение русского интеллигента, который отдал свои знания, талант, организаторские способности делу служения книги. Его дело стало призванием, многие, кто с ним работал, общался, постигал основы профессионального мастерства, вспоминают его с теплотой и благодарностью.

Андрей Сильвестрович Морозов родился 29 октября 1922 года в г. Иваново в семье учителей. Отец, Сильвестр Александрович Морозов, после окончания Ивановского политехнического института получает назначение на должность лесничего сначала в Витебск, затем в Смоленск. Мама, Валентина Федоровна, с 1930 года работала библиотекарем в детской библиотеке. В Смоленске А.С. Морозов окончил десять классов. Он серьезно был увлечен рисованием, живописью, писал пейзажи, делал карандашные рисунки. Молодого человека после окончания обучения взяли преподавать

в младших классах рисование в свою же школу. Педагогическая деятельность продлилась недолго, уже 23 сентября 1940 г. А. Морозов был призван в ряды Красной Армии. А затем, июнь 1941 и война, которую он прошел от первого до последнего дня.

В листке по учету кадров при приеме на работу, А.С. Морозов пишет, что с сентября 1940 по февраль 1946 гг. служил в Красной Армии. Сначала в должности курсанта, затем начальником наблюдательного поста, далее – командир отделения связи, командир орудия. Закончил войну в звании лейтенанта. А. Морозов воевал на Северо-Западном, Западном, 1 и 2 Украинском и Забайкальском фронтах. Обязательная графа в листке учета кадров – пребывании за границей: « в составе войск Красной Армии с августа 1944 по октябрь 1945 в Румынии, Чехословакии, Венгрии, Австрии, Монголии, Китае (Манчжурии)». Был награжден орденами и медалями: «За отвагу» (1944), «За боевые заслуги» (1943), «За оборону Москвы» (1944), дважды орденом «Красной звезды» (1944, 1945), «За взятие Будапешта» (1945), «За взятие Вены» (1945), «За освобождение Праги» (1945), «За победу над Германией» (1945), «За победу над Японией» (1945), орденом «Отечественной войны I степени» (1985). За время войны был дважды контужен – в октябре 1943 и в августе 1944 гг.

После демобилизации А.С. Морозов приехал к родителям в Новохоперский госзаповедник (Воронежская область). С марта 1946 года начал работать заведующим библиотекой Калиновского шелкосовхоза Воронежской области и одновременно готовится к поступлению в институт. В 1946 году он поступает в Московский библиотечный институт. После его окончания, А.С. Морозов полу-

чает назначение на должность директора Костромской центральной библиотеки. Коллектив. Куда приехал молодой специалист, был небольшой, но очень дружный. Работники встречались не только в рабочее время, но и после работы и в выходные дни. Выезжали на прогулки за город, устраивали вечера отдыха, непременной частью которых была художественная самодеятельность, конкурсы. Летом играли в волейбол, зимой устраивали лыжные прогулки, посещения катка. Во всех мероприятиях участвовали как библиотечные, так и технические работники. И вот в этот дружный коллектив приезжает высокий статный красавец, с благородной внешностью, с умными, глубокими, черными глазами. Всегда спокойный, ровный, обладающий обширными знаниями, феноменальной памятью. Чуть вперед наклонял голову и внимательно слушал собеседника. Конечно же, он сразу покорила сердца всех прекрасных дам, работавших в библиотеке.

А.С. Морозову досталось непростое хозяйство. В здании библиотеки было печное отопление. Ежедневно, в холодное время года топились более 20 печей. Помещения для хранения книг не отапливались. Работники подбирали литературу по заявкам читателей и расставляли ее на место при минусовой температуре, немного выше, чем на улице. Почти до конца 50-х годов библиотека содержала лошадей, затем выделили небольшой грузовичок, в 1965 г. – автобус «Кубань».

К середине 1950-х годов в здании, на проспекте Сталина (пр. Мира), стало мало места, увеличились как фонды библиотеки, так и ее многочисленные читатели. «Чтобы принять новые книги, писал А. Морозов в 1955 году – приходится складывать в штабели издания прошлых лет, что лишает возможности читателя поль-

зоваться ими. Более 50 тысяч таких книг свалены в сарай и кладовые, в то же время часть здания библиотеки занята частными квартирами»³. Обращал внимание на бедственное положение библиотеки, на нехватку места, призывал к вниманию исполком области и города, хотя и сам директор библиотеки ютился в этих квартирах на «антресолях» здания. Лишь к середине 60-х годов некоторые сотрудники библиотеки получили квартиры. Была выделена двухкомнатная квартира под общежитие для сотрудников.

При А.С. Морозове произошли большие изменения и в деятельности библиотеки. С 1934 года в библиотеке существовал детский отдел с отдельным входом. Усилиями А.С. Морозова в 1954 году её перевели в здание гауптвахты в центре города. Для того что бы перенести книги читатели выстраивались в шеренгу вдоль всего первого квартала проспекта Мира, на руках передавая книги, помогая переезду своей библиотеки. Освободившееся помещение было передано отделу абонемента, и к 1958 году увеличился его штат: от трех до шести человек; появилось два стола выдачи: для взрослых читателей и молодежи. В 1959 году были радиофицированы читальные залы. Библиотекари систематически читали обзоры новых книг по радио. Информация о новых поступлениях стала передаваться в областную газету «Северная правда», на областное радио. Продолжилась работа над усовершенствованием справочного аппарата, картотек и каталогов – мозга библиотеки, без которых невозможно ориентироваться в книжном фонде. К 1958 году была завершена работа по созданию единого генерального алфавитного каталога на весь фонд библиотеки. Были созданы

³ Морозов А. Областная библиотека им. Н.К. Крупской // Сев. правда. 1955. 23 окт. С. 3.

каталоги стандартов и патентов, сводный каталог периодики, имеющейся в библиотеках города. В 1953 году из отдела обработки был выделен отдел комплектования. Библиотека начала поддерживать связь с библиотеками и книготорговыми организациями 32 – х городов. В эти годы обращается большое внимание на развитие краеведения. В библиотеке создаются алфавитный и систематический каталог местного края. Стал активно пополняться книжный фонд библиотеки научной литературой, открывались новые отделы обслуживания читателей. Создаются специализированные читальные залы: зал для специалистов гуманитарного профиля, зал для инженерно-технических работников, общий читальный зал, зал текущей периодики. Читателям для работы выдавали не только книги и журналы, но и чертежные доски, готовальни, логарифмические линейки и др. принадлежности. Для научных работников был открыт небольшой читальный зал, оборудованный аппаратами для просмотра микрофильмов. От читателей принимались тематические заказы на литературу, как по телефону, так и при посещении библиотеки. Если какого – либо издания не было, его заказывали из крупных библиотек, как например Виктор Бочков, находясь на учебе в Москве, пишет И. Дедкову: «в Ленинской библиотеке я выписал для тебя из каталога книги кои стоит заказать по МБА»⁴.

Каждый год на работу в областную библиотеку приезжали молодые специалисты - сотрудники, выпускники Московского института культуры. Кто – то из них, отработав положенный срок, уезжал, а кто-то оставался навсегда.

А.С. Морозова окружали соратники,

4 «Сегодня день у меня оказался очень светлым: получил Ваше письмо»: из переписки В.Н. Бочкова с И.А. Дедковым // Костром. старина. 2007. № 20. С. 26.

специалисты с библиотечным образованием, высокообразованные люди – Б.А. Конардов, А.К. Васильчиков, Н.В. Попов, Н.М. Городецкая. В 50 – годы практиковались ежегодные отчеты руководства библиотеки перед читателями. В 1951 году была утверждена должность заместителя директора библиотеки. Первой эту должность заняла Анна Николаевна Григорьева, руководившая до этого отделом книгохранения, в 1956 году – на смену ей пришел Борис Алексеевич Конардов. В эти же годы работал общественный совет при библиотеке. Члены совета участвовали в сборе книг с задолжников, переплетали ветхие книги, являлись консультантами при очистке каталогов от устаревших изданий, участвовали в проведении массовых мероприятий. Особенно большую помощь оказывали такие читатели, как преподаватели Костромского педагогического института им. Н.А. Некрасова Милица Николаевна Боржек и Надежда Александровна Щевелкина, экономист Николай Николаевич Владимирский, искусствовед Полина Аркадьевна Кульженко, сотрудник Костромского музея – заповедника Иван Петрович Пауль, сестры Смирновы: Лидия Дмитриевна (Волкова) и Руфина Дмитриевна.

И для Игоря Дедкова, наша библиотека была тем местом, где «ты стал лучше, где ты научился дальше видеть и понимать жизнь, где открылись новые горизонты»⁵. Можно провести параллель между судьбой А.С. Морозова и И. Дедкова. Оба жили на Смоленщине, оба выпускники московских вузов. Приехали «в Кострому работать, а остались жить», обзавелись семьями. Тамара Дедкова вспоминала: «Между старшим поколением костромичей, с которыми мы встретились

5 Дедков И. От поколения к поколению // Сев. правда. 1965. 11 сент. С. 4.

в ту пору, и теми, кто поднялся в 60-е гг., ощущалась, конечно, обособленность, но не было противостояния. С признательностью вспоминаешь директора областной библиотеки Андрея Сильвестровича Морозова и его жену Лидию Иосифовну...»⁶. Тамара Дедкова пишет, что, Андрей Сильвестрович Морозов хорошо относился к молодому журналисту, приехавшему в Кострому, ввел его в круг людей, объединявшихся вокруг библиотеки. Что дружили семьями, возможно, не скажешь, но тесно общались и ходили в гости друг к другу. В 1988 году, уже в Москве, к И. Дедкову приходит весть о смерти А.С. Морозова и он записывает: «Все летает назад и уменьшается. Если мы помним что-то вдвоем, то мы друг другу поможем. А если никого не осталось кроме тебя, от того далекого дня в кабинете директора библиотеки, когда среди белого дня, посреди работы, мы слушали Окуджаву»⁷. Что еще вспомнилось тогда Игорю Александровичу? Возможно, «тот старинный купеческий особняк на углу пр. Мира и Банковской улицы, тесный, сумеречный, населенный какими-то очень добрыми, домашними запахами давно обжитых комнат, старых книг, потемневшей мебели. Разве забудешь старый черный, кажется, вовсе безликий стол, за которым любил сидеть в маленьком читальном зале, обложившись книгами, забывая – зима ли, осень, на дворе и какие дуют ветры...»⁸. В библиотеке, по воспоминаниям И. Дедкова, царил атмосфера дружелюбия, интеллигентности, в ней легко

дышалось, никогда не жил дух казенного отношения к людям, дух канцелярий.

60-е годы двадцатого столетия вошли в историю библиотеки как годы, отмеченные многими важными событиями. Удобное, в первые годы своего существования, здание на проспекте Мира уже не могло вместить всех желающих пользоваться библиотекой. Полностью был использован и резерв книгохранения. К 1960 году примерно сорок процентов книжного фонда было сложено в штабель из-за нехватки мест хранения. Увеличивалось число отказов читателям на книги. По вечерам и в выходные дни мест в читальных залах не хватало. До ноября 1962 года библиотека работала в одну смену с 14 до 22 часов вечера. Чтобы оставлять резервные места для специалистов была проведена нумерация. К 1961 году штат библиотеки, составлял уже 50 человек, в том числе 37 библиотечных работников, что позволило увеличить часы работы с 10 до 22 часов.

Появлением нового здания областной библиотеки костромичи в полной мере обязаны Андрею Сильвестровичу Морозову. Много раз Андрей Сильвестрович ездил в Министерство культуры, в Москву, доказывая необходимость расширения библиотеки, возведения нового здания. Большую поддержку оказывали ему первый секретарь обкома КПСС Леонид Яковлевич Флорентьев, начальник областного управления департамента культуры Б.Д. Капустин. И разрешение на строительство нового здания было получено, выделены средства. 1963 год – последний год работы библиотеки в старом здании. Началось строительство нового, которое шло около пяти лет, с 1 января 1964 года по 14 сентября 1965 года библиотека была закрыта для читателей. Работники библиотеки подготавливали 600 тысячный фонд к переезду. Снимали книги с по-

6 Дедкова Т.Ф. О губернских небесах и повседневной культуре // Костром. гум. Вестн. 2016. № 6. С.4.

7 Дедков И. Дневник. 1953 – 1994. / публ., сост., послесл., прим. ук-ль имен Т.Ф. Дедкова. М. 2005. С. 608.

8 Дедков И. От поколения к поколению // Сев. правда. 1965. 11 сент. С. 4.

лок, связывали в пачки. Не надо забывать, что коллектив был в основном женский, а книги – тяжелыми. Андрей Сильвестрович Морозов, пока шло строительство, дневал и ночевал на стройке, создавал собственные нетиповые проекты и чертежи библиотечного оборудования, часть которого используется до сих пор. Стандартный проект, по которому было построено новое здание библиотеки, не отличалось рациональностью и красотой форм. Но все это сглаживалось замечательным коллективом единомышленников, которым руководил А. Морозов, отношением к читателю.

Сотрудники библиотеки любили своего директора. Каждый день он обходил все рабочие места, был в курсе семейных и бытовых проблем своих сотрудников. К одному из юбилеев А.С. Морозова коллеги написали ему такие строки:

«Давалось все как будто без усилий,
Был коллектив «за каменной стеной»,
И не было кривых возвратных линий,
Все устремлялось только вверх,
вперед».

В 1965 году областная библиотека им. Крупской получила статус научной, стала подлинным культурным центром города и области. Новый статус коренным образом изменил архитектуру библиотеки, профиль ее комплектования, позволил создать новые структурные подразделения. Так в нашей библиотеке, впервые среди областных библиотек страны был организован отдел литературы по искусству, где были собраны издания по архитектуре, живописи, музыке, киноискусству, театральному искусству. Фонды библиотеки стали пополняться грамзаписями. Постоянными посетителями нового отдела стали художники и артисты, музыканты.

Читальный зал отдела литературы по искусству стал новой выставочной площадкой для работ костромских художников. Популярностью пользовался цикл вечеров «Творческие портреты костромских мастеров искусства», часто с лекциями выступала искусствовед П.А. Кульженко. В 60 – е годы в библиотеке начинает работать кружок, объединивший любителей поэзии. На его занятиях изучалось творчество русских и советских поэтов, проводились вечера – конкурсы начинающих поэтов. Руководил кружком – И.А. Дедков.

В 1965 году, после вынужденного ухода из областного архива, в областную библиотеку приходит на работу в должности библиографа по общественно-политической литературе историк и краевед, «архивный юноша» Виктор Николаевич Бочков. «Дедков посоветовал Бочкову найти работу в областной библиотеке, поговорил с А.С. Морозовым, да и сам Виктор был давно своим человеком в библиотеке», вспоминает Т.Ф. Дедкова⁹. Морозов привел нового сотрудника в сугубо женский коллектив информационно – библиографического отдела со словами: «Вот вам жениха веду». «В. Бочков органично вошел в коллектив и, несмотря на то, что он не отличался открытостью характера, очень скоро расположил к себе как сотрудников библиотеки, так и читателей. После окончания рабочего дня, он часто допоздна засиживался в библиотеке, обдумывая тексты будущих книг, статей, работая над диссертацией, которую так надеялся защитить»¹⁰.

В 1966 году произошла смена руко-

9 Дедкова Т. Архивный юноша Виктор Николаевич Бочков // Костром. старина. 2007. № 20. С. 42.

10 Басова Н. Библиографическая деятельность В.Н. Бочкова // Костромская старина. 2007. № 20. С. 85.

водства библиотеки. Андрей Сильвестрович Морозов, уступая настоятельным просьбам директора Костромского культпросветучилища Г.С. Шевелева, соглашается перейти на новое место работы. Ему предстояло создать с нуля и возглавить библиотечное отделение. Не оставил своего директора одного на новом месте и его бывший заместитель по библиотеке, Борис Алексеевич Конардов. Для студентов училища А.С. Морозов стал Учителем с большой буквы. Непринужденно и интересно вел уроки.

В 1977 год А.С. Морозов ушел на заслуженный отдых.

Андрей Сильвестрович всегда был доброжелателен и тактичен.

Ему были присущи организаторский дар, неисчерпаемая творческая энергия,

житейская мудрость, умение работать с людьми.

Андрей Сильвестрович Морозов скончался 20 марта 1988 года. Волею судьбы, сделавшись костромичем, отдал нашему краю все знания, труд, здоровье, целиком посвятив себя служению книге.

И сейчас окна большого читального зала областной библиотеки светятся долгими зимними вечерами, ждут своих читателей. Сменяются поколения, но свет из этих окон льется на проходящих по улице, «зовет заглянуть, открыть для себя неизменные материи прозы, к путешествию в страну книги»¹¹. Здесь Вы никогда не почувствуете себя в роли непрошенного гостя. Библиотека живет для Вас.

¹¹ Дедков И. От поколения к поколению // Сев. правда. 1965. 11 сент. С. 4.

РАСКРАСКА «КРАСОЧНАЯ КОСТРОМА» КАК СРЕДСТВО ДЛЯ ЗНАКОМСТВА С ИСТОРИЕЙ И КУЛЬТУРОЙ РОДНОГО КРАЯ И РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ У ДЕТЕЙ 5-8 ЛЕТ

Сизова О.Н., Рассадин В.Н., Бушуев И.А.

*Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие»,
г. Кострома*

Концепция модернизации российского образования на период до 2020 г.¹ определяет цели общего образования, основные из которых обусловлены необходимостью формирования у каждого выпускника общеобразовательной школы целостной системы универсальных знаний, умений и навыков самостоятельной деятельности, гражданской ответственности и правового самосознания, духовности и культуры, инициативности, толерантности, способности к успешной социализации в обществе. Чтобы вырастить образованного человека, способного самостоятельно ориентироваться во всех видах обширной информации, решать многочисленные задачи производственного и гражданского поведения, необходимо изучение отечественной истории и краеведения.

В российском образовании краеведение традиционно считалось и считается

важным средством воспитания нравственности, гражданственности и патриотизма. Трудно переоценить значимость для познавательного развития и воспитания человека изучения природы, истории, духовной и материальной культуры его малой родины.

Л.С. Выготский², С.Л. Рубинштейн³, А.Н. Леонтьев⁴ и другие видные отечественные психологи утверждали, что психика человека наиболее активно изменяется и перестраивается в процессе деятельности. Успешность развития дошкольников и младших школьников при знакомстве с родным краем станет возможной только в условиях их активного взаимодействия с окружающим миром эмоционально-практическим путем, то есть через предметную деятельность, одной из форм которых является рисование.

2 Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991. 480 с.

3 Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. М., 1997. 464 с.

4 Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд., испр. и доп. М., 1977. 304 с.

1 Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р.

Рисование как форма деятельности включает в себя множественные компоненты психических процессов, в связи с этим его следует считать важным фактором формирования личности. Исключительно большое значение занятий рисованием подчеркивали А.Н. Граборов, Т.Н. Головина, Г.М. Дульнев, Л.В. Занков, И.М. Соловьев, Н.Ф. Кузьмина-Сыромятникова, М.М. Нудельман, Ж.И. Шиф и др.⁵

В публикациях современных педагогов Г.Г. Григорьевой, Б. Брусяниной, В. Белкиной и детских психологов В.С. Мухиной, Д. Громовой, Л. Паньковой однозначно утверждается, что сам процесс изобразительного творчества и раскрашивания способствует всестороннему развитию детей с раннего дошкольного возраста.

В традиционном восприятии «раскраска» определяется как детская развлекательно-творческая книга. Дети испытывают тягу к рисованию, однако дошкольники и ученики младшей школы очень быстро теряют интерес к любому занятию, если не видят, что оно приносит быстрый результат. Когда ребенок начинает рисовать, он хочет получить готовое изображение уже через несколько минут. При этом он еще не обладает достаточными навыками для грамотной работы кистью и карандашом, кроме того, мелкая моторика его рук развита еще недостаточно. Раскраска позволяет ребенку получить красивую картинку, затрачивая при этом минимум усилий. Таким образом, в качестве одного из назначений издания с контурными рисунками мы выделяем поддержку детского интереса к изобразительной деятельности.

5 Грошенко И.А. Изобразительная деятельность в специальной (коррекционной) школе VIII вида: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 208 с.

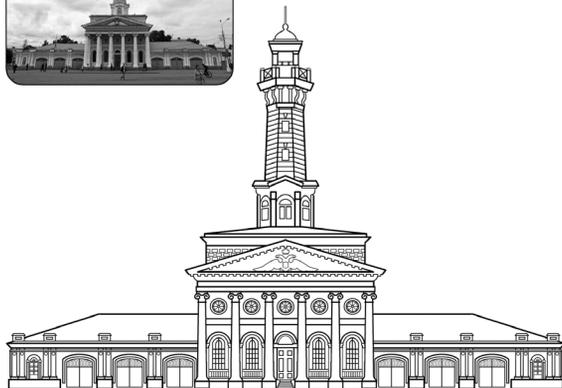
Раскраска «Красочная Кострома» предназначена для детей 5-8 лет. Цель данного пособия – приобщение детей к истории и культуре родного города, знакомство с местными достопримечательностями и развитие художественных способностей через выполнение творческих заданий. Задания раскраски могут выполняться как в ходе непосредственно образовательной деятельности под руководством педагога в классе или под контролем родителей в домашней обстановке.

Выполняя задания, дети в игровой форме получают и закрепляют базовые знания о Костромском крае, своем городе и его основных достопримечательностях. Работа над выполнением заданий раскраски, разработанных с использованием краеведческого материала, расширяет кругозор, развивает познавательные способности ребенка, внимание, память, любознательность, наглядно-образное мышление, мелкую моторику рук, обогащает словарный запас.

Основой содержания пособия стали задания по раскрашиванию контурных графических изображений – памятников истории и культуры города Костромы и Костромской области (рис. 1). Отобранные объекты являются уникальными, они связаны с важными вехами в истории края и отражают основные особенности развития русской провинциальной архитектуры в тот или иной исторический период. Так Пожарная каланча – это не только уникальное для всей России здание, но и предмет похвалы императора Николая I, отметившего, что подобной каланчи у него нет даже в Петербурге. Гостинный двор подчеркивал статус Костромы как развитого в торговом отношении города. Ипатьевский монастырь связан с избранием первого русского царя из династии Романовых. Таким образом, выбор памят-

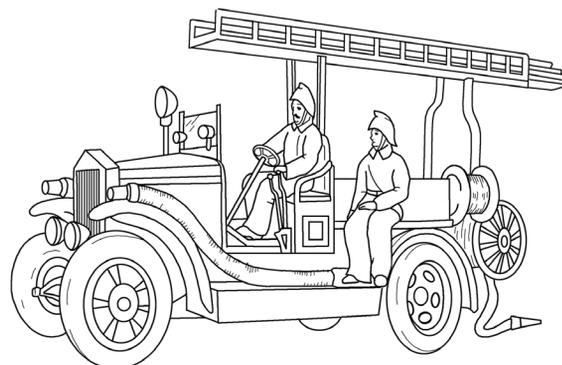

Пожарная каланча

Пожарная каланча построена в 19 веке. Каланча - самое высокое здание старой Костромы, ее высота составляет целых 35 метров!
Сейчас в здании каланчи располагается Музей пожарного дела, экспозиция которого знакомит посетителей с увлекательными фактами из истории пожарной службы.

Пожарная машина, начало 20 века

Задание:
Посети Пожарную каланчу и узнай, какую еще технику использовали костромские пожарные в своей работе.

Красные ряды

Лавка костромского купца

Красные ряды (Гостиный двор) – построены в конце 18 – 19 веках. Ряды насчитывали десятки лавок, в которых торговали «красным товаром» - тканями, пряжей, изделиями из кожи. Здесь же торговали приезжавшие в Кострому купцы – гости, поэтому ряды и получили второе название – Гостиный двор.
В настоящее время в Красных рядах продают обувь, часы, ткани, а также сувенирную продукцию.

Рис. 1. Примеры контурных изображений из раскраски «Красочная Кострома».

ников, легших в основу контурных изображений для раскраски, был обусловлен их важностью для раскрытия основных событий и имен в истории края, которые, в силу возрастных особенностей, могут быть усвоены детьми 5-8 лет.

В качестве следующего этапа знакомства детей с историей Костромского края предлагаются творческие задания,

разработанные с учетом конкретного историко-культурного и функционального значения каждого объекта и характеризующие историческую среду, в которой данный памятник архитектуры создавался и существовал. Мы не можем представить каланчу без пожарных, а пожарных – без снаряженного экипажа, мчащего на помощь людям навстречу очередной

опасности. Если мы предлагаем ребенку раскрасить гауптвахту, то мы должны познакомить его с основными видами войск, защищавшими Родину от иноземцев. Купеческая лавка не может жить без хозяина и, самое главное, выставленного на витрину товара.

Занимаясь раскрашиванием картинок, знакомясь с главными архитектурными памятниками и решая задачи на развитие логики и эрудиции, ребенок должен понять, что история не возможна без имен. И речь идет не только о монархах и полководцах. Например, знакомя ребенка с Романовским музеем, мы дадим ему возможность узнать о Ефиме Честнякове – его знаменитом земляке, известном во всей России художнике и писателе. Также раскраска становится отличным средством для демонстрации ребенку символики Костромской области и входящих в ее состав районов.

Активная художественная деятельность, возможная за счет вариативности содержащихся в раскраске заданий, задает важнейшие развивающие потенциалы пособия. Так в задании, где необходимо дорисовать яблоко, ребенку будет необходимо определить его правильный размер, также он сможет узнать название и имя автора картины, ставшей основой для разработки задачи.

Раскрашивая картинки и решая связанные с ними задания, дошкольники и младшие школьники узнают базовые законы построения художественной композиции, опосредованно познакомятся с такими понятиями, как сюжетно-композиционный центр, равновесие, правильное заполнения листа изображениями.

Раскраска ознакомит с разными жанрами изобразительного искусства: анималистический, городской, интерьерный,

сюжетно-тематический, исторический и бытовой. Ребенок познакомится с архитектурой как с видом изобразительного искусства, будет иметь возможность внимательно рассмотреть и сравнить декоративные элементы различных архитектурных сооружений.

Работа с раскраской должна приносить ребенку эстетическое удовольствие, поэтому взрослые должны контролировать, чтобы он, не ограничивая себя в фантазии и творчестве, последовательно раскрашивал конструктивные элементы зданий, использовал разные цвета и виды красок, сочетая их таким образом, чтобы они создавали стилистическое единство картины.

При выборе формата листа мы обратили внимание на то, чтобы дошкольник или школьник мог максимально легко справиться с поставленными задачами. Контуры изображений прорисованы достаточно крупно и четко, поэтому ребенку не составит труда раскрашивать аккуратно, не «выезжая» за их пределы и получая удовлетворение от того, что цветное изображение получается ровным и чистым. Одна из проблем, с которой мы столкнулись, заключалась в том, что реальные цветовые решения фасадов и архитектурных элементов достаточно типичны для дореволюционной провинциальной архитектуры. Однако раскраска не ограничивает фантазию детей. Напротив, ребенок должен проявить максимальную оригинальность мышления, чтобы, невзирая на все официальные каноны строительства и декорирования зданий, сделать Кострому максимально яркой и красочной.

Таким образом, использование раскраски «Красочная Кострома» в качестве пособия для знакомства с историей и культурой родного края и развития твор-

ческих способностей у детей 5-8 лет ориентировано на:

1. Расширение и насыщение «картины мира ребенка», пополнение его копилки знаний об истории и культуре родного края;

2. Развитие аккуратности, терпеливости и усидчивости, без которых получить красивый рисунок будет просто невозможно;

3. Тренировку мелкой моторики рук, которая в дальнейшем приведет к скорейшему развитию речи у юного художника;

4. Получение представления об основных колористических приемах и сочетаемости различных цветов.

Грамотно выполненные задания раскраски позволят ребенку получить заслуженную похвалу от учителя и (или) родителей, что повысит его самооценку и положительно повлияет на желание дальше выполнять подобного рода задания, сформирует устойчивый интерес к истории родного края и художественному творчеству.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акилбаев Александр Владимирович, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, к.и.н.

Анциферов Анатолий Леонидович, Музей природы Костромской области, к.б.н.

Аристов Александр Андреевич, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Бушуев Иван Алексеевич, Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие», к.и.н.

Волкова Елена Юрьевна, Костромской государственный университет, д.и.н.

Ганцовская Нина Семёновна, Костромской государственный университет, д.ф.н.

Горохова Анна Викторовна, Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие»

Горохова Ольга Вячеславовна, Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко, к.и.н.

Едошина Ирина Анатольевна, Костромской государственный университет, д. культурологии, профессор

Ефимов Н.А. Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Московской области «Геологоразведочный техникум»

Зенкова Ольга Борисовна, историк-краевед (г. Великий Устюг)

Калинина Елена Александровна, докторант Института российской истории РАН, к.и.н.

Каткова Светлана Сергеевна, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Копытков Василий Викентьевич, Культурно-исторический центр «Светоч» (г. Зеленоград)

Кузнецова Александр Сергеевна, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Кузнецова Валентина Николаевна, Российский этнографический музей, к.и.н.

Лазарев Алексей Станиславович, Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие»

Кузьмичёв Иван Александрович, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Максименко Х.Ю. Государственное казённое учреждение дополнительного образования Костромской области «ЭБЦ Следово»

Митров Алексей Геннадьевич, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, к.и.н., доцент

Митрофанов Роман Владимирович, Музей природы Костромской области

Михайлов Сергей Сергеевич, Музей истории и культуры старообрядчества

Москалёва Людмила Васильевна, Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода»

Монякова Ольга Альбертовна, Ковровский историко-мемориальный музей, д.и.н.

Никитина Татьяна Багишевна, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, д.и.н.

Павлова Мария Александровна, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Панина Наталья Валерьевна, Ярославского филиал Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, к.и.н.

Панченко Галина Викторовна, Плещский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Пиляк Сергей Александрович, Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода»

Пушков Виктор Петрович, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, к.и.н.

Рассадин Василий Николаевич, Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие», к.п.н.

Самоделова Елена Александровна, Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН, д.филол.н.

Сатурин Алексей Александрович, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Сизова Оксана Николаевна, Областное государственное бюджетное учреждение «Наследие»

Славнитский Николай Равильевич, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, к.и.н.

Слепцова Ирина Семёновна, Институт этнологии и антропологии РАН

Соловьёва Людмила Владиславовна, Костромская областная универсальная
научная библиотека

Судакова Ольга Витальевна, Генеалогическое общество Карелии

Сулоев Иван Николаевич, Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник, к.и.н.

Цветков Сергей Валентинович, Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Чеснокова Елена Геннадьевна, аспирант Института этнологии и антропологии РАН

Четвертаков Евгений Валентинович, Дальнеконстантиновский районный краеведческий
музей, магистр истории

Шабалина Наталья Юрьевна, Шарьинский филиал Областного государственного
бюджетного учреждения культуры «Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник»

Шалахов Евгений Геннадьевич, Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева»

Щербаков Виталий Леонидович, Костромской государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник.

Для заметок

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Костромской край и сопредельные территории в древности,
Средневековье и в Новое время
К 135-летию со дня рождения В.И. Смирнова**

Сборник научных трудов

Верстка: Т. В. Зайцева

Подписано в печать 27.11.2017 г
Формат: 64x90/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Печ. л. 28,86
Тираж 200 экз. Заказ № 8452

Отпечатано ИД «Линия График Кострома»
г. Кострома, ул. П. Щербины 9А

Кострома 2017